

МОНИКА ПИЦ

Друга година

Моника Пиц
Невидимый Город

Посвящается Горбену, Паулине и Джонатану

1

С добрым утром, Лина

Получилось! В последнюю секунду Лина вбежала в ванную. С облегчением она прислонилась спиной к двери и закрылась. Обычно Лина проигрывала утренние состязания с сестрами, и в наказание ей приходилось целую вечность ждать в коридоре, пока Фиона и Шарлотта примут полноценный душ, намажутся кремом, причешутся, высушат волосы, посплетничают и впустую потратят кучу времени. Полка у зеркала уже прогнулась под тяжестью их бантов, заколок для волос, забавных зубных щеток, разноцветных детских кремов и специальных шампуней. В то время как Фиона отдавала предпочтение всему, что связано с лошадьми, и пробникам духов, Шарлотта любила единорогов, фей, эльфов и все, что было розовым или хотя бы блестящим. Из-за длительных ритуалов сестер по наведению красоты у Лины по утрам постоянно катастрофически не хватало времени. Но сегодня она первой бросилась в ванную. Довольная, она прокрутила видео на телефоне, громко включила музыку и приклеила шпатель к зеркалу. Первым уроком 9-го «Б» была биология. К тому времени она должна безупречно выучить законы наследственности Менделя.

– Родители передают наследственную информацию своим потомкам определенными частями, называемыми наследственными чертами, или генами, – вспоминала Лина, танцуя перед зеркалом и чистя зубы. К началу припева она стала напевать заученный текст вслух еще громче. Настолько, что ее рот оказался полностью набит пеной, а зубная щетка удачно заменяла микрофон.

– Мне нужно в туалет, – крикнула снаружи Шарлотта, стуча кулаками по двери. – К тому же ты ужасно фальшивишь.

Лина не позволяла себе отвлекаться.

– Для начала, закон единообразия гибридов первого поколения, – заучивала она учебный материал. – При скрещивании двух чистых рас одного вида все первое поколение гибридов окажется единообразным, – продолжила Лина и замерла.

Что это было? Движение? За спиной? За занавеской для душа? Может быть, это ветер, дующий через окно? Несмотря на яркий дневной свет,

Лина почувствовала себя, как в фильме ужасов, которые так любила ее подруга Бобби. Сцены в ванной в этих фильмах никогда не заканчивались хеппи-эндом.

– При скрещивании двух чистых рас одного вида все первое поколение гибридов окажется единообразным, – нерешительно повторила она, пока ее глаза изучали отражение в зеркале.

Нет, она не ошиблась. За цветными узорчатыми облаками на душевой занавеске двигалась какая-то тень. Один палец незаметно отодвинул пластиковую перегородку в сторону, за ней блеснул крошечный объектив фотоаппарата.

«Не показывай виду. Только не дай понять, что обнаружила незваного гостя», – с трудом подавила она дрожь в голосе.

– Во-вторых, закон расщепления, – пробормотала она. – Закон расщепления применяется, когда два индивидуума скрещиваются...

На середине фразы Лина одним быстрым движением развернулась и рванула в сторону облаков. Пронзительный визг эхом разнесся по выложенной плиткой комнате. Лина с трудом поверила своим глазам: в душевой пряталась ее младшая сестра и снимала ее, как она в трусах и пижамной футболке пляшет перед зеркалом. Фиона криво усмехнулась, обнажив при этом место отсутствующего клыка. Оправившись после испуга, она сразу же вернулась к своей роли.

– Ты чудесно двигаешься, – сказала она, подняв большой палец. – У нас будет куча просмотров.

Безо всякого чувства вины она повернула телефон к себе.

– Привет и доброе утро, – пропела она в камеру телефона. – Это я, ваша Фиона. Рада, что вы снова со мной. Сегодня я покажу вам, как провожу свое утро. Каждый раз, когда я встаю, моя сестра обгоняет меня, чтобы попасть в ванную. У вас есть старшая сестра? Тогда вы понимаете, о чем я говорю. Вы тоже стоите утром у двери и задаетесь вопросом, что она делает в ванной? Сегодня я открою вам секреты Лины.

Она повернула камеру в сторону Лины.

– Лина, скажи «доброе утро» людям во влоге.

– Сейчас же отдай телефон, – скомандовала Лина, протягивая руку.

Несмотря на то что она в совершенно неподходящее время застряла в душевой, Фиона и во сне не подумала бы отдать ей драгоценные снимки без боя. Вытянув руку, она держала Лину на расстоянии, продолжая невозмутимо снимать видео.

– Сестра – это настоящий вызов, – объяснила она. – Это притом что она мне даже не настоящая сестра. Вообще-то она моя кузина. Ее родители

умерли.

– Немедленно прекрати этот бред, – сердито сказала Лина и попыталась вырвать у Фионы телефон из рук.

Младшая сестра спрятала телефон за спину.

– На YouTube все именно так, – защищалась она. – Чем больше драмы, тем больше просмотров.

У Лины не было ни малейшего интереса прославиться при помощи ролика, в котором главную роль сыграла ее пятая точка. Еще меньше ей хотелось, чтобы Фиона рассказала о смерти ее родителей на YouTube. Обычно Лина избегала разговоров о трагической автокатастрофе. Само упоминание о том, что она круглая сирота, повергало людей в шок. Ее одноклассники тарасились на нее, смущенно чесали затылок и смотрели так беспомощно и ошеломленно, что Лина каждый раз испытывала желание рассказать что-нибудь смешное, чтобы их успокоить. Еще хуже были благонамеренные взрослые, которые гладили ее по голове и при этом делились с ней жизненной мудростью: «Как хорошо, что ты была такой маленькой и ничего не помнишь», «Судьба не взваливает на наши плечи больше, чем мы можем вынести» или «Ты можешь быть благодарна за то, что нашла новых родителей».

Что Лина должна была на это отвечать? Что она ничего так сокровенно не желала, как воспоминаний? Что ее новая мама всегда оставалась для нее тетей Соней? А отчим – равнодушным?

Стук снаружи прекратился.

– Я расскажу маме, что ты меня не выпускаешь, – прокричала Шарлотта.

Лина сняла насадку для душа с держателя. Ее левая рука нащупала кран.

– Удали видео. Немедленно, – приказала она.

Фиона включила свое упрямство.

– Мы назовем себя фальшивыми сестрами и создадим собственный канал, – не отступала она.

В одиннадцать лет у Фионы все еще менялись зубы, но с ее деловой хваткой она могла заткнуть за пояс любого взрослого.

– Знаешь, сколько денег мы сможем заработать! Мы будем получать рекламные контракты и предложения от спонсоров, бесплатную одежду, инструменты для макияжа, будем тестировать игрушки и получать приглашения на ток-шоу.

Рука Лины слегка повернула смеситель. Вода закапала на кроссовки Фионы.

– Ты должна оценить преимущества, – раздался голос Фионы. – Больше

никакой школы. Как влиятельному человеку тебе не нужна будет школа. Достаточно себя самой. Я уверена, что многим людям интересно, как ты выглядишь после того, как встаешь с постели.

Лина включила кран на полную мощность. Ледяной поток воды обрушился на Фиону. Вода пропитала футболку и брюки, просочилась в ее новые ботинки. Младшая сестра истерично закричала.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась.

Тетя Соня возникла в проеме. В руке она все еще держала отвертку, с помощью которой открыла дверь.

– Мама! – крикнула Фиона, тайком стирая видео. – Лина угрожает мне. Она хочет отобрать у меня телефон.

Дни кукурузных хлопьев

Лина жевала кукурузные хлопья. Она решительно зачерпывала сухие хлопья ложкой, пока ее рот не наполнился настолько, что хруст во время жевания заглушал споры за завтраком. Кукурузные хлопья предназначались для плохих дней, хрустящие тосты – для обычных, а йогурты – для самых лучших. С тех пор как отец Фионы и Шарлотты бросил семью, пришли дни кукурузных хлопьев. Лина каждый день старалась вести себя как можно незаметнее, чтобы не причинить тете Соне лишних страданий. После развода с Хьюго ее приемная мать похудела, стала ранимее и была подвержена хроническому стрессу. Раньше она уже за завтраком спорила с Хьюго о деньгах, затем о долгах, но уже несколько недель даже этого не случалось.

– Забери наконец свои вещи, – потребовала она, когда он пришел забрать на время Фиону и Шарлотту. – Иначе я поручу это сделать мусорщику.

Если тетя не работала и не делала звонки, она закидывала Лину и сестер риторическими вопросами:

– Неужели музыка должна быть такой громкой? Вам нечем больше заняться, кроме как валяться на диване? Как можно быть такими грязными? Не могли бы вы хотя бы отнести белье вниз, выключить свет в ванной, вынести мусор?

Иногда Лина завидовала Фионе и Шарлотте, когда Хьюго забирал их и с легкостью тратил на них день- ги. Он никогда не спрашивал, хочет ли Лина пойти с ними.

Сегодня даже три столовые ложки кукурузных хлопьев не помогли заглушить пронзительный голос тети.

– Тебе постоянно нужно ссориться со своей младшей сестрой? – спросила Соня, набивая промокшие ботинки Фионы газетной бумагой, чтобы вернуть им форму. В ее голосе звучали усталость и постоянное разочарование. Фиона, не обращая внимания на наставления Сони, бросила на Лину торжествующий взгляд. Шарлотта тем временем беззаботно рисовала геометрические узоры на своем бутерброде с «Нутеллой», делая

вид, что находится на Марсе. Восемилетний ребенок держался в стороне от ссоры. Но Лина знала, как сильно Шарлотта мечтала получить роль во влоге Фионы.

Лине хотелось встать и высказаться в свою защиту. Усталые глаза Сони заставили ее промолчать. Не жалела ли тетя, что взяла ее к себе после несчастного случая? Шарлотта и Фиона были желанными детьми, а Лина доставляла одни неудобства. Когда Лина была младше, она воображала, что инопланетяне забыли ее на планете Земля. Каждую ночь она поворачивала настольную лампу к окну и направляла свет на улицу, чтобы инопланетяне могли найти ее, когда будут парить в своем НЛО по ночному небу. В какой-то момент Соня убрала лампу и прочитала ей длинную лекцию о тратах на электричество и здоровом сне. Соня ничего не знала об инопланетянах, а Лина не осмеливалась посвящать в это тетю. Взрослые зачастую мыслят слишком ограниченно, когда дело касается необъяснимых вещей.

– Девочка забивает голову странными мыслями, – жаловалась Соня подругам по телефону. – Слишком богатое воображение.

Звучало так, словно у Лины была страшная болезнь. Хор голосов в ее голове, который должен был комментировать всех и вся, тоже сыпал соль на рану. «Ты странная, – говорили голоса. – Ты не принадлежишь их семье. Ты им не нужна. Может быть, тебе лучше исчезнуть».

Лина чувствовала себя чужой в собственной семье. Ее подруга Бобби утверждала, что это происходит со всеми пятнадцатилетними.

– Ты вообще меня слушаешь? – возмущенно спросила Соня.

Ее глаза искрились от раздражения. Шарлотта и Фиона едва осмеливались дышать. Эти проклятые голоса. Они постоянно вмешивались своей болтовней, из-за них Лина упускала самое важное.

– Я постараюсь, – испуганно пообещала она. Это всегда был верный ответ.

– Постарайся? – вырвалось у Сони. – Тебе нужно вытянуть на пятерку.

Видимо, от ссоры сестер Соня плавно перешла к школьным оценкам Лины и предстоящей контрольной по биологии. «Перевод в старшую школу под вопросом», – значилось в ее последнем табеле.

– Как можно из-за одного предмета быть в таком шатком положении? – спросила Соня. Рассердившись, она бросила посуду в посудомоечную машину. – С меня достаточно, Лина, – со всей серьезностью сказала она. – Если ты завалишь биологию, можешь забыть про гандбол^[1]. Ты должна наконец научиться концентрироваться на главных вещах в жизни.

С детского сада ее постоянно кто-то призывал концентрироваться. Взрослые не понимали, что концентрироваться она способна прекрасно. Это не проблема. В жизни Лины было слишком много вещей, о которых она должна была думать одновременно. Что она могла поделать с тем, что извилины в ее мозге все время были в напряжении? В голове Лины гудело, как в улье: постоянная смена вопросов и идей, лукавых мыслей и глупых затей, воспоминаний и планов, страхов и желаний. Ее тетя не могла себе представить, как утомительно слушать столько голосов. Они даже не пытались прийти к согласию. Для ее тети было уже загадкой то, как можно слушать музыку и в то же время зубрить английскую лексику. Соня не понимала, почему Лине обязательно нужно было во время просмотра телевизора переписываться в WhatsApp и одновременно играть в Candy Crush. При этом она сама постоянно зависала в смартфоне. Даже во время еды.

– Для меня это работа, – сказала она. – Это другое.

Для взрослых существовали собственные правила. Соня запрещала Лине во время еды отправлять сообщения Бобби. Впрочем, сама она тут же оставляла тарелку, если кто-нибудь из ее подруг звонил, чтобы обсудить драму в своих отношениях.

Любовь у взрослых, видимо, попадала в категорию работы. Несмотря на этот труд, брак Сони с Хьюго был неудачным.

– Я серьезно, Лина, – повторила Соня. – Гандбол слишком тебя отвлекает. Это для твоего же блага.

Лина озабоченно кивнула. Бывали дни, когда даже с кукурузными хлопьями ничего нельзя было поделать.

Старые знакомые, новые времена

– Ты спятил? – крикнула Лина.

Лишь резкий прыжок в сторону спас ее от того, чтобы превратиться в кашу на пешеходной дорожке перед школой. Дуновение воздуха полоснуло ее по щеке, когда Йонас на полной скорости пронесся мимо нее. В любую погоду – ветер, дождь и снег – ее одноклассник пересекал город на оранжевом шоссейном велосипеде, в котором не было ни переключения передач, ни фонарей, ни щитка, ни звонка, ни даже тормозов. Йонас находился на грани столкновения с Линой, жесткого нарушения правил дорожного движения и выговора директора, который запрещал такие велосипеды в школе. Правил Йонас придерживался редко. Даже его средней длины каштановые волосы восставали против каждой стрижки и беспорядочно торчали во все стороны. Парнишка, проехав мимо, повернул голову, одарив Лину обезоруживающей улыбкой и сложив руки в извиняющемся жесте. Его темные глаза сияли теплым коричневым светом, словно кто-то их раскрасил. Сердце Лины подпрыгнуло от внезапного порыва счастья.

В течение трех лет она ходила на один урок с Йонасом Расмусом. Она не помнила, когда бледный и хронически застенчивый коротышка вырос в высокого и уверенного в себе юношу. Его перемену Лина заметила только тогда, когда Йонас перешел в ее секцию по гандболу. Вдобавок в дни соревнований он зарабатывал в спортивной столовой несколько евро. Даже с криво застегнутым кухонным халатом и дурацким бумажным корабликом на голове он выглядел сногшибательно. И в спортивной одежде в целом. Половина команды Лины запала на него. Когда Йонас тренировался со своей командой, в зале всегда собирались любопытные девушки. Сегодня утром впервые никто из его поклонниц не порхал вокруг него. Лина колебалась. Была ли это идеальная возможность для Лины заговорить с ним? Она хотела когда-нибудь завести с ним разговор, который выходил за рамки «Колы, пожалуйста». Может быть, завтрак из кукурузных хлопьев все-таки превратился во что-то хорошее?

Йонас спрыгнул с велосипеда и опустился на колени. Умелыми руками он отстегнул от переднего колеса вело замок, расположил его рядом с

задней шиной и приковал к столбу. Подчеркнуто небрежно Лина направилась в его сторону.

«Ну? Хорошо подготовился к биологии?» – хотела спросить она. Вместо этого у нее громко вырвалось:

– Ик! – В течение нескольких недель у нее постоянно появлялась икота, как только рядом с ней оказывался Йонас. Его взгляд вызывал приятный трепет в животе, словно она случайно выпила слишком много шипучки. Странное покалывание нарушало ее способность думать и ходить прямо. На днях, во время тренировки по гандболу, она ударилась лбом о стеклянную дверь, неожиданно встретившись с ним.

– Ик, – вырвалось у нее во второй раз. Наушники Йонаса избавили ее от очередного позора. Не заметив Лину и ее чересчур громкую икоту, долговязый парень побежал в сторону школы, энергично перескочил сразу через три ступеньки и присоединился к Хлое и ее подруге Элиф. Лина потрясенно опустила голову. Хлоя была не только капитаном команды по гандболу, но и самой классной девчонкой в школе. Уверенно откинув назад свои длинные белокурые локоны, она поприветствовала Йонаса пылким объятием.

Сегодня она была в ярко-красном комбинезоне и темных очках. На ее плече красовалась новенькая фирменная сумка. Элиф следовала за ней, как тень. Многие девочки в классе и на гандболе страстно желали быть такими же, как Хлоя, – или хотя бы погреться в лучах ее славы.

Хор в голове Лины коварно рассмеялся. Это все дурацкая икота. Почему она не могла так же круто общаться с Йонасом, как Хлоя? Никто не идеален. Но почему судьба не наделила ее недостатком, который менее бросался бы в глаза? Плоскостопие, например. Плоскостопие подошло бы идеально: в конце концов, большую часть времени она носила закрытую обувь.

Пока она ждала на лестнице, когда пройдет икота, голоса в голове Лины в подробностях описывали десятки изъянов, которые были бы предпочтительнее: оттопыренные уши, щель в зубах, лицо, усыпанное веснушками. С такими характеристиками, по крайней мере, еще возможно начать карьеру топ-модели. И очки стали популярными в ее классе с тех пор, как Хлоя начала их носить. С прозрачными стеклами.

– Не надо быть умной, – утверждала она. – Вполне достаточно выглядеть такой. В остальном хватит хорошего профиля.

Вот почему у Хлои было 4567 подписчиков в Instagram, а у Лины – куча проблем. Лина надеялась, что ее нервозность уляжется за то длительное время, что она проведет с Йонасом в гандбольном лагере. Соня не

понимала, насколько важен тренировочный лагерь. Для тети гандбол был несущественным хобби, от которого можно было отказаться в любой момент. Для Лины спорт значил все. Ей ни в коем случае нельзя было пропустить последнюю игру сезона. А не попасть в такой лагерь – тем более! Все, что ей нужно было сделать, так это как можно лучше сдать биологию.

4

Икота

– Телефоны, тетради, книги, черновики, сэндвичи – все убираем, – приказала госпожа Айзерманн. Учительница биологии с энтузиазмом раздавала экзаменационные листы. Лина закусил губу. Сегодня утром в ванной она без труда смогла рассказать вызубренные законы Менделя. Однако свирепый взгляд Амалии Айзерманн не обещал ничего хорошего. Заместитель директора имела репутацию человека, подвергающего таких кандидатов в подвешенном состоянии, как Лина, экстратяжелым экзаменам.

Спустя мгновение она приступила к инструкциям.

– Раздвинуть стулья. Прекратить болтовню. Убрать телефоны, – пролаяла она. Никто не осмеливался пискнуть. Хомяки, мыши, крысы, птицы и насекомые, населявшие биологическую лабораторию, вели себя невозмутимо. Твердо зная, что госпожа Айзерманн любит животных больше, чем детей, они громко шумели в своих клетках.

– Вы знаете, для чего все это, – предупредила госпожа Айзерманн, положив на парту Лины листок с заданиями. Ее улыбка обнажила ряд зубов и десну целиком. – У вас есть час, чтобы показать, чего вы стоите без использования Google.

Ее указательный палец уперся в клавиатуру ноутбука и активировал обратный отсчет. На электронной доске появился индикатор с оставшимся временем. Все одновременно перевернули листы. Шум напомнил Лине хлопанье крыльев стаи птиц, поднявшейся в воздух от испуга перед госпожой Айзерманн. Голоса в голове одобрили такое удачное сравнение.

Со своим характерным носом, вздернутым подбородком и пронзительно голубыми глазами учительница сама была чем-то похожа на птицу. Непослушные кудри были собраны в свободный пучок, похожий на гнездо, которое, казалось, ждет наседку. Лина заинтригованно наблюдала за позой госпожи Айзерманн. Прищурившись, она со строгим лицом следила за каждым движением в классе. Ее туловище было слегка наклонено вперед, словно госпожа Айзерманн была готова в любой момент наброситься на свою жертву. Как бы сильно она ни поощряла командную работу, на экзаменах она беспощадно наказывала за малейшую попытку

списать. Каблуки учительницы цокали по линолеуму, словно ее шаг отсчитывал проходящие секунды. 59 минут 12 секунд, 11 секунд, 10 секунд... Рука Лины слегка задрожала, когда она достала карандаш из пенала.

«Если ты завалишь биологию, можешь забыть про гандбол», – прозвучало предупреждение тети в ее ушах. Украдкой она покосилась влево, где Йонас ломал голову над заданиями. Каштановые кудри выделяли его среди одноклассников, длинные ноги торчали в центральном проходе. Из средних парт для девятиклассников он давно вырос.

– Возможно, будет понятнее, если ты начнешь читать, – резкий голос прервал ее мысли. – Жевание карандаша портит не только желудок, но и оценку. – Госпожа Айзерманн перевернула нетронутый лист перед ней. Испугавшись, Лина проверила время на доске. 57 минут 42 секунды. Размышления отняли у нее две минуты. «Сконцентрируйся. Все поставлено на карту: гандбол, лагерь, Йонас».

Поспешно Лина просмотрела вопросы. Первый блок был посвящен фермеру Гансу, который собирался скрещивать две породы крупного рогатого скота, затем следовали задания о дрозофилах, которые, как ни странно, представляли собой идеальных подопытных для изучения наследственности. В восьмом вопросе у Лины перехватило дыхание. *«В моей семье преобладают большие носы, выдающийся подбородок и вьющиеся волосы, – писала Амалия Айзерманн. – Какие наследственные черты вы можете отметить в своей семье?»*

Заместитель директора была одержима тем, чтобы доказать своим ученикам, что учебный материал по биологии имеет неразрывную связь с реальной жизнью. Их занятия представляли собой один большой эксперимент с практическими упражнениями и полномасштабным использованием примеров, которые должны были познакомить учеников с природой и животным миром. Вплоть до кровавых подробностей. 9-й «Б» не только нес ответственность за своевременное и надежное кормление хомяков, мышей и крыс в биологической лаборатории. Лина и ее одноклассники должны были ухаживать за палочниками, присматривать за улитками, разводить навозных червей, классифицировать насекомых и сажать на школьном дворе фруктовые деревья для сычей, находящихся под угрозой вымирания. К сожалению, жадная до открытий учительница не остановилась на этих сравнительно безобидных занятиях.

– Вы можете проявлять уважение исключительно к живым существам, которых знаете, – проповедовала она. С содроганием Лина вспоминала часы, когда должна была препарировать свиные глазки, обнажать

внутренности рыб или потрошить дохлую лягушку. Лина легко справилась бы с лягушкой. Но ее желудок был другого мнения. При первом же прикосновении к холодному, заплесневелому, скользкому животному живот скрутило. Вместе с Хлоей она провела остаток урока в туалете. Хлоя получила преждевременную аттестацию благодаря вмешательству своих родителей, а Лина – двойку. Из-за тупой лабораторной лягушки Лина теперь находилась в подвешенном состоянии.

«В моей семье преобладают большие носы, выдающийся подбородок и вьющиеся волосы, – прочитала она задание еще раз. – Какие наследственные черты вы можете отметить в своей семье?» Для примера грозный заместитель директора распотрошила свой личный фотоальбом. Несмотря на то что дамы Айзерманн рождались с промежутком во много десятилетий, они так явно походили друг на друга, что Лина перестала считать мысль о перерождении ошибочной. Или, может быть, Амалия Айзерманн могла путешествовать во времени? Об этом она должна была рассказать!

«Какие наследственные черты вы можете отметить в своей семье?»

Свободные вопросы у госпожи Айзерманн были такими же, как и вопросы по предмету. Личными ответами ты доказывал, что видишь связь между школьным материалом и собственной жизнью. Вокруг Лины закрипели карандаши. Крыса сердито грызла прутья своей клетки. Лина разделяла ее потребность убраться отсюда. Ее семейная жизнь не укладывалась в несколько простых предложений. Почему госпожа Айзерманн не стала задавать вопросы о недовольных фермерах? У фермера Ганса, из первого вопроса, были черные коровы и коровы рыжего пестрого окраса. Видимо, он не мог спать спокойно до тех пор, пока из двух своих пород не выведет еще третью, черных и пятнистых. Лина должна была помочь ему и подсчитать, насколько велик был шанс, что у крестьянина Ганса скоро на пастбище появится новый вид коров. Это был бы социально значимый дополнительный вопрос: как убедить фермера Ганса довольствоваться имеющимися у него коровами? Чем черно-коричневые в пятнах были лучше? Соответствовали ли они в большей мере его интерьеру или клетчатому рисунку его рубашек? Вместо этого Лина должна была рассказать о собственной семье.

Как лучшая подруга ее соседка по парте Бобби догадывалась, что происходит у нее внутри. В их седьмом классе госпожа Айзерманн посадила девочек рядом друг с другом. Она посчитала тихоню Лину и умную, но явно отстраненную Роберту Альберс замечательной командой. Первую неделю вынужденные дружить девочки упорно игнорировали друг

друга. В начале второй недели Бобби бессловесно поделилась содержимым своего внушительного завтрака со своей новой соседкой по парте. Она заметила, что Лина, которая из-за недостатка времени приносила что-то только через день, завистливо косилась на ее хлеб и фрукты. Мать Бобби жила в постоянном страхе, что ее дочь может проголодаться в школе или погибнуть от острой нехватки витаминов. В то время как Бобби реагировала на это с раздражением, Лина втайне завидовала своей однокласснице из-за того, что мать Бобби так заботилась о дочке.

Простая записка, которую она нашла в среду среди бутербродов Генриетты Альберс, растрогала ее до слез. На записке с напоминанием о визите к стоматологу было нарисовано сердечко, и заканчивалась она словами, что мама ее любит. Молча Бобби сунула ей пачку носовых платочков. Это было началом их дружбы.

Сейчас Бобби украдкой подняла вверх большой палец. Со своей короткой стрижкой, длинной челкой, падающей на лоб, большими глазами, белой блузкой и красной клетчатой юбкой она выглядела прилежным вундеркиндом. В действительности у Бобби было своеобразное чувство юмора и эксцентричные увлечения. Ей нравилось все, что было кровавым или жутким, она была единственной, кто вызывался сам, когда дело касалось вскрытия мертвых животных. После школы она планировала изучать естественные науки. Бобби не терпелось как можно скорее покинуть школу и своих одноклассников, которые держались от нее на расстоянии. Позже Лина задавалась вопросом, как она справилась с работой по биологии.

«Какие наследственные черты вы можете отметить в своей семье?» Горло сжалось, а слезы выступили на глазах. Почему все так заинтересовались ее родословной? Сначала Фиона, теперь госпожа Айзерманн. Откуда ей знать, что она унаследовала от своей матери и бабушки? Она даже не помнила, что у нее вообще были родители. Ну как? Ей не было и четырех, когда они погибли.

Громкий щелчок пальцами испугал Лину, прервав ее размышления. Бобби попросила новый лист. Лина ей завидовала. Если тебя зовут Бобби, писать о наследственности в собственной семье не проблема. Сколько раз Бобби злилась на то, что обязана тощими ногами бабушке, непослушными волосами отцу и неутолимым любопытством – матери. Даже Хлоя, которая по натуре была невежественной, усердно что-то строчила. Неудивительно. Любой в классе мог бы ответить на вопрос вместо Хлои, ведь ее прадед Венделин Веннингер был основателем школы, имя которого она и носила.

«Мы изобрели ЗВВ», – любила повторять Хлоя. Заводы Венделина

Веннингера, обеспечивающие весь мир кремами, шампунями, мылом и моющими средствами, до сих пор являлись крупнейшими предприятиями города. Чтобы ответить на восьмой вопрос, Хлое нужно было всего лишь заглянуть в фойе школы, в котором висел огромный портрет основателя школы, написанный маслом. Или подойти к фонтану Веннингера, где над рыночной площадью возвышалась скульптура основателя компании. Огромная статуя изображала мрачного, хмурого аптекаря среди огромных пробирок, из которых вверх била вода. Ночью, когда разноцветные лампы освещали высокие фонтаны и яркие огни плясали на его суровом лице, он напоминал безумного злого алхимика. Результаты его ночных экспериментов и сейчас можно было найти в каждом супермаркете. Слоган «Веннингер – это нечто большее», который фирма скандировала десятилетиями, преследовал Лину с детских лет. Он так и взывал с афишных столбов и рекламных щитов, появлялся в газетах, рекламных роликах и по утрам в ванной.

Погруженная в мысли, Лина оглядела своих одноклассниц. О меньшем у Хлои не могло быть и речи – она скорее принадлежала к типу «больше, больше, больше». Больше макияжа, больше шмоток, больше друзей.

Госпожа Айзерманн постучала огромной металлической линейкой по учительскому столу.

– Осталось пятнадцать минут, – объявила она.

Лина вздрогнула. Почему пятнадцать минут? Как? Она еще даже не начала. Что-то с ней не так. Мысли разбежались в ее голове во все стороны, систематически отсчитывая минуты. Ее внутренние часы работали неправильно. Еще одна головоломка для хора голосов, восторженно подхвативших эту тему: «Где на самом деле находятся твои внутренние часы? Ты видишь глазами, слышишь ушами, пробуешь языком и чувствуешь кожей. Но что насчет времени? Откуда человек знает, сколько прошло времени, если за это не отвечает ни один орган?»

– Пятнадцать минут! Это относится и к нашей госпоже Фридрих, – произнесла госпожа Айзерманн. – Она снова витает в облаках.

В этот момент случился он. Провал. Йонас с любопытством повернулся к ней. Его карие глаза блеснули. Боже мой. Не сейчас. Не снова. Не в классе. Пожалуйста.

– Ик, – вырвалось у нее громко и звонко.

Йонас был крутым. Хлоя была крутой. Даже Бобби – в своей чудаковатой манере. Лина – не очень. Она даже не умела притворяться. Виной тому были Йонас и этот дурацкий нерв, который проходил от мозга сквозь грудную клетку к диафрагме и вел себя как чересчур капризный

ребенок. Все его раздражало. Поспешное жевание или глотание, слишком горячая еда, слишком холодная еда, еда и разговоры, разговоры и еда, стресс, один-единственный взгляд Йонаса. Каждый раз возбуждающие синапсы посылали в мозг аварийный сигнал в знак громкого протеста. Йонас нахально ухмыльнулся ей. В его карих глазах было полно желтых крапинок. словно кусочков сверкающего янтаря.

– Ик, – повторила она чуть громче.

Йонас, которому нравилось непослушание в любой форме, приснул от смеха. Учительница встала перед партой Лины и перевела взгляд на Йонаса:

– Лина Фридрих, немедленно прекрати эту комедию.

Паника всколыхнулась в ней. Появление госпожи Айзерманн только ухудшило ситуацию. Лина боялась икоты. И от этого страха она начинала еще больше икать. Но сильнее всего она боялась, что икота из-за шока никогда не пройдет. В случае паники она вспоминала план действий. С течением времени у нее накопилось много хороших методов: дышать медленно, дышать быстро, задержать дыхание, семь раз сглотнуть, двадцать пять секунд сжимать ладонь, зевнуть, испугаться, высунуть язык и энергично потянуть за него. Лина попробовала наиболее простое упражнение. Она сделала глубокий вдох, задержала дыхание и представила себе свою учительницу без волос на голове. В обычной ситуации можно было подумать о семерых лысых мужчинах, но это никогда не спасало Лину. Ее голова слегка закружилась, слабость охватила тело. Йонас с любопытством откинулся на спинку стула, пока снова не встретился взглядом с Линой.

– Ик, – поздоровалась Лина с его приветливым лицом. Йонаса так трясло от смеха, что он потерял равновесие, стул начал падать, и Йонас с громким плюхом приземлился на пол. Госпожа Айзерманн крутанулась на каблуках, как безумная балерина. Прежде чем она успела отдышаться, Йонас поднялся, поставил стул прямо и небрежно вручил свою работу учительнице биологии.

– У меня все равно нет желания больше изучать дрозофил, – сказал он. Схватив свой рюкзак, он отсалютовал двумя пальцами и неторопливо побрел к выходу. В дверях он обернулся к Лине и заговорщически подмигнул ей. Лина попрощалась с ним, весело икнув. И начался ад. Слева раздались преувеличенно громкие звуки икоты. Хлоя, всегда готовая привлечь внимание, воспользовалась преимуществом Лины. Класс разразился истерическим хохотом. Из всех углов доносилась нарочно спародированная икота.

– Вон, – рявкнула учительница Лине. – Немедленно.

Голос ее сорвался, красные губы задрожали, а гнездо на голове грозило распасться от того, насколько возмущенно она мотала головой.

Лина попыталась протестовать. Но взгляд госпожи Айзерманн зловеще блеснул: казалось, ей лучше держать рот на замке. В недоумении она бросила пустой экзаменационный лист на учительский стол. Она все испортила.

Такой ужасной икоты еще никогда не было. Всю перемену Лина тщетно пыталась взять свое тело под контроль.

Голоса в голове обезумели. Сколько времени нужно госпоже Айзерманн для проверки работы? Когда ей ждать голубое письмо^[2]? Как ей продержаться без гандбола? Ей страстно хотелось повернуть время вспять. Почему время бежит в одном направлении? Было столько всего, что можно было без проблем делать наоборот: бегать, читать, говорить, считать, кувыркаться, ездить на автобусе, надевать футболку, писать имя «Анна». Разве не здорово было бы обладать магическими силами, позволяющими жить наоборот? Воздух вокруг нее сильно рябил, ее переполняло желание уметь делать такие штуки.

Бобби, явно обеспокоенная, вытянула четыре пальца перед лицом Лины:

– Сколько?

Разволновавшись, она начала подсакивать вокруг девушки и закидывать ее вопросами.

– У тебя болит голова? – спросила она. – Не кружится? Можешь двигать руками и ногами? Икота может быть причиной опухоли, воспаления мозга или инфаркта! – объявила она.

Лина устало подняла четыре пальца. К сожалению, она все еще находилась в своей реальности. И это было плохо.

– На insult это не похоже, – твердо констатировала Бобби. – В противном случае нам пришлось бы вызвать скорую помощь.

– Ик, – ответила Лина.

У Бобби в запасе имелся идеальный вариант.

– Поцелуи помогают, – радостно пропела она. – Когда ты целуешься, весь кислород попадает в кровоток. Эффект тот же, что и при задержке дыхания.

По школьному двору раздавался глухой звук набирающего обороты мяча. Йонас самозабвенно вел мяч по асфальту. С легкостью пробежал он мимо, перебрасывая его из правой в левую руку и отталкиваясь от земли.

На секунду зависнув в воздухе, он направил мяч в безумном вираже в сторону помятого предупреждающего знака: «Игры с мячом запрещены».

– Кто захочет поцеловать девушку, у которой икота? – отчаянно сказала Лина. У нее все болело внутри.

– Соберись, – попросила Лину Бобби и тут же придумала пример. – Был такой человек, икающий больше всех с двадцати восьми до девяносто шести лет. Шестьдесят восемь лет. Он дважды женился и обзавелся десятью детьми.

– Я не хочу целый выводок детей. И двух мужей тоже, – возразила Лина. – Мне бы хватило и того, чтобы не быть такой стеснительной.

Украдкой она взглянула на Йонаса.

– Как можно в него влюбиться? – спросила Бобби. – Он еще в детском саду хотел быть супергероем и до сих пор так и не смирился с тем, что не стал таким.

Хлоя, видимо, считала иначе. Она игриво подпрыгнула перед Йонасом, чтобы помешать ему сделать очередной бросок. И обвила его руками. Их тела сцепились в дружеской схватке.

– Я не влюблена, – возразила Лина. – Откуда мне знать, влюблена ли я, если у меня с ним даже настоящего разговора не было?

Мяч скатился с площадки и приземлился у ног Лины. Йонас рысью подбежал к ним. Он поднял мяч и нерешительно замер. Может быть, Бобби была права? Он выглядел странно нервным.

– У нас в субботу после игры вечеринка в кафетерии, – неожиданно смущенно сказал он. – Если ты захочешь... вы захотите...

Он остановился.

Нет, она не икнет. Ни за что на свете. Никогда. Лина энергично сжала губы и напряженно уставилась в облака, словно ожидая какого-то небесного послания. Взволнованный Йонас переминался с ноги на ногу.

Бобби ответила вместо Лины:

– Круто, – сказала она, поднимая большой палец вверх. – Мы идем.

Неподходящий момент

– Позвони, когда со всем разберешься, – сказала Бобби. На кольцевой дороге, огибавшей центр, их пути от школы разошлись. Бобби свернула в элитный квартал города с виллами, где густые живые изгороди, высокие заборы и похожие на парки сады защищали обитателей безупречно-белых домов в стиле модерн от посторонних глаз. Лина поплелась в сторону реки. С пристани она наблюдала, как тяжело нагруженный грузовой корабль поворачивает к берегу, противоположному причалу завода Веннингера, чтобы потом двинуться вверх по течению. Она застонала. Как сказать тете Соне, что она провалила биологию?

Чайки кричали, ветер завывал и развевал флаги на пристани. С тех пор как порт переместили на другую сторону – новое местопребывание завода Веннингера с его бесконечными кирпичными постройками и обширным лабиринтом мостов, труб, стальных башен и дымовых труб, – квартал изменился. Пахло мазутом, водой, рыбой, а с недавних пор еще деньгами и властью. Там, где раньше торговали товарами с кораблей, появились студии художников, стартапы, медиаагентства и пивоварня. Закутанные в шерстяные одеяла даже в самый холодный день постоянные клиенты, туристы и случайные гости занимали простые столики, рядом стояли уличные обогреватели. Посетители украдкой поглядывали на корабли, пили пиво и закусывали жареными мини-гамбургерами Тони, которые в последнее время пользовались такой популярностью, что в хорошие дни перед шикарной закуской выстраивались длинные очереди. Раньше, когда Тони еще сам управлял лавкой, Лина по дороге домой получала картошку фри. Она скучала по задорному смеху добродушного растамана, приехавшего в город беженцем и зарабатывавшего на жизнь хорошим настроением и дурацкими рецептами. К портовому празднику он нафаршировал жареных цыплят попкорном. Взорвавшаяся курица сделала свое дело и ударилась о стекло печки с такой скоростью, что та сорвалась с крепления. Прибыли от летающих куриц-гриль не было, а затем не стало и друзей и газетных заголовков. Один ловкий инвестор использовал имя Тони, его рецепты и опустевший ларек у причала и превратил в стильное местечко. С тех пор жареные гамбургеры стали вдвое меньше и вдвое

дороже. Вместо попкорна, добрых слов и задорной усмешки деликатесы подавались с крафтовым пивом и музыкой в стиле лаундж. Дети больше не были здесь желанными гостями. Да и сам Тони не был.

Лина задрожала. Термометр показывал, что температура на улице около воды в среднем на четыре градуса меньше, чем в городе. Но ее терзал не только холод. Хор внутренних голосов уже пророчил проповедь, ожидавшую ее дома.

Тяжелым шагом она свернула с набережной. Вместо того чтобы быстро вернуться домой и отвечать на вопросы Сони, Лина слонялась среди старых складов и ветхих промышленных барачков, пока вдали не появилось старое производственное здание. Ярко-красная надпись «*Сити-бокс*» светилась на фоне серого неба. Раньше здание служило просто местом для хранения. С тех пор как ее тетя завладела складом, здесь можно было оставить свои вещи в более или менее крупных боксах на месяц, год или десятилетие. За пронумерованными светло-желтыми жалюзийными дверьми скрывалось все, что люди хотели сохранить: рождественские украшения и летняя мебель, надувные лодки и санки, забытые коллекции, ненужный фарфор и пыльная мебель. В коробках хранились воспоминания о давно заброшенном спорте и увлечениях, краденом торговом грузе и ценных вещах, которые кто-то пытался скрыть в процессе развода или раздела наследства. Ее тетя, возглавлявшая компанию, умела держать рот на замке. Все прошлое у Сони хранилось до следующей недели, следующего лета или следующей жизни. К двухэтажному складу прислонилась скромная двухэтажная постройка, которую семья временно использовала в качестве жилища. Это «временно» длилось всю жизнь Лины.

Когда Бобби возвращалась домой, мать ждала ее с обедом, в то время как у Лины были младшие сестры. В ее обязанности входило готовить обед для Фионы и Шарлотты. Лина была некоронованной чемпионкой мира по макаронам с красным соусом, блинам, травянисто-зеленому желе и заказу пиццы. Обычно Соня неугомонно порхала туда-сюда между своим офисом, складом и встречами в банке, адвокатом по разводам, бухгалтером и врачом. Но именно сегодня она была дома. Лина еще издалека услышала ее раздраженный голос. Тетя возбужденно вышагивала по стоянке и кричала в телефон:

– Только после Пятидесятницы?^[3] За кого вы меня принимаете? За Ноя, который просто так построит ковчег, потому что все идут на дно? Мне срочно нужен мастер. И машина, которая заберет материал.

Надежда встретить тетю в хорошем настроении лопнула, как мыльный

пузырь. Лина решила уйти от конфликта и отложить ответы на неприятные вопросы. Незаметно она проскользнула в дом. Уже схватившись за защелку на двери в своей комнате, она услышала голос и остановилась.

– Что я получу, если не выдам тебя? – лукаво подмигнула Лине Шарлотта.

– Выдашь? Чем ты хочешь выдать меня? – встревоженно спросила Лина.

– Твоя учительница звонила три раза, – похвасталась Шарлотта.

У Лины упало сердце. Она не ожидала, что об ее оплошности узнают так быстро.

– Если я забуду передать, что кто-то звонил, то смогу ли я пользоваться твоим компьютером? – тихо спросила Шарлотта. Она непрерывно жаловалась, что Соня не позволяет ей долго сидеть за компьютером.

– Это шантаж, – пожаловалась Лина.

– Я помогу тебе, а ты поможешь мне, – ответила ее младшая сестра. – Как самая младшая я постоянно подвергаюсь дискриминации.

Пока Лина с интересом раздумывала, откуда Шарлотта узнала это слово, входная дверь внизу отворилась.

– Лина? Где Лина? Лина уже дома? – закричала Соня на весь коридор.

– Пароль от компьютера, – прошептала Шарлотта.

Ее младшая сестра любила тусоваться в комнате Лины, примерять одежду и обувь, проверять ручки, воровать духи и заодно посмотреть фильмы, для которых, по словам ее мамы, она была слишком маленькой. Ничто не могло укрыться от ее любопытного взгляда и ловких пальцев. Особенно очаровывал Шарлотту размытый и выцветший, поблекший семейный портрет над кроватью Лины. На снимке была изображена Лина, прыгающая вместе со своими биологическими родителями на старом, расшитом лиловыми цветами бабушкином диване. Слева ее отец Томас, загорелый, спортивный, все еще в оранжевой майке гандбольного клуба, словно только что вернулся с игры, а справа – мать Рея, ее платье задралось до бедер, открывая бесконечно длинные ноги. К несчастью, рука Томаса скрывала половину его лица, зато были отлично видны длинные локоны Реи. А между собой они держали излучающую счастье маленькую Лину. словно незыблемая троица, они неугасимо парили в воздухе, как будто могли летать. Эта фотография стала причиной, по которой Лина решила заняться гандболом. Спорт был воплощением ее тайной связи с отцом. Когда она держала мяч в руках, то чувствовала невидимые узы между ними.

Шарлотта всякий раз спрашивала, действительно ли это мама и папа

Лины. Она и представить себе не могла, чтобы взрослые прыгали на диване со своими детьми. И вообще: почему Лина всегда называла своих биологических родителей по имени? Лина пожимала плечами. Наверное, она переняла эту форму обращения от Сони. Голоса в голове знали лучше. «Ты просто не помнишь их, – хором отвечали они. – Как их тогда можно называть мамой и папой?»

Внизу, у лестницы, появилось лицо Сони.

– Ты видела Лину? – крикнула тетя. – На нее никогда нельзя положиться.

Лина забилась в угол, чтобы избежать тетиного взгляда. Она написала комбинацию цифр на руке Шарлотты. Младшая сестра громко крикнула:

– Лину? Не знаю, здесь ее нет.

Снизу раздался телефонный звонок.

– Гимназия Веннингера? – услышала Лина удивленный голос тети. – Да, я мать Лины...

6

Дом забытых историй

Уноси ноги. Как можно быстрее. «Сити-бокс» был любимым убежищем Лины, когда в доме был кризис. Сколько раз она убежала на склад, когда Соня и Хьюго громко ругались? Гнев Сони был эпичным. Сколько времени проходило, прежде чем она выпустит весь пар? Если Лина надолго исчезала с поля зрения, тетя, вполне возможно, радовалась, когда та благополучно возвращалась назад.

Соня с малых лет запрещала детям баловаться в большом помещении склада. Пока Фиона и Шарлотта бродили по темному вестибюлю, угловатое помещение магически притягивало Лину. В мрачном лабиринте коридоров, лестниц и дверей Лина чувствовала себя в безопасности. Все, что ей нужно было сделать, – это незаметно проскользнуть мимо охранника. Сколько она себя помнила, Гарри Кинг дежурил в стеклянной будке, охраняя стоянку и зал. Лысая голова Гарри блестела в неоновом свете. На его коже разноцветные татуировки рассказывали истории давно угасшей любви и страсти. Рядом с увенчанным розами именем Лириан красовался логотип гандбольного клуба, в котором Гарри регулярно выступал в качестве судьи. У охранника было телосложение бегуна на длинные дистанции, мускулы штангиста и ум бурого медведя. По большей части он дремал в своей стеклянной будке, но если подойти к нему слишком близко, он мог проявить невиданную силу. Мимо него, шлагбаума и его удара левой никто не проходил. Никто, кроме Лины.

Одного целенаправленного удара по шине серебристого, почти антикварного двухместного «Мерседеса» Лине хватило, чтобы завизжала сигнализация и охранник выбежал из своего аквариума. Гарри относился к спортивному автомобилю как молодой влюбленный. В ожесточенной борьбе с ржавчиной, грязью и вмятинами он использовал каждую свободную минуту, чтобы драить, мыть и полировать машину. Сигнализация заставила его рывком вскочить со своего вращающегося кресла. Разразившись грозными проклятиями, он уже был у «Мерседеса». С подозрением обошел он свою святыню. Лина со всех ног понеслась ко входу, когда он резко обернулся и уставился прямо в ее сторону. В последнюю секунду Лина нырнула за фургон. Тревожно прислушалась.

Ничего. Ни шагов, хрустящих по асфальту, ни приближающегося дыхания, ни голоса, выкрикивающего ее имя. Призрачная тишина окутала склад.

Лина проверила обстановку. Сколько шагов было между ней и проходом в помещение? Осторожно она наклонилась вперед. Громкий звук заставил ее отпрянуть. Порыв ветра сорвал полиэтилен со стеллажа с упаковочными коробками, ждущими на тележке, и сбросил его на асфальт. Пленка плясала по парковке, словно молочно-белый призрак, прежде чем ветер оторвался от своей игрушки и бросил ее на пол. Где Гарри Кинг? Почему она ничего не слышит? Он все еще стоит у машины? В напряженной позе хищника, готового к прыжку, ждущего, когда она покажется? Лина затаила дыхание. Тишина была оглушительной. Стук сердца отдавался прямо в горле. Каждую минуту она ожидала, что его рука схватит ее и вытащит из укрытия. Она осторожно выглянула из-за фургона. Кроссовки с оранжево-красным пламенем двигались к ней. Как раз в этот момент ветер с силой подхватил пленку и швырнул ее в сторону Гарри Кинга. Полиэтилен накрыл его с головы до ног, на несколько секунд лишив дыхания и зрения. Лина воспользовалась удачным моментом. Она быстро выскочила из своего укрытия. Не медля ни секунды, она бросилась к складу и толкнула входную дверь. Краем глаза она увидела, как Кинг в ярости освобождается от упаковочного материала. Лина поспешила дальше. Ей очень повезло, что она знала наизусть каждый метр склада.

Прошлым летом вместе с Бобби она получила удовольствие от разработки собственной версии «Миссия невыполнима»^[4]. Цель игры состояла в том, чтобы незаметно пройти от главного входа к автомату с напитками на втором этаже. Тридцать три раза камеры засекали их на полпути, тридцать три раза Гарри выводил нарушителей на свежий воздух. В тридцать четвертый раз у них все-таки получилось. Если Гарри Кинг попадался им на пути в гандбольном клубе, судья-любитель провожал их подозрительным взглядом, даже когда они были не на поле. Справедливо. С лета Лина мастерски, почти незаметно бродила по коридорам, зарабатывая без ведома Сони по несколько евро. Она носила пакеты, открывала двери, упорядочивала вещи, коробки и инструменты.

При этом она ловко двигалась мимо световых барьеров и камер. А иногда просто слушала арендаторов боксов. За дверьми обитали бесчисленные тайны, все забытые истории, которые ждали, что о них вспомнят. Лина любила рассказы о прошлом. Она завидовала людям с воспоминаниями. Втайне она лелеяла надежду встретить в коридорах кого-нибудь, кто знал ее родителей.

Соня всегда уклончиво реагировала на любопытные вопросы.

– Оставь прошлое позади, – говорила она. – Мы смотрим вперед, а не назад. – Не зря она сделала карьеру на всем забытом и сокрытом.

Не торопясь, Лина подошла к автомату с напитками. Она вытащила из кармана несколько монет, достала горячий шоколад и притаилась в углу, который, как она знала, был вне зоны камер. Ей нужно было подумать, разработать стратегию, придумать выход из положения, что делать со школой, гандболом, тетей и, не в последнюю очередь, – с Йонасом. Пятерка по биологии была ее гарантией. Но, возможно, в английском у нее появится шанс преуспеть. Она достала из школьного рюкзака свой словарь и открыла неправильные глаголы. *Be, was/were, been – быть. Beat, beat, beaten – бить. Become, became...* В раздражении она остановилась. Кап, кап, кап – звучало издалека. Регулярно, непрерывно и раздражающе. Кап, кап, кап. Падали громко капли. К тому же в воздухе висел пронзительный, резкий запах. Хор голосов рисовал на стене страшные картины. Это растворитель? Бензин? Горючее? Лина все время ждала, что чиркнет спичка или громко щелкнет колесико зажигалки. Как раз перед тем, как все загорится. Так, как она раз сто видела в любимых детективах Бобби.

Со стен на нее уставились жуткие существа. Там, где другие люди украшали стены художественными принтами, в «Сити-боксе» висели большие снимки мотыльков, бумажных и пылевых клещей, муравьев, клопов, тараканов, чешуйниц, мокриц, блох и червей. Больше пожара и воров Соня боялась любого вида ползучих тварей. Ее тетья вела ожесточенную войну с вредителями, которые своими прогулками из одного ящика в другой угрожали испортить бизнес. Под каждым снимком разыскиваемого существа был написан номер мобильного телефона Сони. Тетья не нанимала дезинсекторов, а сама воевала на передовой против вредителей репутации. Амалия Айзерманн берегла каждое маленькое существо и ухаживала за ним, а Соня грозила им смертной казнью. Лина иногда спасала жизнь жучкам и паучкам, заблудшим на территорию Сони. Но кто защитит Лину?

«Кап, кап, кап». Капли, казалось, стали падать быстрее.

Осторожно она выползла из своего укрытия, добралась до перекрестка и украдкой свернула за угол. словно черная зияющая дыра, перед ней расстилался заброшенный темный коридор. В глубине, в самом конце мертвого коридора, из-под бокса с номером 187 на пол падала узкая полоска света. Лина во сне могла перечислить арендаторов «Сити-бокса». Номер 184 принадлежал одному чудаковатому автору, который занимался продажей своих детективных романов из бокса и хранил в запасе тысячи

экземпляров кровожадных произведений. Рядом с ним, в боксе 185, помещанная на безвкусице владелица парикмахерской складировала свои потрясающие декоративные штуки: от блестящих венецианских карнавальных масок на забавных пасхальных кроликах до пластиковых рождественских елок и розовых свинок, приносящих удачу в канун Нового года. Над боксом 186 значилось имя Кевина Мюллера, отвечавшего за экспорт-импорт на центральном вокзале. Его помещение было заполнено в основном поддельными коврами, партиями бесполезных электронных игрушек и разноцветными светящимися картинами с переливающимися водопадами. Бокс 187 не сдавался в аренду целую вечность. Никогда еще Лина не встречала никого у этой камеры хранения.

По коридору теперь эхом разносились голоса и шаги. Цокающие каблукки быстро приближались. Лина вздрогнула, узнав голос Сони. В преувеличенно дружелюбной манере, говоря нараспев, она объясняла новому клиенту правила внутреннего распорядка.

– Никакого бокса без удостоверения личности, никакого доступа без ключей, никаких сигарет, никаких предметов в коридорах, никаких животных, никаких вопросов.

Дверь распахнулась и тут же с грохотом закрылась. Звуки затихли. С тревогой Лина сидела на месте, выжидая, но вокруг было тихо. За исключением дурацких капель. «Кап, кап, кап». Лина сосчитала до двадцати, прежде чем осмелилась снова пошевелиться. С решительностью промчалась она под полуоткрытые жалюзийные ворота в бокс 187.

«Отлично, – поздравил ее внутренний хор. – Теперь ты в ловушке». Лина не слушала его. Она цеплялась за смутное ощущение, что напала на след чего-то важного.

Мерцающий свет освещал беспорядок. В воздухе витал запах плесени и гнили. Что-то мокрое капнуло на нее сверху. Она взвизгнула и наступила в лужу. Повсюду стояли наполненные до краев ведра с водой. С потолка, из кондиционера неудержимо капало на хранящееся в коробке наследие. Так вот о чем ее тетя так громко договаривалась по телефону. С любопытством она подошла ближе. Лина едва могла поверить в то, что увидела. Обстановка в полумраке показалась ей странно знакомой. Она включила фонарик на своем телефоне.

При ярком луче света она узнала лыжное снаряжение Хьюго, прозрачные коробки с его шелковыми галстуками, коробки с кожаными башмаками ручной работы и вешалку, на которой пылились его костюмы. Лина всегда считала, что одежда Хьюго идеально ему подходит: все было показательным, кричащим, приукрашенным и слишком дорогим. «Хьюго нужен

яркий огонь, чтобы чувствовать себя полноценным», – всегда говорила Соня. Пока не поняла, что прежде всего он прожигает ее деньги. Хьюго с беспечностью относился к правде и фактам и, используя все без остатка сбережения Сони, хватался за любую ветреную бизнес-идею, обещавшую быстрое богатство. Иногда он торговал дорожными комплектами кастрюль, затем термоодеялами, которые продавал пенсионерам во время кофе-драйва^[5], в другое время он инвестировал деньги в здоровую воду, витамины с Дальнего Востока или препараты для наращивания мышечной массы. Все, к чему он прикасался, работая, превращалось в долги. И в мусор, который Соня, по-видимому, хранила в боксе 187.

Горы непроданных товарных образцов рассказывали о заоблачных мечтах, завышенных ожиданиях от продаж и жестких падениях в реальности. Как только Лина отодвинула коробки в сторону, под ее ногами хрустнуло стекло. Фотография с помолвки, которая раньше висела над супружеской кроватью в спальне Сони, валялась на полу. На фотографии Хьюго и Соня позировали перед живописно обвалившейся кирпичной стеной в портовом квартале, на которой Хьюго кисточкой написал предложение руки и сердца. Лина никогда не ладила с Хьюго. Его старый хлам был ей абсолютно безразличен. Ее больше интересовало то, что скрывалось за множеством ящиков: трехногий бабушкин диван со старомодной деревянной полкой. С трудом пробираясь между передвижными ящиками, Лина старалась поближе рассмотреть предмет мебели. Толстый слой грязи покрывал ткань. Лина хлопнула ладонью по обивке. Когда облако пыли рассеялось, она увидела знакомый лиловый цветочный узор. Сомнений быть не могло: перед ней стояли жалкие остатки дивана, на котором она прыгала с родителями много лет назад.

Вдалеке загрохотал грузовой лифт. Лина подавила возникающую панику. Чутье ее не подвело. Возможно, эта комната хранила сведения о прошлом, о котором никто не хотел говорить. Меньше всех – Соня. У Лины закружилась голова, она пошатнулась и привалилась спиной к шаткой башне из коробок. Верхняя коробка соскользнула со своего места и с громким треском приземлилась на бетонный пол. Звякнула посуда. Изнутри доносилось задумчивое брэнчание музыкальной игрушки: металлические звуки, мимолетные, словно сплетенные из серебряных нитей. Этот обрывок мелодии воодушевил Лину. Сыроватый картон треснул в ее руках, когда она взволнованно открыла крышку.

Содержимое ящика выглядело беспорядочно и сумбурно, словно кто-то под покровом ночи торопливо бросал в него домашние вещи. Лина распахнула темно-коричневый атлас, лежавший сверху. На первой

странице стояло имя. Томас Фридрих. 10-й «А». Лина поняла, какие непостижимые сокровища Соня спрятала здесь от посторонних глаз. Коробка была полна вещами ее родителей. У Лины остались только блеклые воспоминания о первых годах жизни. Она даже не знала наверняка, когда и как умерли ее мама и папа. «Автокатастрофа», – всегда говорила Соня. Как будто одно это слово было исчерпывающим объяснением. Место для могилы она выбрала сама. «Я не хотела тебя обременять», – таков был ее уклончивый ответ. На самом деле у Сони самой глаза были на мокром месте, как только она начинала говорить о брате. Неужели из-за этого она запрятала его вещи в этот дальний угол?

Было такое ощущение, словно Рождество, Пасха и день рождения наступили одновременно, – как и пятерка по математике, ощущение босых ног в теплом песке, победа в «Монополии», как все хорошее, что когда-либо случалось с ней. Сердце Лины забилося в два раза быстрее. Взволнованная, она шла по следу прошлого. Никогда еще она не была так близка к родителям. Она нашла потрепанную книгу по тактике гандбола, спортивную обувь, разбитую чашку с именем Реи, носки на Николая^[6] и жуткую куклу с поломанными конечностями, худым телом и разбитыми, закрывающимися глазами. Между старыми книгами и кухонными предметами Лина наткнулась на музыкальную игрушку. Лина потрясенно вертела в руках косоглазую плюшевую сову с круглым, вишнево-красным телом, розовыми крыльями в горошек и зелеными лапками. Кто-то с любовью кособоко собрал птицу из остатков ткани. Дрожащими пальцами она потянула за разноцветный шарик, болтавшийся на красном шнурке между лапами. Из игрушки зазвучала тоскливая мелодия. Смутные воспоминания всплывали из ее подсознания. Как облака, они парили над ней, недостижимо далекие, неосязаемые и постоянно сменяющие друг друга. Музыка словно исходила из потустороннего мира, доступа в который у нее не было. Она услышала послание, не в силах сказать, откуда взялась уверенность: рассеянные звуки мелодии вели ее к матери. Глаза совы открывались и закрывались, крылья возбужденно трепетали, пока мелодия с хрипом не прекратилась. Когда Лина схватилась за шарик во второй раз, хрупкий шнурок порвался. Как бы сильно она ни сжимала и ни трясла игрушку, Лина больше не могла выдавить из нее ни звука. Но смутило ее нечто другое. Ей показалось, что внутри совы что-то шевельнулось. Сквозь наполнитель она нащупала прямоугольный коробок, в котором что-то свободно болталось, стоило подвигать плюшевую игрушку взад-вперед.

Какой-то звук заставил Лину вздрогнуть. Где-то хлопнула дверь. Лина

совершенно забыла о надвигающейся опасности. С отчаянной смелостью она энергично ткнула указательным пальцем в ветхий боковой шов и выдернула вату из брюха совы. Только получалось недостаточно быстро. С силой Лина дергала за ткань до тех пор, пока не образовалось отверстие, достаточно большое, чтобы вытащить предмет. С любопытством Лина завертела в руках продолговатую коробочку. На темно-зеленой, бархатистой поверхности переливалась восьмиконечная, с золотым тиснением звезда. Осторожно приподняв крышку, она нашла наверху истрепанный гарантийный талон, выданный на имя ее матери. Под ним виднелись странные восьмиугольные часы, которые сияли как новые. С благоговением Лина провела кончиками пальцев по драгоценному хронометру. Браслет состоял из изящных серебристых звеньев, гладких и приятно прохладных на ощупь. Лина не обнаружила ни царапин, ни следов износа. Вытащив часы из упаковки, она с изумлением обнаружила, что часы были легкими, как перышко. Может быть, браслет состоял из этого нового прочного авиационного материала, который был в тысячу раз тоньше человеческого волоса? На днях Бобби, интересовавшаяся почвой и минералами, сделала реферат о новом магическом металле. Еще более странным, чем невероятная легкость браслета, Лине показался циферблат. Вместо обычных делений там была длинная змея, вьющаяся по спирали, на которой располагались цифры от нуля до девяти. Восемь искусно украшенных стрелок различных размеров указывали на восемь разных цифр. Вокруг часов были кнопки, которые, по всей вероятности, регулировали настройку стрелок. Что это? Возможно, новые смарт-часы Apple Watch? Новейший технический гаджет? Лина еще раз проверила гарантийный талон. Покупка была совершена двадцать лет назад: в сентябре 1998 года.

Осторожно надавила она пальцем на верхнюю кнопку. Циферблат вспыхнул красным, стрелка дико завертелась, прежде чем вернуться на прежнее место. Испугавшись, Лина отказалась от дальнейших экспериментов. «Только бы не сломать!» Она перевернула часы и резко вдохнула: на обратной стороне была разборчиво выгравирована последовательность цифр: 4477. Под ней сухим деловитым почерком стояла надпись. Четыре буквы, одно имя. ЛИНА. Предназначался ли этот подарок для нее? Как такое возможно, если часы были куплены за годы до ее рождения? Существовала ли другая Лина в жизни ее родителей? Как раз в тот момент, когда она хотела примерить часы, жалюзийные ворота поднялись. В сверкающем отблеске света показались стройные очертания двух человек.

– Кто у нас тут? – спросил прокуренным голосом мужчина. Это был слесарь, который, по-видимому, должен был позаботиться о капающем кондиционере. Рядом с ним на свет вышла тетя Соня. Застигнутая врасплох, Лина поморщилась. Ей только и удалось, что незаметно засунуть часы в карман брюк.

Признание

Не промолвив ни слова, Лина позволила увести себя со склада домой. Мимо ошеломленного Гарри Кинга, мимо Шарлотты, которая предусмотрительно удалилась в свою комнату. Соня толкнула Лину на диван в гостиной, который послужил заменой скамьи подсудимых. Но не произнесла ни единого слова. Со смесью ужаса и нетерпения Лина ждала, когда напряжение, наконец, ослабнет. Тетя беспокойно металась из угла в угол, как будто ей нужно было как-то выпустить свой гнев. Спустя вечность она придвинула стул и села напротив Лины, как на перекрестном допросе. Лина засунула руки в карманы брюк. Ее правая рука крепко обхватила таинственные часы, словно хронометр мог утешить и поддержать. Тетя изучающе посмотрела на нее.

– Что с тобой происходит? – спросила она.

Голос Сони звучал устало и разочарованно. Лине так хотелось сказать ей правду. Но как? В голове кружилась буря мыслей. С чего начать? С гандбола? С Йонаса и того щекочущего чувства? С икоты, госпожи Айзерманн, лягушки или идиотского дополнительного вопроса? Но, может быть, все началось гораздо раньше, с тех пришельцев, о которых она забыла? С нежной мелодии в ней, смутно напоминающей о матери, с вопросов о ее родословной, которые мучили ее по ночам, как голодный комариный рой, и с ответов, беспорядочно сваленных в боксе 187. Почему Соня держала в секрете все, что было связано с ее родителями? Что она скрывала от нее? Как всегда, мысли одновременно пронесли у Лины в голове. Каждая хотела вырваться наружу первой. Они блокировали друг друга, пинали, кусали, царапали, били и ставили друг другу подножки, пока не затерялись в клубке слов, неполных предложений, обрывочных воспоминаний и вопросов. Прежде чем она успела разобрать голоса, тетя заговорила.

– Я не могу, – сказала она. – Я не могу справиться с этим в одиночку. Склад, чертов ремонт, счета, все время кому-то что-то от меня нужно, а потом ты берешь и...

Фраза повисла в воздухе. Мысли Лины виновато забились в дальний угол. Она ожидала чего угодно: громких упреков, ругани, угроз, ярости. Но

не излишняя чувств. Она чувствовала себя виноватой, что причинила тете столько горя. Почему она не могла быть просто веселой, беззаботной девочкой? Немного похожей на Хлою. Или на Бобби. Странной, но, по крайней мере, достаточно умной.

– Сегодня утром мы договорились, что ты отвезешь Фиону на балет, – укоризненно сказала она. – Я искала тебя повсюду.

Лина виновато опустила голову. Договоренность, вероятно, потонула в кукурузных хлопьях.

– Я не справлюсь одна, Лина, – повторила Соня. – Я должна быть уверена, что могу доверить тебе домашнее хозяйство и школу, иначе не смогу спокойно работать. А если я не буду работать, нам нечего будет есть. И нечего будет надеть. Как ты думаешь, откуда все это: твоя одежда, туфли, телефон, гандбол, поездка с классом? Почему ты не сказала мне, что мы должны заплатить за нее 180 евро? Знаешь, как неловко, когда из школы звонят из-за денег?

– Госпожа Айзерманн? – удивленно спросила Лина.

– При чем тут она? – недовольно воскликнула Соня. – Звонила секретарь из приемной директора.

– Из школы звонили из-за денег? – недоверчиво повторила Лина.

Соня с тревогой замешкалась.

– А есть еще другая причина? – настороженно поинтересовалась она.

Мысленно Лина увидела перед собой пустой лист по биологии. Она позволила себе еще глубже зарыться в подушки. Жаль, что гора подушек была недостаточно мягкой, чтобы поглотить ее целиком.

– Конечно, нет, – пробормотала Лина. Она не могла сдержать дрожи в голосе.

– Ты что-то скрываешь от меня, – сказала Соня. Она внимательно наблюдала за Линой.

Лина глубоко вздохнула. Могла ли она упрекнуть тетю в том, что она умалчивает о важных вещах, если сама не осмеливалась затронуть темы, терзавшие ее душу? Может быть, проваленная работа по биологии давала хорошую возможность поговорить о родителях? Она закашлялась и глубоко вздохнула. «Расскажи мне, что тогда произошло», – хотела она сказать, как вдруг пронзительный звук помешал ей. Кто-то позвонил в дверь.

– Это, должно быть, Фиона, – воскликнула Шарлотта и бросилась вниз по ступенькам. Видимо, она все время подслушивала наверху лестницы. Лина услышала, как младшая сестра распахнула входную дверь. Мгновение спустя в дверях гостиной появился Гарри Кинг.

– Извините за беспокойство, – сказал он. Его взгляд с любопытством метался между начальницей и Линой. – Снаружи стоит мусорщик с грузовиком. Он сказал, что вы его вызывали?

У Сони вырвался стон. И еще, как показалось, вздох.

– Можешь идти, я справлюсь, – негромко пробормотала Лина. – Я приготовлю еду для Шарлотты и Фионы.

Тетя разгладила юбку, привела волосы в порядок и изобразила формальную улыбку.

– Прости. Это больше не повторится, – пообещала Лина.

– Мы справимся, – энергично сказала Соня. – Мы со всем справимся. Со всем.

Она была уже на полпути к двери, когда снова повернулась к Лине:

– Как, собственно, дела с биологией?

– Хорошо. Круто. Лучше всех. Никаких проблем, – ответила Лина. Сейчас был неподходящий момент. Как и всегда. Пальцы сжались вокруг часов. Она почувствовала, как случайно нажала одну из кнопок.

8

Купол

Из компьютера раздался пронзительный сигнал тревоги. Данте вынырнул из полусна и растерянно огляделся вокруг. В раздражении он попытался сфокусироваться на мониторе. Спина болела, глаза слезились, голова гудела, а короткие платиновые волосы торчали во все стороны. В течение двух часов он контролировал сектор Купола H1445 в часовом поясе 21.

Зал, в котором работал Данте, находился глубоко внутри Невидимого города, и добраться до него можно было только через пропускной пункт. Идентификация осуществлялась с помощью хронометра и сканера тела, который сопоставлял жизненные данные и внешние признаки с сохраненными персональными сведениями и правами доступа. Строжайше охраняемый портал в задней части зала вел в сверхсекретную зону управления, куда разрешалось входить только избранным, высшим по званию сотрудникам. Данте еще ни разу не выходил за пределы купольного зала. Вместе с двумя десятками подростков, которые в своих белых халатах и огромных очках виртуальной реальности выглядели как орава ученых-футуристов, он вел наблюдение у высокотехнологичного компьютерного терминала. Словно из башни аэропорта, наслаждался он со своего рабочего места 360-градусным обзором. Свод, парящий высоко над их головами, сверкал величественным сине-черным светом, создавалось ощущение, что ты в волшебном планетарии. На блестящих стенах в приглушенных тонах плавали пять континентов и семь мировых океанов, между которыми высвечивались четырехзначные числовые коды.

Значимость работы отражалась на серьезных лицах молодых сотрудников. Данте не разделял энтузиазма своих коллег. Он считал часы, проводимые в Куполе, назойливой обязанностью. Кому хотелось следить за чужими операциями? Он гораздо охотнее бы сам путешествовал по всемирной истории. В то время как его коллеги лопались от гордости за то, что их проведут мимо охранников в священный зал, Данте здесь скучал. Тревога одним махом окончательно его взбодрила. Впервые здесь действительно было что контролировать. Сигналы подавались только при нарушении границ. Ни один лишний шорох не должен нарушать

концентрацию сотрудников. На его компьютере истерически мигала цифра 4477. За все часы патрулирования в Куполе ему ни разу не встретилось ни одного нарушителя. Быстрым движением указательного и среднего пальцев Данте увеличил масштаб карты.

Спикировав вниз, он опустился на землю. Матовое двумерное изображение превратилось в красочный, детализированный цифровой городской пейзаж. Датчики в очках регистрировали движения головы Данте и позволяли оглядываться в виртуальном пространстве. На невидимых роликах мчался он по захватывающе реалистичной обстановке. Ловко пронесся мимо элитного квартала, гимназии Венделина Веннингера, пролетел высоко над Айхбергом^[7] и снова спустился по направлению к спорткомплексу, а затем к складам на берегу реки. Сигнал поступил из сектора H1445, участок 7643C, часовой пояс 21. Обычно под этим значился номер операции, а также имя и фотография посыльного. Вот только сейчас мигал загадочный номер. 4477. Одним движением руки Данте направил курсор на число. Компьютер ответил на щелчок повторным звуковым сигналом.

Адреналин побежал по венам. Его соседка по креслу Коко, внимательно наблюдавшая за его действиями, сорвала с головы очки и энергично прокатилась на кресле. Аромат сладкого попкорна окружил Данте. Тот сморщил нос.

– Сахар и жир помогают бодрствовать, – начала защищаться Коко, опуская руку в трехлитровое ведерко, которое она зажала между ногами. Кроме попкорна она держала в руках шоколадные батончики, фрукты, напитки и три бутерброда с колбасой. Коко была практически единственной, кто все еще употреблял колбасу и глютен. Данте подозревал, что лишь ее постоянная неусидчивость мешала Коко набрать хоть грамм. Ростом она была всего лишь метр пятьдесят и непрерывно жаловалась на это: «Ты не представляешь, как скучен мир снизу. Я должна использовать любую возможность попробовать что-то еще».

Ее узкие, раскосые глаза восторженно сверкали. Форма глаз и глубокий темный цвет ясно выдавали азиатское происхождение. Ее лицо обрамляли длинные прямые волосы, которые с недавнего времени были розово-лилового цвета. Коко мало спала, много разговаривала и страдала от панического страха что-то пропустить.

– Что-нибудь захватывающее? – спросила она. От волнения она намотала на палец несколько длинных прядей, которые постоянно падали ей на лицо, выбиваясь из небрежного пучка.

Данте приложил указательный палец к губам. Особая конструкция

центра управления запрещала громкие разговоры, так как каждое слово эхом разносилось по всему залу.

Коко не замолкала.

– Отступник? – спросила она.

Данте задумчиво покачал головой. Возможно, в этих непрекращающихся слухах о том, что под радаром Купола блуждают отступники и дезертиры, была доля правды. Их имена произносились лишь шепотом за спиной. Данте был заинтригован этими рассказами. Вопрос о том, что двигало отступниками, ведущими жизнь за пределами Невидимого города, не отпускал его.

– Ты обязан сообщить об инциденте, – сказала Коко. – Инес ответственна за что-то подобное.

Взгляд Данте метнулся к бесстрастной рыжеволосой женщине, сообщавшей группе новичков служебные правила. С мальчишески стройной фигурой, белой кожей цвета слоновой кости и короткими рыжими волосами Инес казалась привидением. Она по-кошачьи проворно двигалась между партами. В то время как голос Коко заполнял Купол, Инес говорила так тихо и сдержанно, что ее едва можно было понять. Попытка уследить за каждым ее словом явно прослеживалась на лицах учащихся. Данте мог пересказать протокол наизусть. Правило 14, например, гласило, что о подозрительных действиях следует немедленно сообщать, и обрабатывать их разрешалось только сотрудникам с высоким уровнем доступа. Таким сотрудникам, как Инес, которую недавно назначили правой рукой Хранительницы времени, после чего она стала вести себя так, словно она чем-то лучше других. При этом она была ниже, чем Данте и Коко.

Замерев, Данте уставился на таинственный крест, мигавший на его экране. 4477. Особенное число.

– Брось, брось, брось, – обратилась Коко к нему. – У тебя будут проблемы, только проблемы, ужасные проблемы. – Коко достала из одного из карманов брюк жвачку и предложила ее Данте. – Это ослабляет напряжение и контролирует тревожность, – объяснила она. Коко не только суетливо разговаривала, она еще и одевалась так же. Под белым халатом виднелись несколько футболок и удобные брюки карго.

– Я люблю все эти карманы и молнии, – сказала она. – Ощущение того, что у тебя полно возможностей.

Здесь она видела только возможность влипнуть в неприятности.

– Ты хочешь снова попасть под домашний арест? – спросила Коко. – Ты только на прошлой неделе поссорился с Инес. Оставь это ей. Этим должны

заниматься профессионалы.

Курсор соблазнительно мигал на загадочном номере.

– Возможно, системная ошибка, – сказал Данте.

– Домашний арест – это ужасно, – продолжала лепетать Коко. – Все наказания страшные. Хочешь рискнуть? Без тебя путешествовать очень скучно.

Пальцы Данте нерешительно замерли в воздухе.

С уст Коко только и слетало:

– Мы ничего не видели. Пойдем на обеденный перерыв, перекусим чего-нибудь вкусенького. Возможно, сообщение исчезнет, когда мы вернемся.

Данте не смог устоять перед соблазном. Он нажал на неизвестный номер сотрудника в третий раз. На этот раз сигнал тревоги пронзил весь зал управления. «*Несанкционированный доступ*, – светилось кроваво-красным на его компьютере. – *Пожалуйста, введите пароль*».

Словно стрелы, взгляды окружающих устремились в сторону Данте. Инес оторвалась от своих учебников и поспешила к стоящему на постаменте компьютерному терминалу, с которого она могла зайти на любое рабочее место. Ее явная нервозность свидетельствовала о том, что он разворошил осиное гнездо.

Пока Коко рвала на себе волосы, расписывая яркими цветами ужасные последствия, ожидающие его, Данте лихорадочно пытался взломать пароль. В надежде на удачу он подбирал разные имена и произвольные комбинации цифр. Ничего не работало. И даже набранное со злости: @±•\$%/\$%/\$§ § (((и кдаофхдахфу. Внезапно его кресло резко дернулось назад.

– Смена, – радостно воскликнула Инес.

Радость была наигранной. Ее глаза не смеялись.

– Ты так много работал в последнее время, что заслужил отдых, – сказала Инес. Она скорее напевала, чем говорила.

– Мне нравится работа в центре управления, – бессовестно соврал Данте. – Здесь все так размеренно. Ничего не происходит. Словно во время медитации.

– У тебя выходной, – сказала Инес. Нетерпение сквозило в ее нежном голосе. – Приказ сверху. Только что поступил.

Данте заколебался. Свободное время было почти неизвестным явлением в Невидимом городе. Было ли дело настолько серьезным, что Инес даже не потрудилась отослать его из Центра управления под каким-нибудь более подходящим предлогом? Ни одно из его достижений не давало ему права на выходные. Позади Инес Коко яростно

жестикулировала, как какая-то иностранка, и это означало, что он должен умчаться наружу.

– У нас необычные колебания в секторе Н1445... – начал Данте.

Инес грубо перебила его.

– Безобидная программная ошибка, – сказала она. – Ничего особенного. Я позабочусь об этом.

– Я помогу вам, – предложил Данте. – Мне нравится учиться.

– Ты сейчас же уйдешь отсюда, – уверенно продолжила Инес. – Это не предложение, это приказ. – Ее тон не оставил места для возражений. В нежных чертах лица сквозила невероятная сила.

Смирение и податливость не были лучшими чертами Данте.

– Мы можем работать в команде, – сказал он, когда у Коко сдали нервы. Она перехватила инициативу и покатила застигнутого врасплох Данте вместе с креслом к выходу.

– Ты мой герой, мой пример для подражания, мой старший брат, родственная душа, – извинилась Коко. – Я не допущу, чтобы ты попал в беду.

Данте вскочил. Коко повисла на нем, чтобы не дать ему броситься назад.

– Забей на это, – сказала она. – Это бессмысленно.

Данте стряхнул с себя Коко, как назойливую муху. Быстрыми шагами он покинул Центр управления через пропускной пункт. Широкая ухмылка осветила его лицо. Сектор Н1445, участок 7643С, часовой пояс 21. В его распоряжении были все выходные.

9

Лотерея

– Ни черта в этом не понимаю, – сказала Бобби. С помощью лупы она осмотрела хронометр.

Лина нетерпеливо сидела рядом. Они уединились на чердаке в комнате Бобби, которая больше походила не на девчачью спальню, а на студенческое общежитие. Повсюду валялись книги, бумаги и научные журналы. Одна стена была выкрашена черной краской и служила гигантской записной книжкой для загадочных химических опытов Бобби. Лина нервно провела пальцем рядом с одной из загадочных формул.

– Я работаю над средством от икоты, – небрежно пояснила Бобби, как будто это вряд ли стоило говорить.

Лина благодарно кивнула. На Бобби всегда можно было положиться. Это был не единственный проект, над которым работала ее подруга. Полки на стенах прогнулись под тяжестью сокровищ и исследовательских замыслов Бобби. В стаканах с высокопроцентным спиртом плавали: кальмар, два морских конька и рак. Рядом с ними были сложены спичечные коробки, каждый из которых был помечен датой и хранил коллекцию мертвых пауков Бобби. Ее дед, еще когда она была маленькой девочкой, утверждал, что ползучие твари превращаются в золото через двенадцать лет после смерти. Испытания продолжались. Дедушка Бобби недооценил упорство и настойчивость внучки. Никогда в жизни ее подруга не прервала бы эксперимент до истечения ранее поставленного срока. Кроме того, Бобби собирала песок, ракушки, почву, травы и семена в десятки старых аптечных банок. На карте она отмечала места находок, от которых шерстяные нити вели к распечатанным, увеличенным под микроскопом изображениям, украшавшим стены, как абстрактные произведения искусства. Прошлым летом Хлоя любезно предложила ей привезти песок с Бали. Бобби с благодарностью отказалась.

– Суть не в том, чтобы иметь. А в том, чтобы искать, – сказала она. Для Хлои это была абсурдная мысль.

Мать Бобби не скрывала своего желания сделать комнату дочери более девчачьей. Она даже попыталась перетянуть Лину на свою сторону:

– Ну, хоть ты скажи ей, как здесь неудобно. – Лина только пожимала

плечами. Бобби не любила всякие безделушки и украшения для интерьера. Так же как и ее короткие волосы, которые всегда немного отрастали, комната должна была быть, прежде всего, практичной. У нее была всего одна мягкая игрушка. Это когда-то был лохматый пес грязно-серого цвета, теперь потрепанный и сплюснутый, как камбала, с висячими ушами и одним-единственным глазом. Бобби горячо и искренне любила своего Отто, даже притом что выглядел он так, словно уже трижды попадал под автобус. Или, может быть, так оно и было. Но куда больше, чем игры и безделушки, Бобби интересовали загадки.

Лина уже все перепробовала, чтобы завести часы, прежде чем отправиться с ними к Бобби. «Какая польза от пожизненной гарантии, если места, где куплены часы, не существует?»

В сотый раз она изучила обрывок гарантийного талона, на котором стояло имя ее матери. Для нее оставалось загадкой, почему Рея Фридрих приобрела часы за годы до ее рождения. В пункте «*Вы найдете наш магазин*» не хватало основной части, однако виднелась крошечная вырезка карты, которая все-таки показывала, что магазин часов находился в «*Совиной норе*», в пешеходной и лесной местности.

– Каким же безумцем надо быть, чтобы открыть магазин посреди заповедника? – удивилась Лина. – Или там еще какой-то город?

Как ни странно, быстрый поиск в Google не дал ни одного результата. Возможно, магазина уже давно не было.

– Всегда все интересное случается только с другими, – вздохнула Бобби. – В моей жизни нет никаких тайн.

Прошлое Бобби было открытой книгой. Когда Лина приходила к своей подруге, она поднималась по длинной лестнице семейного особняка мимо десятков фотографий. Они изображали Бобби в каждой жизненной ситуации. Бобби с мамой, папой, дедушкой, бабушкой, собакой, кошкой, мячом, Бобби в яслях, в детском саду, в школе, на летнем концерте, на пляже, во время прогулок в горах, во время занятий спортом. Маленькая Бобби, постарше, взрослая, в черно-белом варианте, в цветном, в сепии, 3D-рисунок, коллаж и масляная живопись. Даже вырезка из местной газеты «*Утро*» о визите Санта-Николауса в детский сад – Бобби была и здесь. Серьезная девушка с короткой стрижкой, в классической блузке и клетчатой юбке была неприметна. Рядом с ней съежился робкий маленький мальчик с каштановыми кудрями. Всего несколько недель назад Лина заметила, что испуганным ребенком был не кто иной, как Йонас.

– В детском саду мы были лучшими друзьями, – сухо объяснила Бобби. – Он отдал мне ее позже.

В то время как в семье Лины прошлое пылилось в несортированных картонных коробках за толстыми жалюзийными воротами, семья Альберс коллекционировала совместные воспоминания.

– Мои родители – ученые, – прозаически прокомментировала Бобби. – Все должно быть задокументировано и архивировано для потомков.

Ее отец носил с собой свое дорогое съемочное оборудование на любой случай жизни, а мать записывала в дневнике события из жизни Бобби.

– Первые годы записаны от первого лица, – пожаловалась Бобби. – Как будто я сама не могу решить, что важно в моей жизни.

– Я бы хотела такую книгу, – тихо призналась Лина.

– Не хотела бы, – возразила Бобби. – Кого волнует первый праздник святого Николая, первое Рождество, Пасха, плавание ребенка, первая прививка, посещение детского сада? Хочешь прочитать о том, как у тебя в четыре месяца были опрелости, в восемнадцать месяцев – коклюш, как с двух с половиной лет ты ходила на горшок, а в три года провалилась на первом музыкальном занятии?

– Да, – с неохотой призналась Лина. – Соня никогда не рассказывает о прошлом. Она только ругается.

Бобби смущенно отложила часы в сторону.

– Из-за этих часов я совсем забыла об этом. Плохо было? – спросила она.

Лина молча кивнула. При мысли о разговоре с тетей она почувствовала неприятное ощущение в желудке.

– Ну, рассказывай, – озабоченно сказала Бобби. – Что она сказала по поводу биологии?

– Я струсилась, – честно призналась Лина. Она отбросила в сторону мучительные мысли о предстоящем признании. – Пока нам не вернут работы, я что-нибудь придумаю, – сказала она.

Она была рада, что визит мусорщика настолько поднял настроение тетушки, что она позволила Лине сходить к Бобби. У Лины разрывалось сердце при мысли о том, что с уехавшим грузовиком навсегда потеряны последние осязаемые воспоминания из жизни ее родителей. Напрасно она пыталась выклянчить для себя хоть какие-то вещи.

– Все это насквозь промокло и заплесневело, – пояснила тетя. – И вообще тут одна сырость.

Часы немного восполняли ее потерю. А Бобби была профи – если кому и удастся разгадать тайну, то ей.

– Может быть, нужно запустить определенный код? – предположила Лина. – Когда собираешь правильную комбинацию, крышка подскакивает,

и можно увидеть, что находится внутри. Как с медаль- оном.

Опасаясь, что дорогое изделие окажется непрочным или даже сломается, она не осмелилась проверить кнопки.

– Должно быть, это как-то связано с восьмеркой, – добавила Лина.

Она уже успела заметить, что часы имели не только восьмиугольную форму и восемь стрелок. Даже цифры от нуля до девяти повторялись восемь раз на спиральной змейке. Бобби записала, на каких цифрах стояли стрелки. Если сравнивать с обычными часами, по часовой стрелке: 3, 2, 0, 1, 2, 6, 1, 0.

– Во всяком случае, это точно не время, – сказала Лина. – Это бессмысленно.

– Здесь восемь цифр, – заметила Бобби. – Может быть, хронометр показывает дату, а не время?

Посмотрев на цифры снова, Лина засомневалась.

– 32. 01.2610? – Даже против часовой стрелки последовательность цифр казалась более чем нелогичной. – 30.16.2102?

– Может, это как-то связано с потеплением климата, – предположила Бобби. – Через сто лет в году будет шестнадцать месяцев.

– Зачем носить часы, которые показывают дату? – спросила Лина. – Только для того, чтобы двадцать четыре часа в сутки убеждать себя, что сегодня все тот же день?

Бобби развила ее мысль:

– Люди должны жить очень медленно, чтобы нуждаться в часах с указанием даты.

– Может быть, это специальное изготовление для забывчивых людей, – предложила Лина. – Своего рода часы Альцгеймера.

– Если время настолько неважно, то почти все равно, какой это день, – заметила Бобби.

– Может быть, сочетание даты и секретного кода? – снова предложила Лина. – Но тогда код неверен. Иначе что-нибудь бы произошло.

Бобби взяла ножницы, вырезала восемь цифр и расположила их в порядке возрастания: 0, 0, 1, 1, 2, 2, 3, 6. С любопытством передвигала она числа взад-вперед.

– Если собрать нужную комбинацию цифр, магия включится сама собой, – предположила она.

Магия? Они обменялись взглядами. До сих пор никто из них не произнес ни слова, но это было правдой. Часы казались заколдованными.

Лина собрала новую комбинацию.

– 10.06.1322? – озвучила она. Это казалось нелогичным. – Что за часы,

которые показывают дату Средневековья?

– Возможно, это украшение, напоминающее об историческом событии, – сказала Бобби. – Часы памяти, так сказать.

Эта мысль заинтриговала Лину. Быстрый поиск в интернете дал небольшие подсказки. Они узнали, что 10.06.1322 года был четверг. И это было очень-очень давно. 696 лет назад, если быть точным. Оставшаяся часть того дня канула во мраке прошлого.

Бобби неумолимо продолжала собирать:

– 13.02.1602? 12.03.1602? 21.03.1602?

– А как насчет будущих дат? – сказала Лина, снова меняя порядок цифр. – 12.06.2031? Или как насчет 01.01.2236? Тебе не кажется, что часы произведены как будто в будущем?

– И кто же привез их из будущего? Может быть, твои инопланетяне? – засмеялась Бобби. – Часы куплены в 1998 году.

– Так мы ни к чему не придем, – подытожила Лина.

– В расчете 40320 вариантов, – прикинула Бобби.

На мгновение они замерли в тягостном молчании. Это казалось безнадежным. Но сдаваться не хотелось.

– Твое имя написано на часах. Значит, дата должна иметь какое-то отношение к твоей жизни, – попробовала подойти с другой стороны Бобби.

Лина взволнованно кивнула. Они старались максимально приблизиться к сегодняшней дате.

– 06.12.2013? – спросила Бобби. – Тебе это что-нибудь говорит?

– День святого Николая, – сказала Лина.

Их мысли автоматически переключились на газетную статью в коридоре.

– Фотография на лестнице датирована 2006 годом, – сказала Бобби, чье шестое чувство в очередной раз подсказывало, что это касается Лины. – Кстати, в Санта-Николауса я никогда не верила, – добавила она. – Даже в детстве. Я подыгрывала только потому, что думала, что мои родители верят в эту историю.

– 16.03.2012, – попробовала Лина другую комбинацию.

– А что было тогда? – с любопытством спросила Бобби.

Лина пожалала плечами.

– Как мне вспомнить, что я делала несколько лет назад? – произнесла она. – Я даже не помню, что было в прошлый вторник.

– Мы были на тренировке по гандболу, а ты влюбленно наблюдала за Йонасом, – сказала Бобби.

– Не было такого, – отмахнулась Лина.

– И с тех пор все время, – добавила Бобби.

Она наклонила голову, подражая томному взгляду Лины, и театрально ахнула. Иногда очень досадно было иметь подругу, которая видела тебя насквозь. Бобби не сомневалась в том, что иногда понимает Лину лучше, чем сама Лина. Отрицать это было бессмысленно.

– А раньше ты стояла на лестнице у его фотографии, – продолжала она. – Я никогда не пойму, что ты нашла в Йонасе. Я с ним вместе на горшке сидела. Такое никогда не забудешь.

– Давай настроим дату и проверим, откроются ли часы, – сменила тему Лина. Она не хотела говорить о Йонасе.

– 06.12.2013 звучит хорошо, да? – сказала она.

Осторожно взяв часы, она во второй раз нажала на верхнюю кнопку. Циферблат вспыхнул зеленым, все стрелки, как по волшебству, скользнули к нулю. Таким образом, с помощью двойного щелчка можно достичь своего рода исходного положения. Хронометр резко потеплел в ее руке. Испугавшись, Лина отдернула палец.

– Что может произойти? – здраво рассудила Бобби. – В худшем случае вещь взорвется в твоей руке. Искра полетит на ковер. Потом дом сгорит, и мы познакомимся с крутыми ребятами из волонтерской пожарной команды.

Лина рассмеялась. Бобби испытывала неумемную радость от сценариев худшего развития событий.

– Давай, – сказала Бобби. – Все лучше, чем скука.

С помощью кнопок на ободке, которые она нажимала по часовой стрелке, Лина установила выбранную дату: 06.12.2013.

– Что, если мы вызовем темные силы? – спросила она.

– В том-то и дело, – взволнованно ответила Бобби. – Неведение хуже любой катастрофы.

Лина не была уверена, что согласна с этой позицией. Дрожащими руками она осторожно покрутила последнее колесико. Последняя стрелка медленно поползла к цифре три. Девять, восемь, семь. Бобби подошла к Лине как можно ближе, чтобы не пропустить ничего из этого зрелища. Шесть, пять, четыре. Часы горели в руке Лины, как огонь. Кто знал, что произойдет, как только последняя стрелка достигнет назначенного места? Голоса в голове Лины заговорили одновременно. Отважные смельчаки боролись с паникерами и слабаками, превосходя друг друга. Осторожно Лина нажала на восьмую кнопку. На последнем круге стрелка застыла на «три». Бобби схватила руку подруги. Циферблат ярко засветился, издав какой-то хриплый звук. Лина затаила дыхание. Бобби от волнения

прикусила нижнюю губу. Они сосредоточенно уставились на хронометр. А потом случилось это.

С громким треском распахнулась дверь в комнату. В проходе, весело смеясь, стояла мать Бобби.

– Я приготовила вам перекусить, – воскликнула она.

Бобби и Лина уставились на нее так, словно она явилась из другой галактики. Результат их испытания не мог оказаться более отрезвляющим. Вместо волнующих новых открытий судьба преподнесла им тарелку сэндвичей.

Лина инстинктивно перекатилась через бумаги и часы. Голос шептал ей, что в ее тайну лучше не посвящать взрослых. По крайней мере, госпожу Альберс. Причиной, по которой ничего захватывающего не происходило в жизни Бобби, главным образом, служила чрезмерная любовь ее матери. Лина уже знала это. Каждые пять минут Генриетта Альберс штурмовала детскую: может, немного фруктов? Чаю? Печенья? Все хорошо? Не хотите ли открыть окно, здесь так душно? У вас все в порядке?

Госпожа Альберс работала по такому графику в лаборатории завода Веннингера, чтобы иметь возможность посвящать послеобеденные часы Бобби и домашнему хозяйству. Подав бутерброды, она решила, что пора полить растения в комнате Бобби. Внезапная засуха, видимо, не терпела промедления.

– Я буду вести себя очень тихо, – воскликнула она. – Не отвлекайтесь на меня.

Генриетта Альберс и не думала о том, чтобы поскорее покинуть комнату, а вместо этого ухаживала за растениями с невыносимой медлительностью. С любовью выдергивала она засохшие цветы, полировала отдельно каждый листок и беззаветно поливала их. Трудоемкая процедура предоставила ей достаточно возможности просканировать лежащие вокруг книги, телефоны и экран компьютера, чтобы выяснить, чем в данный момент заняты девушки.

– История? – произнесла она. – Я думала, вы собирались заниматься английским.

– Мам, – раздраженно воскликнула Бобби.

В отличие от Лины, Бобби страдала от избытка семейного внимания. Некоторые воевали с чрезмерным вниманием родителей: над Бобби кружил целый вертолетный флот великодушных родственников, заботившихся о ее благополучии. Втайне Лина завидовала своей подруге касательно того, что у нее есть бабушка и дедушка, тети и дяди, которые заботятся о Бобби вместе с отцом и матерью. Сегодня же семья просто

была назойливой. Прошла томительная вечность, прежде чем госпожа Альберс покинула детскую. Бобби яростно пнула дверь, которую та оставила открытой, и подперла ручку рабочим креслом. Это не помогло. Все воодушевление испарилось.

– Может быть, это просто безделушка, – разочарованно отметила Бобби.

– Они мне все равно нравятся, – сказала Лина и надела часы. От браслета исходило приятное тепло, и он так идеально огибал ее запястье, словно кто-то ковал его для Лины. Едва щелкнул замок, произошло нечто странное. Кнопки мигнули, как по волшебству, и все стрелки часов вернулись в исходное положение. Одна за другой.

– Повтори еще раз, – возбужденно воскликнула Бобби.

Лина установила произвольную дату, и игра повторилась. Какие бы цифры они ни выбирали, стрелки снова и снова соскальзывали в исходное положение. После нескольких попыток они обнаружили, что световые сигналы следовали определенному порядку: сначала мигала верхняя кнопка, потом вторая нижняя справа, вторая верхняя справа и дальше зигзагом. Последней вспыхнула кнопка в левом верхнем углу.

– Возможно, нужно прочитать код таким способом, – сказала Бобби. Лина нарисовала на бумаге кнопки часов и протянула линию, чтобы проследить за порядком. Как на детской картинке, где нужно соединить точки, линии и цифры в фигуру: черточки образовывали восьмиконечную звезду. Точно такая же украшала шкатулку с золотым тиснением. Лина и Бобби посмотрели друг на друга, затаив дыхание. Они были на верном пути.

Как в замедленной съемке Лина передвигала бумажки с цифрами в порядок, заданный последовательностью световых сигналов: 3, 1, 1, 2, 2, 0, 0, 6.

– 31 декабря 2006 года. Новый год, – сказала Бобби.

Они взломали код. Теперь им осталось только выяснить, почему так важна эта дата.

Пляшущие тени

Что-то было не так. Гарри Кинг скорее догадывался об угрозе, чем знал о ней. Сосредоточенно смотрел он из своего «аквариума» на улицу. Странный свист и шепот повисли в воздухе, остатки мусора разлетелись по площадке, пустой стаканчик из-под йогурта с треском упал на пол, а на асфальте плясали облачные тени. Что за фигура прохаживалась между машинами? Гарри выпрямился и скользнул вперед на сиденье. Адреналин наполнил его тело. Ради этих мгновений он и жил. Его способность воспринимать любые детали изменения обстановки сделала его легендой в кругах охранной безопасности. Так же он чувствовал себя, когда пять лет назад вычислил вооруженного грабителя, или в ту ночь, когда арендатор 57-го бокса грабил складские помещения своих соседей. Гарри гордился своим шестым чувством, способным замечать незваных гостей, прежде чем они выйдут на свет. После истории с Линой ему было что доказать.

Гарри Кинг переключил камеру наблюдения со шлагбаума у входа на площадку между машинами. Там что-то было? Движение? Тень? Он напряженно уставился на монитор, когда сильный удар оторвал его от кресла. Порыв ветра толкнул тяжелую входную дверь. Разбилось стекло. У Гарри чуть не случился сердечный приступ. Он выскочил из кресла так же молниеносно, как лезвие складного ножа. Маленькие экраны, транслировавшие записи камер видеонаблюдения в будку сторожа, показывали тревожные картинки. Огни в коридорах вспыхивали, как истеричные диско-лампы. Свет, тьма, свет, тьма. Через несколько секунд хаос прошел. Странное чувство улетучилось. Может, просто пришло время для отпуска? Или это из-за разноцветных коктейлей, которыми он наслаждался вчера вечером со своей бывшей, горячей Лилиан, в забегаловке Тони? Смешанные напитки вскружили ему голову так же, как и женщина, беседовавшая с ним, словно он был одним из ее воспитанников в детском саду. Ему явно мерещились дүхи. Гарри поднялся, чтобы осмотреть повреждения у двери. За его спиной четвертый монитор показывал, как поднимаются жалюзийные ворота бокса 187.

Мы команда

Ошеломленный, Данте оглядывал помещение склада. Набивка детской игрушки покрывала пол. Кроме пуха, в боксе 187 не было ничего. Его надежда хоть раз в жизни встретиться с отступником лопнула, как мыльный пузырь. С тех пор как Данте состоял в оперативной службе, ему пару раз случалось слышать, что житель Невидимого города не вернулся с операции. Но ни один из них не был сотрудником 4477.

– Ты узнал, кто подал сигнал? – раздался бодрый голос.

Данте обернулся. Позади него на свету появилась Коко. Ее лицо сияло от волнения, так сильно она торопилась последовать за ним.

– Ты не единственный, кто способен запомнить координаты, – произнесла она в свою защиту, прежде чем Данте смог удивиться.

– Ты должна немедленно вернуться назад, – сказал он.

Коко была одной из новичков и еще совсем не была подготовлена к сложным операциям. Ее вспыльчивый характер обычно приводил ее к одной проблеме за другой.

– Я профессионал, – ответила Коко. – И готова к любой чрезвычайной ситуации.

С гордостью она показала ему содержимое своего рюкзака, в котором лежала не только еда, но и учебные блокноты, четырнадцать ручек, отвертка, запасные чулки, бинокль и верный путеводитель по Таиланду 1967 года. Коко нашла тоненькую книжечку в антикварном магазине, влюбилась в обложку и с тех пор везде таскала ее с собой.

– В книге все похоже на меня, – сказала она. Как и все остальные, она попала в Невидимый город ребенком и ничего не знала о своем происхождении.

– Кто-нибудь знает, что ты здесь? – встревоженно спросил Данте.

– Я пришла незаметно, – сказала Коко. – Пришлось. В конце концов, я твоя помощница.

Данте ахнул.

– С каких это пор?

– С этих самых, – сказала она. Слова хлынули из нее. – Именно люди, которые считают, что не нуждаются в помощнике, должны иметь его,

потому что, по-видимому, они так мало разбираются в требованиях своей работы, что даже не понимают, что...

– Ты немедленно возвращаешься, – перебил Данте. – Будет слишком очевидно, если пропадем мы оба.

Он оставил ее и направился к автомату с напитками. Коко поспешила за ним.

Ее ботинки топали по полу, неоновые лампы неистово вспыхивали. О том, что она непоколебимо вошла в световой барьер и устроила внушительное световое шоу в сторожевой будке Гарри, она и не подозревала. Невидимость никогда не была ее сильной стороной.

Коко была поглощена своим новым заданием.

– Я могу сделать так, что никто не заметит, что ты путешествуешь без приказа.

– У тебя будут большие неприятности, – предупредил Данте.

Коко усмехнулась ему. Затем невозмутимо предъявила свой козырь:

– Если ты сделаешь меня своей помощницей, я расскажу тебе, что Инес делала за твоим компьютером.

Тем самым она добилась того, чего хотела: безраздельного внимания Данте. Коко явно наслаждалась тем, что ее воспринимают всерьез.

– Я хочу тебе помочь, – сказала она. – Дома так скучно без тебя.

– Что ты знаешь? – спросил Данте.

– Не здесь, – серьезно сказала Коко.

С усилием Данте подавил нарастающий гнев. Коко, видимо, считала себя тайным агентом, способным передавать информацию только при соблюдении особых мер предосторожности. Что она придумала? Он опасался худшего. Например, тайник, шифровальную систему или охоту за сокровищами через полгорода.

Коко подвела итог своему предложению в двух словах.

– Жареный гамбургер? – заговорщически прошептала она. – Во время еды говорить гораздо легче.

У Данте сдали нервы.

– У тебя десять секунд. Если к тому времени ты не скажешь то, что знаешь, ты уволена.

Коко поняла, что он говорит серьезно.

– Ничего, – торжествующе сказала она.

– Как ничего?

– Инес ничего не делала, – повторила она. – Она отключила сигнализацию, а затем вернулась к своим ученикам. Как будто ничего и не было. Она даже не передала информацию наверх.

Данте не ответил. Краем глаза он заметил что-то, лежащее на полу у автомата с напитками, что совершенно не вписывалось в эти клинически чистые коридоры.

Дружески положив руку на плечо Коко, он медленно подтолкнул ее к выходу.

– Возвращайся, Коко. Ты должна позаботиться о том, чтобы в Невидимом городе все шло как надо.

– Давай сначала осмотрим это место, – сказала Коко. – Сигнал должен был исходить откуда-то.

Данте вздохнул. Коко не понимала, во что ввязывается. Он и сам это не до конца понимал. Связи с отступниками были строго запрещены. Его действия могли привести к изгнанию или даже смерти. Никогда еще он не встречал никого, кто бы рискнул этим. Легендарные истории об исчезнувших сотрудниках манили его. Он с радостью посвятил бы в них Коко, но риск того, что она выдаст их совместную миссию, прежде чем начнет действовать, был для Данте непомерным. Рот у нее не закрывался день и ночь.

– Я хороша, – попыталась договориться Коко. – Я как ищейка. Сразу чую, если что-то не так. Я могу расспрашивать для тебя людей. Так же умело, как детектив... – она скорчила гримасу, как ей казалось, делающую ее похожей на сыщика, и заговорила низким голосом:

– Где вы были в субботу вечером?

– Мне нужен кто-то в центре, – ответил Данте. – Ты не должна спускаться с Инес глаз. Мы должны выяснить, что она замышляет.

Так легко Коко не сдалась.

– Ты хочешь от меня избавиться? Именно сейчас, когда все становится интереснее?

– Кто знает, может быть, Инес в сговоре с нашими врагами, – сказал Данте.

– С отступником? – испуганно прошептала Коко.

– Иначе зачем ей скрывать сигнал тревоги?

Коко замолчала. Мысль о том, что кто-то может осмелиться сотрудничать с отступником, была, по-видимому, настолько чудовищной, что у нее перехватило дыхание.

– Партнеры? – настаивал Данте, протягивая руку.

Коко захлопала в ладоши.

– Мы команда!

Ее рука была такой теплой и липкой, словно перед поездкой она заглянула в кондитерскую.

– Я буду прикрывать твою спину, – сказала она. – И раз в день мы будем обмениваться собранными сведениями.

– Даю слово, – сказал Данте.

Коко умчалась. Быстро шагом направилась к световому барьеру. Ее уход, вероятно, произвел еще одно шоу в будке сторожа.

Время поджимало. Данте с нетерпением ждал, пока Коко свернет за угол. Затем он наклонился к автомату с напитками, из-под которого выглядывал уголок пестрой словарной тетради. Он открыл первую страницу. «*Английский язык, 9-й класс*», – прочитал он. Ниже красивым женским почерком стояло имя владелицы: *Лина Фридрих*. Имя Лина он за свою жизнь слышал всего два раза. Оба раза его шептали прикрытой рот рукой. Это были запрещенные разговоры на запретную тему: Рея и ее дочь Лина. Могло ли это быть правдой? Осознание поразило его, как удар. 4477 не был обычным отступником. Номер сотрудника предположительно принадлежал дочери Реи. На мгновение у него перехватило дыхание. Исчезновение Реи из Невидимого города было одной большой загадкой, ее имя было навсегда вычеркнуто из хроники. Если оно и упоминалось, то только поздними вечерами, в темных переулках, тет-а-тет. Никогда в открытую.

Немного погодя Коко приложила указательный и средний палец к часам на своем запястье и активировала датчик распознавания лиц. Циферблат исчез. Используя кнопки на ободке, она набрала четырехзначный номер сотрудника. Яркое свечение тускло замерцало, открывая перед глазами оживленную картину. Между мокрицей и бумажным жучком в виде световой голограммы появилось озабоченное лицо Инес. Она беспокойно огляделась.

– Ну? – прошептала она, словно боясь, что кто-то стал свидетелем их тайной беседы.

– Он ничего не знает, – сказала Коко.

На пути в прошлое

– Я тоже училась в гимназии Веннингера, – радостно сказала секретарь.

Торопливым шагом молодая женщина с короткими кудряшками лавировала между комнатными растениями, рабочими местами и настенными мониторами, по которым безмолвно транслировались событийные репортажи и новости фондового рынка. Ежедневный архив новостей «Утра» стал последней надеждой девушек после того, как их поиски на различных новостных порталах не помогли им провести возможную параллель между Линой и исторической датой на часах.

Никто из редакторов не интересовался молодыми посетителями. За письменными столами, расположенными в форме звезды вокруг места начальника отдела новостей, велись переговоры и телефонные беседы, проводились интервью, согласовывались встречи и звонки, совершались рекламные продажи. В воздухе повисла пронзительная симфония рингтонов, принтера и шипения кофеварки. Во всем этом шуме и гаме сотрудники стучали по своим клавиатурам, словно сидели за звуконепропускаемой стеной.

– Айзерманн еще там? – с любопытством спросила секретарь.

– А как же, – подтвердила Лина.

– Раньше я ее ненавидела, – сказала молодая женщина. – Теперь я думаю, что мертвые лягушки и свиные глазки на ее уроках были идеальной подготовкой к общению с проблемным боссом.

Ее взгляд упал на лысого человека с огненно-рыжей бородой, который перед собравшейся командой отчитывал сильно побледневшего сотрудника. По комнате, словно пули, летали фразы и оскорбления.

– За кого вы принимаете читателя? За свинью, которая жрет все подряд? – С мрачной миной он скомкал текст в руках.

– Рыжий заставил Карла Расмуса работать в подвале, – пояснила молодая женщина. – Хотя он был у нас лучшим. Ни аварии, ни пожара, ни взорвавшегося дома, ни скандала не проходило без его фотографий. Его репортажи с места происшествий были легендарными.

– Расмус? Карл Расмус? – удивленно спросила Лина.

– Это папа Йонаса, – объяснила Бобби. – Я знаю его с раннего детства.

Он всегда был самым крутым отцом из всех.

Секретарь толкнула дверь на лестничную площадку. Ее каблук стучали по металлической винтовой лестнице, ведущей на нижний ярус.

– Он немного странный, – предупредила она и подтолкнула девушек к архивохранилищу.

Тяжелая противопожарная дверь громогласно захлопнулась за ними. Внезапно звуки с верхних этажей исчезли. На оживленной улице, на площади Веннингера было утро, наверху десятки людей спешили через редакцию, однако в прохладном помещении под землей царил мертвая тишина. Только тиканье старомодного будильника гарантировало, что чувство времени не удастся полностью потерять. В этом путешествии в прошлое Лина и Бобби были сами по себе. Нерешительно вошли они в скудно освещенный вестибюль, где на метровом рабочем столе громоздились папки с документами, ящики и скоросшиватели. К большому сканеру медленно, как улитка, ползла фигура. Лина не верила своим глазам. Сходство между отцом и сыном было поразительным: та же долговязая фигура, те же спутанные кудри.

Как будто Ионаса поместили в машину времени, которая в одночасье состарила его на десятки лет. Жизнь, по-видимому, не имела ничего общего с Карлом Расмусом. Журналист был сутулым, лицо пронизано тревожными морщинами, а кожа казалась серой и прозрачной. Когда он в последний раз загорал под солнцем?

– Он выглядит по-другому, – прошептала Бобби.

Мужчина никак не показал, что заметил вторжение в его рабочее пространство. В белых перчатках и с почти религиозным почтением он осторожно поднимал фотографии из засохшей архивной коробки. С особой тщательностью, как будто имел дело с хрупким предметом, он рассматривал, упорядочивал и сканировал материал. Каждые несколько секунд его лицо озарялось демоническим светом, когда сканер проносился над объектом, который он считал достойным архивирования.

Бобби решила на первый шаг. Она подошла к мрачной фигуре:

– Здравствуйте, господин Расмус. Это я. Бобби.

Никакой реакции.

– Роберта...

Молчание.

– Роберта Альберс. Мы с Ионасом дружили в детском саду. Вы фотографировали нас для газеты в День святого Николая, вырезка висит у нас в коридоре, – сказала она.

Расмус замахнулся и хлопнул ладонью по столу. Его кофейная чашка

подскочила в воздух, ложка со звоном упала на пол. Бобби и Лина вздрогнули от испуга. Пинцетом Расмус подобрал мертвое насекомое, заблудшее в его подвал, и выбросил. Когда он наклонился за ложкой, его взгляд упал на двух девушек. Лучи света озарили его лицо. Он вынул из ушей беспроводные наушники. Из крошечных кнопок звучала классическая музыка. Неудивительно, что он их не слышал.

– Мы с Йонасом одноклассники... – снова начала Бобби. Расмус решительным движением руки отодвинул ее в сторону, чтобы поближе рассмотреть Лину. Он остановился и окинул ее тем пристальным взглядом, о котором Лина знала только от тетюшек, дядей, дедушек и бабушек Бобби незадолго до того, как они разражались восторженным: «Ребенок, как ты вырос!» Расмус ничего не сказал. Его глаза мерцали темно-кариим цветом, как у Йонаса. Карл Расмус казался ей воплощением темной стороны своего сына.

– Долго же тебя не было, – сказал он.

Его дыхание источало запах холодного сигаретного дыма, алкоголя и уныния. Лина невольно отпрянула.

Ее защитное движение не осталось незамеченным.

– У нас вчера было что праздновать, – извинился Расмус. Его внешность противоречила его словам.

– Если бы можно было повернуть время вспять, – вздохнул Расмус, выдержав многозначительную паузу. – Если бы я мог, я бы повторил каждую свою ошибку.

Он громко рассмеялся, пока не понял, что никого, кроме него, это не забавляет. Смущенно он поправил волосы и разгладил влажную от пота рубашку. Видимо, он отвык от посещений.

– Раньше редакторы спускались сюда за историческими знаниями, – пояснил он свое положение. – Новое поколение писателей гуглят свои истории и считают, что это журналистика. Они просто все рассылают. В Twitter, Instagram, Facebook, Snapchat, Youtube. Но как настоящий журналист вы должны слушать. И наблюдать.

– Нам нужна информация о конкретном дне, – вмешалась Лина.

Расмус хрипло рассмеялся, нехотя сделал глоток из серебряной фляжки и посмотрел на Лину. Его пронзительный взгляд был направлен на нее. Лине стало неуютно.

– У тебя такие любопытные, настороженные глаза. Я еще тогда обратил на них внимание, – сказал он. – Есть люди, которые задают вопросы, а есть те, кто разбалтывают ответы. По глазам можно прочесть, к какой категории кто принадлежит. Я знал, что ты в конце концов придешь.

Лина бросила на подругу обеспокоенный взгляд. Бобби, как и было условлено ранее, вытащила из кармана телефон и ради безопасности сообщила матери свое местонахождение.

– Кто знает, с чем мы столкнемся, – опасаясь, говорила ее подруга. – Если что-то пойдет не так, они, хотя бы, будут знать, где нас искать.

Краем глаза Лина наблюдала, как Бобби что-то отчаянно печатает в телефоне. Отправка сообщения, видимо, зависла. Те, кто считал, что отсутствие сотового телефона способствует внутреннему спокойствию, никогда не посещали подпольный архив. Расмус сменил положение так, что его лицо оказалось совсем близко к ее.

– Я прочитал это в твоих глазах, – сказал он. – Ты не плакала. Ты сидела у меня на руках и вопросительно смотрела на меня.

Он держал ее на руках? Когда? Почему? О чем он говорил? Не был ли он безумен? Расмус развернулся на пятках, подошел к одной из полок и, ухватившись за ручной маховик у изголовья, привел его в движение.

– Когда-нибудь они все придут. Когда-нибудь они поймут, что за сокровища здесь хранятся. Они думают, что я занимаюсь саморазрушением. На самом деле я работаю над будущим. Я знаю, где прячутся истории.

Изящно скользнув влево по идеально смазанным рельсам, стеллаж открыл вид на длинный коридор. Лина и Бобби с любопытством заглянули за угол. Бок о бок, в сплошном сером цвете, выстроились сотни полок с картонными, аккуратно помеченными датами папками. Лина уже собиралась пойти за ним, когда Расмус повернулся к ней.

– Вы обе, больше ни шагу, – приказал он.

Невидимость для начинающих

– Ну? – спросил знакомый голос. – Идет сигнал из редакции газеты?

Данте едва не рухнул в обморок. Только не снова Коко.

– Обмениваемся раз в день, – напомнила она. – Раз в день уже сейчас. – Они разошлись всего несколько часов назад.

Данте расположился на скамейке на площади Веннингера, с которой ему удобнее было следить за главным входом «Утра». У него вырвался стон. Его так называемая помощница обладала скоростью бумеранга и цепкостью плодов репейника.

– Инес ни о чем не догадывается, – сообщила Коко. – Она мало интересуется тобой и еще меньше мной. Я сказала, что плохо себя чувствую: живот. Ей было все равно.

Данте искал на ее лице признаки лжи. Мог ли он доверять ей? Подруга казалась такой же, как всегда: голодной до фактов, нетерпеливой и непоседливой.

– Это Лина Фридрих, – сказал он. Осознание было настолько ошеломляющим и шокирующим, что он просто не мог держать это в себе.

Коко вздрогнула, словно ее ударило током. Ее глаза расширились:

– Дочь...

Данте кивнул.

– Ой-ой-ой, господи, что же нам теперь делать? – заскулила Коко.

– Мы проследим за ней, – сказал Данте. – Лина запустила хронометр. Не зная о его настоящих способностях. И теперь она задает любопытные во-просы.

– Следить за ней можно ведь и из ресторана? Когда ты ешь, то намного меньше выделяешься, – предложила Коко.

Коко просто не могла спокойно усидеть на скамейке. Ну а как же? В Невидимом городе занятость считалась добродетелью, праздность считалась пороком. Правила обязывали сотрудников посвящать каждую свободную минуту обучению. Коко направилась к площади Веннингера. Съестного она не нашла, зато взяла старый зонтик, который, несмотря на две сломанные спицы, был наполовину исправен.

С большим трудом ей удалось приподнять его, чтобы потом раскрыть

над собой.

– Кто знает, сколько времени нам следить и ждать, – сказала она. – Я терпеть не могу такие светлые дни.

– Кто ты? Вампир, воспламеняющийся на солнце? – спросил Данте.

– Я веснушчатая, – сказала Коко.

Данте не понимал, почему пара бледных веснушек на носу так встревожила Коко.

– Я считаю, что твои веснушки... – Он искал подходящее слово.

Коко не стала дожидаться конца фразы:

– Милые, скажи уже. Кому хочется быть милой? Я даже не хотела быть такой, когда была ребенком. Я кричала по шесть часов в день, чтобы никому в голову не приходило, что я милашка.

– Наверное, ты была голодна, – подметил Данте.

Его взгляд не отрывался от входной двери в «Утро», а Коко продолжала радостно болтать.

– Так проходили все школьные годы. Они обращались со мной как с ребенком. Когда ты маленькая, тебя постоянно недооценивают. Каждое утро я встаю и говорю себе: «Радуйся, что у тебя нет ни паралича лица, ни шрама от ожогов». Ну, получается здорово. Пока не пробую, смотрю в зеркало, и потом я удерживаю взгляд только на пучке волос на голове.

Порыв ветра обрушился на зонтик. Коко суетливо поджала под себя ноги, обутые в походные сандалии.

– Ты боишься, что на пальцах появятся веснушки?

– Тем, у кого веснушки, гораздо труднее не выделяться, – сказала в свою защиту Коко.

Данте прекрасно знал, что возможные веснушки были наименьшей проблемой Коко, когда дело доходило до того, чтобы быть незаметной во время секретных операций.

Значительная часть тренировок в Невидимом городе была нацелена на то, чтобы, подобно хамелеону, приспособиться к различным условиям среды. Данте так мастерски незаметно перемещался во времени, что даже мог позволить себе носить длинный черный плащ. «Невидимость – это состояние души», – всегда говорил он.

Коко же, наоборот, проносила сквозь свои задания, как неуправляемый снаряд. И это несмотря на то, что она четыре раза посещала курс «Как стать невидимкой для начинающих», прежде чем получила диплом от разочарованной преподавательницы. «Я не могу работать ни с кем, чьи любимые слова: завтрак, обед и ужин», – свирепствовала она. К свидетельству была выдана приписка с указанием

ни при каких обстоятельствах не записываться на курс повышения квалификации.

– Я получу солнечный удар, если мы будем болтаться здесь и дальше, – пожаловалась Коко. – Солнце заставляет меня нервничать. Находиться так долго в одном месте – не для меня.

Данте мог это понять. Он едва знал кого-то еще, кто так плохо умел сливаться со своим окружением. Все было бы проще, если бы они действительно были невидимыми. Но, увы, не были. И меньше всего – Коко.

– Исчезни, Коко, – сказал он.

– Я останусь до тех пор, пока ты не придешь в себя, – сказала она. – Опасно вступать в личный контакт с людьми.

Коко не ошибалась. Ему не хватало опыта личного общения с людьми, выросшими за пределами Невидимого города. В их мире существовали простые и четкие правила, предписания и наставления. Здесь, снаружи, все казалось куда более беспорядочным.

– Может быть, я совсем не хочу с ней разговаривать, – сказал Данте.

– «Прямой, долгосрочной связи с людьми следует избегать при любых обстоятельствах», – процитировала Коко «Руководство для невидимок», стандартное хрестоматийное произведение, которое они все изучали. – «Люди – это носители смертельных вирусов, называемых чувствами. Инфекции приводят к необратимым проблемам со здоровьем и, в худшем случае, могут оказаться фатальными».

– У меня к ней вопросы, а не чувства, – отмахнулся Данте.

– Ты не помнишь, что случилось с Реей? – напирала Коко, стараясь как можно тише произносить запретное имя. – Нелогичность заразительна.

– У меня все в порядке, – сказал Данте.

– Рея тоже так считала, – сказала Коко. – И вот в один день она исчезла из Невидимого города. Я не хочу, чтобы ты стал отступником.

Вот и оно, то самое слово. Они оба испугались, когда поняли, что поставлено на карту.

Их разговор звучал в пустующем зале для собраний. Инес показывала нескольким пожилым сотрудникам запись, которую сделала Коко.

Трансляция прекратилась. Никто не осмелился ничего сказать. Ужас отражался на их лицах.

– Нужно сообщить Хранительнице времени, – сказал пожилой мужчина.

– Подождем, – решила Инес. – Не стоит беречь ее старые раны. Кто знает, может быть, девушка узнает что-нибудь.

Первый раз

– Это не может быть правдой, оно должно быть здесь, как же можно быть таким тупым, – доносился из глубин архива голос Расмуса.

Бобби и Лина обменялись беспокойными взглядами. На заднем плане непрерывно скользили стеллажи. Скрипучий голос Расмуса эхом разносился по коридорам. Журналист вел яростный разговор с самим собой, показывая, что он и сам себя не очень хорошо чувствует.

– С каких пор ты знаешь отца Йонаса? – прошептала Бобби.

Лина недоуменно пожала плечами:

– Он знает меня. Это совсем другое.

– Возможно, люди правы, что он сумасшедший, – сказала Бобби. – Вот почему Йонас ни разу его ни с кем не знакомил.

Что ответил Йонас на вопрос о характерных чертах в его семье? Расмус исчез в архивном хранилище, не задав ни единого вопроса. Почему он сделал вид, что знает Лину с детских лет? В нетерпении она вместе с Бобби ждала результата его путешествия по прошлому. Спустя вечность Расмус пробрался назад с торжествующим смехом и протянул большую папку газет.

– Тогда я еще был волонтером. Я считал, что местные репортажи – первый шаг к большой журналистской карьере. Я обещал жене прокатиться на санках с Йонасом. Ночная прогулка по Айхбергу – это было тогда очень популярно. А потом пришло уведомление.

Расмус положил на стол связку газет, обернутую картоном. На мгновение девушек окутало облако пыли. Когда дымка рассеялась, перед их глазами появились даты. 30.12.2006–15.01.2007.

Он открыл папку. *«Наступает 2007 год! «Утро» желает миру любви, счастья, здоровья, успеха и мира»*, – гласил заголовок последнего номера того года. Но его это не заинтересовало. Расмус продолжал листать в поиске газеты, датируемой вторым января, которая содержала новогодние репортажи. Газета вышла с заголовком «Счастливого пути» и фотографией Айхберга. Четверка резво мчалась вниз на санках по залитому прожекторами склону, а на заднем плане вспыхивал новогодний фейерверк. Репортаж был датирован 31.12.2006.

Лина вздрогнула. С тех пор как она нашла таинственные часы, в ее жизни происходили самые странные вещи. Откуда Расмус знал, что именно привело ее в архив?

– Первый раз не забывается, – объяснил он. – Первая любовь, первая работа, первая служба в полицейском патруле. Я был первым и единственным журналистом на старом таможенном мосту.

Лина застыла в шоке. Ее ноги стали ватными. Полицейский патруль? Таможенный мост? О чем он говорит? Она не осмелилась перевернуть первую страницу с безобидной фотографией зимнего веселья. Возможно, правда напоминала ей эффект бледной поганки: банального прикосновения хватило бы, чтобы кого-нибудь отравить.

– Давай ты, – прошептала она Бобби.

Бобби листала страницы с событиями новогодней ночи 2006 года. Помимо ночного катания на санках по Айхбергу «Утро» сообщало о набеге на заправочную станцию, о группе сумасшедших, готовившихся к прибытию инопланетян, о борьбе Тони за сохранение закуской в порту и об одной помолвке под Новый год.

– Твоя тетя, – восторженно воскликнула Бобби.

«Она сказала «да», – гласил радостный заголовок в сводке новостей. Среди них знакомая фотография Сони и красавца Хьюго. Ровно в полночь Хьюго опустился на колени перед самодельными граффити в порту.

– Полицейский патруль. Расмус что-то говорил о полиции, – сказала Лина. Во рту у нее пересохло. Ее голос был скорее похож на карканье. Бобби продолжала листать. С каждой страницей, содержащей несущественные местные новости, беспокойство Лины росло.

Внезапно Бобби замерла в шоке.

Взгляд Лины мимолетно скользнул по странице. «Смерть в новогоднюю ночь», – гласил заголовок.

Она догадывалась, о чем здесь может идти речь. «Автокатастрофа» – большей информации от Сони было не добиться. Тетя не сомневалась, что ее решение утаить от Лины все подробности было столь же осозанным, сколь и непоколебимым.

– От воспоминаний после просмотра фотографий ты никогда не отделаешься, – сказала она Лине. – Лучше их вообще не видеть. Невозможно страдать от ударов судьбы, которых не помнишь.

Лина не решалась переступить эту невидимую границу. Она еще раз прочла заголовок. «Смерть в новогоднюю ночь». Голоса в ее голове завертелись: «Ты действительно хочешь знать, что тогда произошло? Что, если Соня права и правда будет мучить тебя всю оставшуюся жизнь? Брось

это. Беги, пока еще можешь».

Лина заставила себя присмотреться повнимательнее. «Молодая супружеская пара погибает в аварии на старом таможенном мосту», – было написано в последней строчке. Под ней крупным шрифтом значилось имя журналиста: «Карл Расмус». Зернистая черно-белая фотография изображала момент нелегкого спасения поврежденного автомобиля. В свете временно установленных фар виднелся темный «Гольф», словно выбравшийся из-под автомобильной дробилки. Справа маячили пожарные. Светоотражающие полосы на их тяжелых форменных куртках светились в ночи. Недоумение отражалось на их лицах. Ночная съемка отдавала звенящим холодом. В конусе установленного аварийного освещения плясали толстые снежинки. Деревья стонали под тяжестью свежего снега.

Лина попыталась прочитать сопроводительный текст. Имена ее родителей всплывали и снова расплывались. Буквы вертелись перед глазами, как бешеные танцоры брейк-данса, прежде чем ее глаза наполнились слезами. Ее воображение перевернулось. Она услышала визг тормозов, сильный удар, услышала скрежет стекла, искореженного металла, почувствовала запах бензина. Едкий дым ударил в нос. Она хотела ощутить мороз, проникающий в ее конечности, холодный ветер, снег на коже.

– Возможно, часы остановились во время аварии, – услышала она голос Бобби, доносившийся издалека. – Такое постоянно случается в детективах.

Впечатлений было слишком много. Тайфун чувств, образов и ложных ощущений захлестнул Лину. Она бросилась на улицу. Мимо Расмуса, вернувшегося со стопкой фотографий из архивного хранилища.

– Я нашел еще несколько оригиналов, – сказал он.

Лина оттолкнула его в сторону. Ей нужен был воздух, свет, ей нужно было окружить себя жизнью.

Слишком много и даже больше

Все завертелось: образы, голоса, звуки. Обрывки воспоминаний вспыхивали, словно новогодние фейерверки, сияли и тлели, прежде чем у Лины получалось их удержать. Ее голова грозилась лопнуть.

Жизнь Лины была полна трудностей: младшие сестры, мучительная икота, госпожа Айзерманн, Йонас. Но это было неизмеримо хуже: разрозненные фрагменты прошлого, эта карусель мыслей, которая продолжала вращаться, пока Лине не станет плохо.

Пока ее мир рушился, люди на площади Веннингера занимались своими обычными делами. У фонтана суетилась парочка подростков, сотрудники окрестных офисов постепенно покидали свои рабочие места, люди спешили с набитыми сумками к автобусу, туристы фотографировали друг друга перед внушительной фигурой основателя компании, часы на башне мэрии спешили на минуту. Где-то отчаянно плакал ребенок. Этот плач поразил Лину до глубины души. Почему никто не утешал ребенка? Где он был? В ее голове?

Ее взгляд скользнул по необычному юноше, который невозмутимо наблюдал за ней со своего места на скамье. Лицо его было тонко очерчено, а волосы, которые он небрежно откинул назад, были почти белыми. В длинном черном пальто, которое он надел поверх джинсов и белой футболки, он выглядел просто потрясающе. Даже с расстояния Лина заметила, какими особенными были его глаза. Один переливался голубым цветом, другой слегка зеленоватым. Такими крутыми обычно были только рок-звезды или голливудские актеры. Он слегка приподнял руку, словно хотел ее поприветствовать. Она, конечно же, никогда с ним не встречалась. Рядом с ним притаилась девушка. Словно выполняя сложную йогическую асану, она скрутилась под защитным зонтом так, что мелькали только пальцы ног и обувь.

В этом было что-то необычное. Она посмотрела в загадочные глаза юноши, и гроза в голове утихла. Он криво улыбнулся. Время затаило дыхание. Это была крошечная пауза, заезженная пластинка, секундная стрелка на часах, остановившаяся на одно мгновение. Момент длился столько же, сколько и моргание век. В отличие от Йонаса, на которого она

всегда реагировала икотой, взгляд этого юноши казался теплым и знакомым. Словно магнит, его глаза притягивали к себе.

Беспокойный сигнал клаксона нарушил приятное чувство. Лина обернулась и узнала Генриетту Альберс, резко затормозившую у тротуара. После сообщения дочери, которой каким-то образом все-таки удалось его отправить в подвале, она немедленно села в машину, чтобы забрать девочек. В конце концов, хотя Бобби предупреждали о том, что будет сильный ливень, вышла она днем из дома без зонта.

Лина обернулась. Но было уже поздно. Скамейка, на которой только что сидел таинственный юноша, была пуста. Только сломанный зонтик, который ветер гонял по асфальту, напоминал о присутствии странного дуэта. Еще до того, как она успела удивиться, входная дверь «Утра» распахнулась и оттуда выскочила Бобби.

Лина почувствовала слабость, когда опустилась на обивку автомобильного сиденья. Надеясь увидеть еще раз того юношу, она оборачивалась снова и снова, пока площадь Веннингера не исчезла из поля ее зрения. Юноша как сквозь землю провалился. Лина почувствовала прилив разочарования. Задумчиво погладила она хронометр на запястье. Он был теплым. Часы ли вызвали эти силы, которые она не способна была контролировать? Она ощутила, как рука Бобби потянулась к ней, и сразу почувствовала себя немного лучше. Другой рукой Бобби украдкой вытащила толстый конверт из-под блузки.

– Для тебя, – сказала она. – Здесь внутри – все, что тебе нужно знать.

Есть кто-нибудь?

Коричневый нераспечатанный конверт лежал на столе. Лина не осмелилась открыть сверток. Как будто смерть родителей стала бы бесповоротной и окончательной только после того, как она узнает подробности. Она не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы перечитать вновь детали происшествия. Пока нет. Но и уснуть она тоже не могла. Всякий раз, когда она закрывала глаза, она видела перед собой необычного юношу с разноцветными глазами. Мимолетный взгляд прочно врезался в ее память. Она чувствовала, что между часами, трагическим происшествием и таинственной фигурой на скамейке есть какая-то связь. Почему этот парень так внезапно исчез?

Полночи она ворочалась в постели взад-вперед, вслушиваясь в темноту. В какой-то момент машина свернула на стоянку, поднялся шлагбаум, и свет фар ударил в окно. Тени заплясали по стенам. Знакомые звуки казались привычными: дверца машины хлопнула, раздался звук шагов. Ветер донес до Лины приглушенные голоса, скрип жалюзийных ворот и характерный грохот багажных тележек. Люди привозили и вывозили со склада предметы. Во втором часу она не выдержала. Поднявшись с кровати, она украдкой выглянула из-за занавески на ночную стоянку. Надпись «*Сити-бокс*» отражалась в грязных лужах, по асфальту катилась доверху нагруженная тележка, Гарри сидел на корточках в своей тускло освещенной коробке. Неужели бедняга никогда не спал? Его лицо сверкало синеватым светом из-за экрана телевизора. Все было спокойно.

Внезапно телефон Лины издал сигнал. Свет дисплея осветил часть комнаты. Кто-то послал ей сообщение. Посреди ночи. Осторожно Лина подобралась к телефону, нащупывая кнопки, словно от самого телефона исходила опасность.

«Иди спать, Лина. Завтра ты должна быть бодрячком», – было написано в сообщении. Это был Гарри. Лина озадаченно вернулась к окну. Гарри Кинг помахал ей из своей коробки. Как он это сделал? Почему-то ее утешало, что Гарри Кинг присматривает за ней. Лина снова откинулась на подушки и закрыла глаза.

– Лина, вставай, уже. Лина, поторопись. Лина, завтрак.

Лина это, Лина то... В какой-то момент она, должно быть, уснула. Субботнее утро приветствовало ее привычным хаосом. Ее одежда валялась по всей комнате, сестры шумели в коридоре, время тикало, и последняя игра сезона уже приближалась. Только таинственные часы, которые она носила на запястье, напоминали о ее приключениях. И толстый конверт, который укоризненно смотрел на нее. Она уже хотела броситься в ванную, когда заметила что-то странное. На подоконнике лежал ее словарик, открытый на странице, не имевшей никакого отношения к текущей теме урока. В 12-й теме были перечислены дружеские и родственные термины: *подруга – girlfriend, мать – mother, тетья – aunt, дочь – daughter, бабушка – grandmother, внучка – granddaughter*. Древний, доисторический учебный материал. Хор голосов непрошенных гостей в ее голове превратился в симфонию. На этот раз голоса пришли к единому мнению. «Кто-то ночью был в твоей комнате», – кричали они. Лина поняла, что находка ничего не значит. Тетя нашла книгу, когда наводила порядок в торговом автомате, и ночью отнесла в ее комнату. Вот как должно было быть. Конец. Точка. Все очень просто.

Ей хотелось думать о гандболе. И о том, что она увидит Йонаса. У нее действительно не было времени прислушиваться к паническим голосам в голове. Она спрятала толстый конверт в свой школьный рюкзак, единственное место, которое было недоступно ее любопытным младшим сестрам. После игры оставалось достаточно времени, чтобы подумать о прошлом.

Несмотря на видимость самообладания, в ее голове не было покоя. Лина не могла его ни схватить, ни услышать, ни попробовать на вкус, ни почувствовать запах, ни увидеть или доказать: непреодолимое чувство, что за ней кто-то наблюдает, не отпускало ее. Невидящие глаза сопровождали ее во время чистки зубов, за поспешным завтраком, провожали ее в комнату, где она поспешно начинала собирать футболку со спортивными вещами. Следовали за ней к спортивному парку.

Открытые площадки спорткомплекса непосредственно примыкали к городскому парку и Айхбергу. Дважды в неделю на тренировках Лина мчалась вверх по крутому склону к площадке, затем вниз по крутому склону, один раз вокруг утинога пруда и обратно через гору и автостоянку. Местность была идеальной трассой для обязательной беговой тренировки гандболистов.

Сегодня холм покрывал густой туман. Царила нереальная атмосфера. Лина уставилась в непроглядность, пытаясь что-то разобрать в серых тонах. Там кто-то прячется? В укрытии кустов? Может быть, тот

незнакомец? Как бы она ни старалась, воспоминание о его таинственной персоне постоянно отвлекало ее от восприятия действительности.

– Что ты тут топчешься? – крикнул чей-то голос. – Мы сильно опаздываем. – Ее товарищ по команде Элиф подхватила ее под руку и потащила дальше, в катакомбы спортивного зала.

В раздевалке Хлоя, как обычно, произносила пафосную речь. Она прыгала в лифчике и трусиках, демонстрируя не только идеальные изгибы, но и свои новые радужного цвета наушники.

– Вообще-то я хотела получить их на день рождения. Но мама отдала мне их раньше. Она купила их во время шопинга в Лондоне. Радуга все еще в моде? – спросила она в трубку. Ответа она не ждала. Зачем? Если у Хлои было что-то новое, то это было в моде. Тренды в Веннингере следовали за Хлоей, а не наоборот.

Лина поставила свою сумку рядом с Бобби, которая отошла в самый дальний угол раздевалки. Она практически тонула в своих черных шортах и оранжевой рубашке. Футболка прилипла к ее телу, как плохо сидящий карнавальный костюм. То, что Бобби приняла в команду, было связано не столько с ее талантом, сколько с неустанной работой ее матери в клубе. Бобби никогда бы добровольно не пошла в спортивный клуб. Ее заставила Генриетта Альберс, которая прилагала все усилия к тому, чтобы выманить свою затворницу, сидящую за учебниками, из дома.

– Командный спорт, – любила повторять она, – поддерживает здоровое, социально-эмоциональное развитие молодых девушек. Особенно такой физический вид спорта, как гандбол.

Лина была звездой команды, Хлоя – ее лицом, Элиф – самой яркой фигурой (как верующая мусульманка она играла с эластичной тканью, обернутой вокруг головы), а все остальные оставались просто полузащитниками. Бобби отвели роль слабого звена.

– Ну? Что ты скажешь по поводу статьи? – спросила Бобби.

– Еще не читала, – честно призналась Лина. – Мне и без этого плохо.

Ее подруга понимающе кивнула.

– У меня есть кое-что для тебя, – сказала она.

Порывшись в своей спортивной сумке, она положила что-то в руку Лины: конфету в разноцветной блестящей бумаге.

– Я работала над этим всю ночь, – сказала она, заговорщически подмигивая.

Только когда Бобби театрально захихикала, Лина поняла, в чем дело. Такая подруга, как Бобби, действительно была на вес золота. К сожалению, Лина получила возможность опробовать изобретение быстрее, чем ей

хотелось. По пути в зал они наткнулись на Йонаса. Он с трудом тащился к лотку с напитками, сладостями и снеками, которые собирался продавать в зале. Лина забросила конфету в рот и в тот же миг пожалела об этом. Отвратительный вкус прокатился по языку.

– Что это? – простонала она.

Ее рот скривился, а по щекам побежали слезы. Она втянула воздух через нос.

– Сочетание сахара, красного перца и уксуса, – объяснила Бобби. – Оно притупляет нервные окончания во рту, так что они уже не смогут передать команду для икоты.

Идея Бобби сработала отлично. Лина не икала, она задыхалась.

– Существует множество способов улучшения вкуса, – простонала она и побежала мимо Йонаса в сторону туалета.

Бобби воздержалась от дальнейших объяснений. Она криво усмехнулась своему старому другу с детского сада.

Все или ничего

Как раз вовремя! За двадцать секунд до начала игры Лина выскочила на поле. Наверное, она была еще немного бледная, но зато не икала и хотела играть. В зале бушевала публика. В отличие от обычных дней соревнований сейчас трибуна была почти полностью заполнена. На скамейках сидели папы, мамы, дедушки, бабушки, друзья, братья и сестры, плотно прижавшись друг к другу, чтобы подбодрить свою команду на выход в финал. Бобби нехотя помахала рукой своей чрезмерно амбициозной матери, которая восторженно размахивала простыней с надписью: «*Вперед, Роберта, вперед!*»

– Она все еще не поняла принцип командного спорта, – устало сказала Бобби, устраиваясь на скамейке запасных.

Свисток Гарри Кинга возвестил о начале игры. Черно-оранжевые против красно-белых. На кону стояло все. Семь девушек из каждой команды стояли по обе стороны поля, еще четверо ждали на скамейке запасных. С первых же минут игры Лина расслабилась. Гандбольное поле было единственным местом в мире, где ее мысли успокаивались. Она бегала, подпрыгивала, умудрялась хитрить, хватала мяч и отбивалась. В спортивном зале все проблемы Лины поблекли: ее сложная семья, сестры, биология, прошлое, даже юноша с разноцветными глазами исчез из ее головы. В гандболе учитывались только две вещи: где мяч и где ворота. Как только Лина держала в руке кожаный мяч, голоса затихали. Оставался только тренер, который со стороны непрерывно выкрикивал свои указания на поле.

– Проснитесь, вы, сонные мухи. Двигайтесь. Защита вплотную, используйте шансы забить гол. Вправо, Лина, двигайся вправо. Вы хотите закончить без голов?

Лина не зря считалась одним из лучших игроков клуба. «В тебе есть напористость, и ты внимательна к мячу», – всегда хвалил ее тренер. На самом деле ее секрет успеха заключался в Бобби. Подруга не могла ни быстро бегать, ни высоко прыгать, ни пасовать, ни даже забивать. Часто она теряла мяч даже при легком прыжке и совершенно точно, когда перебрасывала его из одной руки в другую.

– Когда дело доходит до гандбола, то я утка, – часто говорила она. – Утки могут бегать, летать, нырять, плавать и петь. По сравнению с другими существами – ничего по-настоящему хорошего.

Свои вечные часы на скамейке запасных Бобби использовала, чтобы углубиться в теорию гандбола.

– Гандбол похож на шахматы, – утверждала она. – Все дело в тактике.

На поле она могла быть полным нулем, но в стратегии превосходила всех. К сожалению, никто не хотел слушать ее идеи. По крайней мере, ее тренер.

– Направо, Лина, – рявкал тренер. – Ты должна перейти на правую сторону.

– Налево, Лина! Налево, – кричала Бобби.

Лина слепо доверяла подруге. Пока тренер еще колебался, Бобби уже, по-видимому, давно разглядела схему, на которой красно-белые строили свою оборону. Лина сделала движение вправо и в неожиданном маневре перебросила мяч в левую руку. Со своей позиции в тыловой зоне она умело прокатилась через центр поля, проталкиваясь с мячом мимо Хлои, которая снова мешала ей, потому что была слишком занята своей внешностью. Три противника блокировали доступ к семиметровой зоне. Лина уклонилась и резко подпрыгнула. Правым локтем она отбилась от защитницы, левым отмахнулась от нее, развернулась корпусом в воздухе и ударила по воротам. Она закончила свое феноменальное выступление ударом под нереальным углом. Бобби вскочила со скамьи, публика бушевала, Йонас свистел с помощью пальцев. Даже беспристрастный Гарри Кинг не смог сдержать одобрительной усмешки. Один тренер ворчал.

– В следующий раз держись подальше, – прошипел он Бобби.

Когда взгляд Лины упал на трибуну, ее радость уступила место горькому разочарованию. Места, отведенные для ее семьи, пустовали. До последнего момента Лина надеялась, что Соня передумает и она сможет вживую продемонстрировать тете, почему гандбол – это больше, чем просто хобби. Откровенная незаинтересованность поразила Лину до глубины души.

Игра должна продолжаться. Товарищи по команде Лины явно почувствовали ее разочарование. Лина с трудом удержалась от того, чтобы не броситься в атаку, когда двери зала распахнулись и в спортивный зал вошел запоздалый зритель. В беге Лина узнала бледную, почти беловолосую фигуру. Парень, юноша с площади Веннингера, был здесь, в спортивном зале. Краем глаза Лина наблюдала, как очень низкая азиатка с бледно-лиловыми волосами пытается руками и ногами помешать ему

войти на игровое поле. В какой-то момент она сдалась и, ругаясь, исчезла из виду. Споткнувшись, Лина побрела через зал и благополучно упустила гол. Раздался оглушительный свист вкупе с радостными возгласами со стороны противников. Хлоя сердито уперла руки в бока.

– Какого черта ты творишь? – рявкнула она.

Лина замерла. Она не могла отвести взгляда от чудесного посетителя, который своим развевающимся черным плащом отличался от всех мальчишек, с которыми Лина встречалась до сих пор. Сколько ему может быть лет? Солнцезащитные очки препятствовали любой разумной оценке и мешали смотреть в его загадочные глаза.

Вокруг них шумели игроки и болельщики, а для Лины время остановилось. Издалека до ее уха донесся свист Гарри, в воздухе раздавались возгласы Бобби. Лина увидела искаженное лицо своего тренера, которое двигалось, как в замедленной съемке. Его руки гребли, словно он собирался взлететь, рот открывался и закрывался, а глаза вылезали из орбит, настолько громко он орал. Ни одно из его слов не доходило до Лины. Незнакомец покорила ее целиком и полностью. Его брюки были короткими и обнажали лодыжки в белых кроссовках. Подошвы скрипели по мягкому полу, когда он уверенным шагом приближался к ней.

Резкий порыв ветра прокатился по залу. Стрелки часов в гимнастическом зале, которые только что показывали 15.08, дико закружились, словно лопасти винтов вертолета. Лина обескураженно потянула Хлою за рукав и указала на часы. Но та не ответила. Так же, как Элиф и Софи. Почему никто в зале не заинтересовался странным зрелищем? Неужели она была единственной, кто заметил, что время вышло из-под контроля? Вокруг них беспорядочно продолжали играть. Когда часы остановились, они показывали уже 15.01.

Свисток Гарри Кинга возвестил о начале игры. Черно-оранжевые против красно-белых. На кону стояло все. Как это возможно? Что с ней случилось?

– Проснитесь, вы, сонные мухи. Двигайтесь, – рявкнул тренер. – Защита вплотную, используйте шансы забить гол. Вправо, Лина, двигайся вправо. Вы хотите закончить без голов?

Взгляд Лины скользнул по табло. 0:0? Она ведь только что забила мяч в сетку и выиграла преимущество для своей команды. Почему на табло не высветился этот бросок? Никто, кроме нее, казалось, не находил в ситуации ничего странного. Никто не реагировал на юношу, идущего по игровому полю. Гарри Кинг стоял всего в нескольких метрах от него.

– Направо, Лина, – рявкал тренер. – Ты должна перейти на правую сторону.

– Налево, Лина! – снова кричала Бобби, точно так же, как раньше.

Все действия проигрывались перед ее глазами во второй раз. Те же диалоги, те же пасы, те же команды Кинга, те же возражения Бобби.

– Налево! – крикнула она.

Мир вокруг нее расплывался. Были только она и юноша. Казалось, он просит ее пойти с ним. Лина поняла его, ему даже не пришлось произносить вслух свое послание. Мяч летел прямо на нее. Хлоя рысью помчалась в ее сторону. Лина оттолкнула капитана команды в сторону, но вместо того, чтобы поймать мяч во второй раз и, как до этого, бросить его в сторону ворот, Лина направилась к юноше, словно ею управляли дистанционно.

Мяч сильно ударил ее по лицу. Лина полетела на землю и с глухим звуком опрокинулась на спину. Она стукнулась затылком о твердый бетонный пол, покрытый лишь тонким слоем ПВХ. Теперь она лежала неподвижно, устремив глаза к потолку. Коллективный вопль разнесся по залу, Бобби вскочила со скамьи, госпожа Альберс в ужасе прижала руки ко рту. Шок охватил ее товарищей по команде. Лина не замечала испуганных лиц вокруг себя. Ее мир состоял только из этого таинственного юноши, который протянул руку, чтобы помочь ей подняться. Он снял очки, его улыбка заполнила зал, и глаза – один синий, а другой зеленый – нахально блеснули. Никогда не испытываемое ранее чувство шевельнулось в Лине. Словно горячий чай в холодный снежный день. Похожее ощущение испытываешь, когда вставляешь единственный недостающий элемент пазла, находишь пропавший ключ от дома или захлопываешь за собой дверь школы в последний школьный день перед долгими каникулами в глубокой уверенности, что после долгого лета вернешься другим. Воздух вокруг был странным. Юноша казался знакомым и чужим одновременно. На запястье у него был хронометр, похожий на ее. Тот же загадочный циферблат, те же кнопки на ободке, тот же блестящий браслет из звеньев. И все же была разница. В отличие от ее часов, его хронометр посылал непонятные световые сигналы. Она почувствовала теплую волну на запястье, словно хронометры общались друг с другом. Лина больше ничему не удивлялась. Все казалось логичным, таким же уместным, как безупречно подходящие шестеренки. Лина протянула руку в момент, когда перед юношей возникло лицо Гарри.

Влажная губка шлепнулась ей на лицо. Ледяная вода залила ей глаза, нос, рот и уши. Лина хватала ртом воздух. В отчаянии она попыталась

подняться. Она почувствовала неутолимое желание последовать за юношей. Изо всех сил Лина вырвалась на свободу и встала. Незнакомец с платиновыми волосами и разными глазами растворился в воздухе. Время вернулось в свое привычное русло.

В душе осталось ощущение бесконечной пустоты.

Спокойной ночи, Лина

Лина измученно опустилась на подушку. Гарри настоял на том, чтобы самому отвезти ее домой. У Лины даже не было возможности поговорить с Бобби. Она чувствовала себя истощенной, растерянной, слабой, усталой – и все это одновременно.

– Нам не стоит рисковать, – сказал Гарри. – С травмой головы не шутят.

Лина предпочла бы остаться в спортивном зале. Там, где их команда праздновала скудную победу над красно-белыми. Там, где она встретила с таинственной юношей. Она разозлилась на себя. Почему она не среагировала быстрее? Почему не подошла к нему? Она могла спросить его имя. Оказавшись дома, она уже не была уверена, не вообразила ли она его и его сверхчеловеческие способности. Неужели этот парень был способен волшебным образом перестраивать время? Или воображение взяло над ней верх? Как там обычно говорила Соня? Неужели ее ослепили странная одежда, чудесные глаза и нестандартный цвет волос? Может быть, он был эксцентричным другом одного из игроков, братом, кем-то из клуба? И хронометр, издающий своеобразные сигналы с момента встречи с незнакомцем: возможно, после падения заржавевший механизм просто пришел в действие.

Завтра она спросит Хлою. Хлоя знала всех и каждого, может быть, и незнакомца юношу.

Лина достала телефон. Фотографии в социальных сетях показали ей все, что она все пропустила: последний гол, объятия команды-победителя, Хлою с кубком, Йонаса с радужными наушниками. С каждой фотографией, появлявшейся в ее ленте, Хлоя становилась все ближе к Йонасу. Фотографии словно были частью другой жизни, к которой она уже не принадлежала.

Снизу донесся залихватистый смех. Лину это удивило. Соня ворковала и хихикала. Немного громковато и слегка фальшиво. С любопытством Лина на ощупь направилась по коридору. С лестницы ей был отлично виден первый этаж. Тетя, весело пританцовывая с пустой бутылкой красного вина, направлялась в сторону кухни только для того, чтобы через несколько секунд вернуться в гостиную с новой. И не забыла поправить

волосы, макияж и декольте, смотрясь в зеркало в коридоре. Такой раскрепощенной Лина не видела тетю целую вечность. На цыпочках Лина спустилась по ступенькам вниз. Неужели Хьюго вернулся к семье? Через дверную щель она разглядела пару кроссовок с ярко-оранжевым узором пламени, теннисные носки, черные джинсы, а затем мужчину, занявшего место на диване. Гарри Кинг выглядел так, словно попал не в свой фильм. Натренированный мужчина не был похож на того, кто любит выпить крепкого красного вина или поудобнее устроиться на красных плюшевых диванах.

– Странно, что у нас никогда не появлялось возможности лучше узнать друг друга, – сказала Соня и закашлялась.

– Мне было важно, чтобы вы знали, – сказал Гарри. – Лина в последнее время выглядит такой подавленной.

Лина ахнула. Что Гарри Кинг знает о ее жизни?

Соня, видимо, тоже подумала об этом.

– Ей пятнадцать, – выпалила она подчиненному. Как будто возраст давал всему исчерпывающее объяснение.

– У нее такое часто бывает? – спросил Гарри. – Она выглядела так, словно увидела призрака.

Лина затаила дыхание. Она ждала, что Гарри упомянет о юноше. Но нет. Осознание того, что мужчина, от которого едва удавалось ускользнуть, упустил юношу, расстроило ее едва ли не больше, чем тот факт, что эти двое беседовали о ней.

Тетя пожала плечами.

– У нее богатое воображение.

– Знаете ли вы, что Лина часто бродит по складу? Она замучила наших клиентов своими вопросами. Она хочет знать все о своем прошлом.

Лина вздрогнула.

Тетя взволнованно замахала руками.

– Я не хочу знать, – отмахнулась она. – Мне достаточно тех проблем, которые у меня уже есть. Новые мне не нужны.

– Я на вашей стороне, – сказал Кинг. – Лина меня беспокоит.

Тетя погрузилась в мрачную тишину.

– Нехорошо держать в себе тревогу, – сказал Гарри.

– Лина в порядке, – сказала Соня устало. – Мы воспитали ребенка настолько хорошо, насколько это было возможно. У нее есть все, что ей нужно.

Гарри Кинг скользнул ближе к ней и схватил ее за руки.

– Что случилось, Соня? – спросил он.

Тетя боролась со слезами. Ей даже не пришло в голову, что он впервые обратился к ней по имени.

– Я беспокоюсь, что она станет такой же, как ее мать, – вдруг выпалила она.

– Разве это было бы так плохо? – заметил Гарри.

Соня кивнула.

– Рея обладала неземной красотой, но была ужасно нервной и встревоженной. Она видела призраков среди бела дня. Повсюду она чувствовала опасность и слезку. Мне даже не разрешали брать Лину на руки. Никому из семьи не разрешалось трогать ребенка. Рея выглядела так, словно за ней гнался дьявол.

Волосы на затылке Лины встали дыбом. Признания ее тети прозвучали как гром среди ясного неба. Она всегда чувствовала сдержанность Сони по отношению к Рее, несмотря на то что она никогда не говорила об этом.

– А ваш брат? – спросил Кинг.

– Я никогда не обсуждала это с ним, – призналась Соня. – Мы были не очень близки. У нас был один отец, но росли мы отдельно. С появлением Реи он окончательно ушел из нашей семьи. Они хотели быть только втроем.

– Они были юными влюбленными, – защищал Гарри молодую пару. – Так иногда бывает.

Соня только покачала головой.

– Дело не в этом. Было что-то еще. Над ней висело большое темное облако.

Она погрузилась в размышления.

Кинг попробовал еще раз.

– Я знаю, что это такое. Я рано потерял семью. Если хотите, я могу...

Соня даже не дала ему договорить.

– ...поговорить с Линой? Об этом не может быть и речи. Старые истории только расстраивают.

– Лине может помочь разговор с тем, кто непричастен к потере ее родителей, – сказал Кинг.

– Зачем? Ни одна беседа не изменит того, что произошло тогда. Я хочу, чтобы она росла как обычная девочка.

– А что, если Лина не такая, как обычные дети? – предпринял последнюю попытку Гарри.

Тетя вскочила и начала энергично протирать бокалы.

– Вам лучше сейчас уйти, – сказала она. – Я запрещаю вам обременять Лину такими вещами. Чем меньше мы будем беречь старые раны, тем

лучше для ребенка.

Следы на снегу

Лина поспешила по лестнице наверх. Все это было очень запутанно. Семья, отбросившая прошлое. Часы, показывающие одну и ту же дату. Несчастный случай, о котором все лгали. Юноша, обладавший магическими способностями.

Она проскользнула обратно в свою комнату, залезла под кровать и вытащила рюкзак. Коричневый толстый конверт буквально горел в ее руках. У нее не было выбора. Если она когда-либо хочет понять свою собственную историю, ей нужно найти в себе мужество смириться со смертью родителей. Резким движением Лина разорвала конверт. Сердце застучало в ушах, когда оттуда выпала настоящая газета с новостями о новогодней ночи. Дрожащими руками она перелистывала страницы, пока не наткнулась на знакомую статью. Лина глубоко вздохнула и заставила себя прочитать текст до того, как заговорили го- лоса.

Смерть в новогоднюю ночь

Молодая пара погибает в аварии
на старом таможенном мосту

Карл Расмус

Трагическая авария произошла в новогоднюю ночь на старом таможенном мосту. Около 19.30 вечера «Фольксваген Гольф», вмещавший трех человек, съехал с дороги и сорвался в пропасть глубиной в несколько метров. Несмотря на скорое прибытие пожарных и полиции, двух пострадавших не удалось спасти. Рея и Томас Ф. (супругам было по 24 года) от полученных травм скончались на месте. Каким-то чудом их трехлетняя дочь выжила, не получив опасных ранений. В настоящее время полиция ищет родственников. Причина аварии до сих пор не известна, сообщил пресс-секретарь департамента полиции. Слухи о втором автомобиле, замешанном в аварии, не подтвердились. Мост был закрыт для проведения расследования. К 23 часам образовалась пробка на тринадцать километров.

К газете Карл Расмус приложил стопку черно-белых фотографий с

места происшествия. Снимки зафиксировали полузасыпанные снегом следы автомобиля, обломки и разбросанные вокруг вещи. На мягком снежном покрывале лежали треснувший чемодан, одежда, коробка с посудой, книги и сломанная кукла со сломанными конечностями. Эти предметы она нашла в боксе 187. Волна грусти захлестнула Лину. Поток образов не прекратился, даже когда она закрыла глаза. Лина увидела своих родителей, спешащих загрузить вещи в темно-синий «Гольф». Увидела, как машина мчится по темной проселочной дороге. Свою мать, которая беспокойно оборачивалась. Увидела слепящие фары в зеркале заднего вида, услышала настойчивый гудок, почувствовала сильный удар. Осознание поразило ее, как удар молота. Картины происшествия в ее голове, звуки, воспоминания о запахах и холоде снега: это были не порождения богатого воображения. Ее родители не собирались на шумную новогоднюю вечеринку, они собирались бежать. И Лина была с ними.

Во второй статье от 22 июля 2007 года Карл Расмус сообщил о прекращении расследования и о том, что девочка проживает у своей тети.

– Несмотря на произошедшее, с маленькой Линой все в порядке, – прочитала она.

Это была откровенная ложь. Лина в потрясении сидела перед материалом. Образы в ее голове были обрывочными, похороненными в глубине подсознания, неясными. Она представляла себя одной из этих раздетых русских кукол. Как и в матрешке, в ней существовали разные облики Лины. Маленькая Лина, чьи очертания она помнила лишь отдельными фрагментами. Задумчиво взглянула она на портрет трех людей, висевший над своей кроватью.

– Я узнаю, что произошло тогда, – пообещала она. Она найдет тех, кто виноват в смерти ее родителей. Но для этого ей нужно было разгадать тайну, окружавшую ее мать. Разгадка, по ее мнению, крылась в таинственных часах.

Я не еду с вами

Где только носит Бобби? Уже минут двадцать Лина топталась на детской площадке холмистого сквера. Густые кусты, отделявшие городской парк от спортивной площадки, давали ей укрытие и прятали от посторонних глаз. Отсюда, сверху, Лина могла незаметно наблюдать за происходящим. На стоянке перед спортивным залом царила возбужденная суета. Повсюду сновали гандболисты. Сопровождающие были заняты тем, чтобы рассадить детей, разместить сумки, палатки, спальные мешки и спортивное снаряжение по ожидающим автобусам. Гандбольный клуб начал свою деятельность в традиционном лагере пятидесятников^[8].

Лина скучая наблюдала за суматохой. Еще недавно перспектива провести несколько дней с Йонасом поднимала рой бабочек в ее животе. С тех пор как она нашла хронометр, она смотрела на свою прежнюю жизнь как сквозь стекло, которое преграждало ей обратный путь к нормальной жизни. Ночью она вместе с Бобби разработала план.

Какой-то звук прервал ее мысли. Лина обернулась. Позади нее что-то зашуршало в кустах. Ветки хрустнули, тяжелое хриплое дыхание заставило листья дрожать. Карие влажные глаза, настолько большие и круглые, что не было видно белка, пристально уставились на нее. Прежде чем Лина поняла, что происходит, из зарослей с лаем выскочил тучный мопс. Он оскалился, негодуя, что кто-то осмелился преградить путь к его любимому дереву. Его хозяйка, такая же недовольная, как и ее собака, неподалеку вела группу полных мужчин на занятия фитнесом. Айхберг был излюбленным местом отдыха, как летом, так и зимой. Надпись на ее футболке «Проваливайте! Я – мамочка мопса» не сулила ничего хорошего. Ни мужчинам, ни Лине. Только не привлекать к себе внимания! Лина попыталась улыбнуться злобной собаке. Кусочек бутерброда с колбасой, который ей бросила Лина, сотворил чудо: возмущение мопса сменилось удивлением, признательностью и голодом. Ведь там, где дали кусочек бутерброда с колбасой, можно было получить и другие деликатесы. Достаточно было только вилять хвостиком и лаять.

Лина вздохнула с облегчением, когда красный «Вольво» матери Бобби

на полном ходу свернул на стоянку. На ее мобильный пришло сообщение. **«Быстро прощаюсь с мамой»**, – написала Бобби. Лина сразу ответила: **«Жду наверху, у детской площадки»**.

Напряженно наблюдала она, как ее подруга вылезает из машины. Вопреки всем надеждам девушек, Генриетта Альберс не собиралась отпускать Бобби в лагерь пятидесятников без основательного прощания. Энергично она направилась к автобусу с огромным чемоданом дочери.

– Я упаковала тебе теплую пижаму, – сказала она, пока Бобби шагала рядом с ней, не в силах дожидаться, когда, наконец, заговорит с Линой. – На озере по вечерам ощутимо холодно, особенно в палатке. И не забудь нанести крем. Я читала в интернете, что над спортивными полями весь день будет палить солнце.

Благодаря активной поддержке матери Бобби была приспособлена к многолетнему пребыванию в самых разных климатических зонах. Помимо спального мешка, туристического коврика и палатки она таскала одежду на случаи любых погодных катаклизмов. Бобби не нужно было бояться ни арктических холодов, ни проливных дождей, ни тропических жарких волн.

Госпожа Альберс не унималась.

– Ты должна сказать, что в автобусе тебе станет плохо, тогда тебя посадят в первый ряд, – посоветовала она.

Бобби закатила глаза к небу. Ее мать не понимала, что распределение мест в автобусах подчинялось таким же правилам, как и разделение в классе. В первом ряду сидели исключительно ботаники, незрячие и любимчики учителя, с которыми никто не хотел иметь ничего общего. Сзади в автобусе сидели крутые ребята с колонками, множеством друзей и тайным запасом запрещенных энергетиков.

– Мне никогда не было плохо в автобусе, – возразила Бобби.

– Ты никогда не ездила в автобусе в течение такого долгого времени, – вмешалась ее мать. – Меня все время тошнит. Это генетическое.

– Мам, – возмущенно застонала Бобби. – Я разберусь.

С большим трудом Бобби удалось помешать Генриетте Альберс отправиться в лагерь пятидесятников в качестве добровольного сопровождающего.

– Ты видела список обязательных вещей? – возразила Бобби. – В нем ничего не сказано о том, что необходимо брать с собой маму или папу.

Со своего возвышения Лина нетерпеливо наблюдала за тем, как госпожа Альберс пристально смотрела на дочь. Почему это продолжается так долго? Мопс, недовольный отсутствием внимания Лины, занялся своим

самообслуживанием и погрузил свое толстое тело в ее рюкзак. Лина хотела как можно быстрее вытащить его, но было поздно. Любую попытку спасти хотя бы часть ее припасов в дорогу пес пресекал яростным лаем. Если Бобби не поторопит мать, у Лины не останется провианта для поездки.

– Если захочешь связаться с нами... – начала госпожа Альберс и вытащила телефонный список с 15 номерами из своей сумочки.

– В палаточном лагере сотовые телефоны запрещены, – поспешно выпалила Бобби. – Электронные устройства мешают лагерной жизни.

Это была откровенная ложь, но, по мнению Бобби, она приравнивалась к преступлению со смягчающими обстоятельствами в качестве самообороны. Когда она была с классом в лыжном лагере, Генриетта Альберс использовала любой мыслимый предлог, чтобы позвонить руководству лагеря и убедиться, что отсутствие новостей – хорошая новость. Лыжные инструкторы относились к Бобби очень трепетно. После двух ночей и сорока шести контрольных звонков она сдалась и поехала домой. Ее мать еще не была готова так надолго остаться одна.

Смущенно Бобби огляделась вокруг. Другие родители быстро прощались со своими детьми. Если вообще находили дорогу к автобусу. Хлоя мчалась на такси с элегантным спортивным чемоданчиком, а Йонас, как обычно, на своем шоссейном велосипеде. На его шее болтались радужные наушники Хлои. Небольшой тканевый рюкзак был небрежно перекинут через его плечо, который, наверняка, был бы легко застигнут врасплох непогодой.

– И не звони, – сказала Бобби. – Ни при каких обстоятельствах.

Как другие воспитывают своих родителей? Как им удается сделать так, чтобы они не вмешивались в жизнь своего ребенка? Существовали сотни сайтов, объясняющих, как обращаться с детьми, страдающими от тоски по дому, но ни один не сообщал о том, как справиться с тоскующими родителями.

Уголок рта Генриетты Альберс предательски дернулся. Она вела себя так, словно они прощались навсегда. При этом они пробудут там всего пять дней и четыре ночи. Бобби сейчас нужно было что угодно, но только не мать, плачущая на глазах у всего гандбольного клуба.

– Тебе пора идти, – решительно сказала она.

Нетерпеливо переступала Лина с ноги на ногу, пока подруге, наконец, не удалось вырваться из цепких, как у осьминога, объятий матери. Торопливо пробежала она мимо Хлои, которая по-прежнему торопливо

вела прямую трансляцию для своих подписчиков.

– О боже, это была такая жесть, – произнесла она. – Я должна вам все быстренько рассказать. Вчера отец пообещал подвезти меня. Поэтому я поставила будильник на 6.20. Капец, говорю вам. Просто капец. И затем просыпаюсь я в 8.12. Отец забыл обо мне. Поэтому я вызвала такси. Сказали подождать двадцать минут. Они что, издеваются? А потом приезжает водитель, который совершенно не знает город...

Голос Хлои заглушил дикий лай. Бобби добралась до укрытия Лины, где ее встретил взбешенный мопс. Толстая собака разозлилась на предполагаемого конкурента и ревниво вцепилась в икру Бобби. Бобби заставила его прекратить лаять энергичным движением руки. Мопс испуганно отскочил, убежденный, что Бобби была экспертом по вскрытию тушек домашних питомцев. Щеки Лины пылали от волнения.

– Ну? Она поверила, что нам нельзя пользоваться мобильными телефонами? – спросила она.

Бобби кивнула:

– Она постарается.

Первый автобус просигналил, гандболисты залезали внутрь. Пора. Торопливо девушки обменялись телефонами.

– Достаточно будет, если ты напишешь Соне сегодня вечером в WhatsApp, что мы хорошо доехали. И время от времени публикуй истории в Instagram. И ставь лайки моим сестрам. Иначе они начнут что-то подозревать.

Бобби серьезно кивнула. В своем ночном разговоре по телефону они договорились, что не стоит рисковать. Благодаря регулярным новостям из гандбольного лагеря Бобби убедилась, что у тети Лины не возникнет вопросов. Остальное уладит фальшивое письмо, которое она тайно написала в клуб. В нем говорилось, что Лина все еще страдает от головной боли и из-за подозрения на сотрясение мозга должна лежать в постели. С помощью Бобби Лина упомянула в тексте полдюжины медицинских терминов и непонятных сокращений, пока не убедилась, что письмо звучит достаточно профессионально.

Гудок клаксона разнесся над площадью. Тренеры затолкали последних игроков в автобусы.

Они снова обняли друг друга. Их сердца сжались: что будет дальше? Бобби вытащила что-то из рюкзака.

– Он позаботится о тебе, – сказала она и, отдав подруге плюшевую собаку, побежала вниз по склону холма.

Лина рассеянно сунула Отто в сумку. Жуткая мягкая игрушка гарантированно прогонит любого призрака.

Бобби протиснулась мимо Хлои в автобус. С облегчением она обнаружила, что посередине освободилось место. Сзади в автобусе команда Хлои ждала свою предводительницу. Гремела музыка, раздавался громкий смех. Даже без энергетических напитков они были полны сил.

Бобби напрягало ожидание того, что пять дней она будет предоставлена сама себе. Без Лины. Еще хуже была только мысль о том, чтобы остаться дома. Она снова повернулась в сторону детской площадки. Последнее, что она увидела, был толстый мопс, в панике бегущий по стоянке. Слово он увидел привидение.

Поезд в никуда

– Куда? – рявкнула дама за стеклом. Ее грудь закрывала половину окна, голос занимал всю комнату.

– «Совиная нора», – повторила Лина.

В ходе своего расследования она даже не выяснила, скрывалась ли за термином «Совиная нора» какая-то область или конкретное место. Она положилась на то, что диспетчер вокзала сможет лучше ей помочь, чем онлайн-расписание, которое только призывало: «Пожалуйста, свяжитесь с вашим туристическим центром ДБ»^[9].

Дама склонилась над компьютером. Ее накладные ногти привычно щелкали по клавиатуре. Сразу же по прибытии Лина запихнула в шкафчик свое снаряжение для гандбола, спортивные вещи, спальный мешок и дорожную сумку. Максимальный срок аренды – 72 часа, этого хватит, чтобы сто раз посетить магазин часов в «Совиной норе» и узнать, как работает странный хронометр. Если бы эта дама чудом наколдовала подходящий билет...

– Такого нет, – сказала она, равнодушно глядя на Лину. – «Совиная нора»? А где это вообще?

Лина вытащила гарантийный талон. Под пунктом «*Прибытие поездом*» стояло «*Пересадка на станции Аугустен...*» – остальное было неразборчивым.

– Аугустенберг. Станция Аугустенберг, – предложила она.

Лина почувствовала, как ее отчаяние растет. Если у них не было доступа к секретным автобусным маршрутам и отдаленным станциям в официальной кассе, то где еще? Взгляд диспетчера смутил ее. Опыт Лины в поездках ограничивался экскурсионным днем со школьной группой, поездкой за город с Бобби и ее родителями и шестидесятилетием Сониного дяди Вольфганга, который провел свой юбилей, браня по очереди каждого члена семьи, прежде чем в два часа дня пьяным опрокинуться со стула.

Не нужно было быть экспертом по поездкам, чтобы понять, что раздраженное клацанье по клавиатуре компьютера не сулило ничего хорошего.

В то время как в голове Лины творился полный кавардак, очередь нетерпеливых путешественников за ней неуклонно росла. Первый день каникул привлекал туристов, велосипедные группы и больше всего – нервные семьи. Городские автобусы, личные автомобили и такси высаживали все новых и новых туристов, желающих отдохнуть в Пятидесятницу. Повсюду резвились дети. Из динамиков звучала информация о неисправности сигнала, повлекшая за собой отмену поездов, задержки и смену платформ. Все большее число путешественников устремлялись к билетным кассам, чтобы найти людей, которые бы располагали информацией об альтернативных вариантах путешествий, уняли бы их разочарования или хотя бы выдали формуляры для возмещения расходов.

– Аугустенхоф, – попробовала Лина во второй раз. – Или Аугустенбург. Что-то с Аугустен... в «Совиной норе».

Диспетчер вокзала и не думала о том, чтобы выполнить следующую просьбу Лины. Лина смущенно дернула за пиджак, который позаимствовала в гардеробе тети. Таким образом она должна была выглядеть как минимум на восемнадцать. Или хотя бы на семнадцать. Во всяком случае, достаточно взрослой, чтобы путешествовать в одиночку.

– Что это? Викторина? – спросила женщина за стеклом.

В последние летние каникулы Хлоя одна летала на Бали, где ее мать посещала занятия по йоге. Лина хорошо помнила влог Хлои, в котором стюардесса везла ее на электрокаре к трапу самолета. На шее у нее был голубой прозрачный бейдж, который служил удостоверением ребенка, путешествующего без сопровождения. Хлоя облетела полмира, пересекая часовые пояса, в то время как самой Лине грозил провал уже у билетной кассы. Позади нее кто-то демонстративно застонал. Никто не хотел подождать ради девушки, которая впервые отправилась в путешествие в одиночку. Даже диспетчер.

– Если ты не знаешь, куда поехать, зачем тебе вообще это нужно? – недоверчиво спросила дама.

Она сорвала с носа очки для чтения и придвинулась ближе к стеклу, чтобы внимательнее рассмотреть свою невежественную клиентку.

– И сколько тебе вообще лет? – спросила она. – Твои родители знают, что ты здесь?

– Это сюрприз на Пятидесятницу, – пробормотала Лина, следуя примеру Хлои. – Для моей мамы. Она учится там на курсах.

Йогу она решила не упоминать. Мысль о том, что Соня, традиционно начинавшая свой день с черного кофе, сигареты и сердитого звонка Хьюго,

занимается на коврике, показалась ей слишком абсурдной.

Взгляд диспетчера скользнул над головой Лины. Молниеносно Лина просчитала свои шансы на побег. Если все пойдет не так, она все равно сможет убежать. Дама за кассой была настолько объемной, что вращающийся стул, вероятно, задержал бы ее зад, если бы она последовала за ней. Лина обернулась и обратила внимание на двух полицейских-федералов, патрулирующих территорию с овчаркой. Зверь бушевал на поводке и лаял, скаля зубы на стеклянный фасад, в котором отражалась неоновая вывеска. Там двигалась какая-то тень? Тень, которая была копией беловолосого юноши?

За ней в очереди нарастало беспокойство. Пожилая дама склонилась над плечом Лины.

– Аугустенквелле, – выкрикнула она. – Это станция Аугустенквелле. Чудесное место для прогулок.

– Туда и обратно, – с облегчением кивнула Лина.

Через пять минут она отправила Бобби фотографию только что приобретенного билета. *Все хорошо*, написала она. Поезд RE 477 отъезжал в 10.45 с пути 4b. У нее оставалось восемнадцать минут. *Даже нашла кого-то, кто знает этот район*, добавила она. Лина протиснулась в зал ожидания, чтобы перехватить местную старушку, как только она приобретет билет. Внезапно она вздрогнула: в очереди стоял знакомый арендатор 185-го бокса. Парикмахер со страстью к китчу была с головы до ног в одежде кричащей леопардовой расцветки и тащила за собой дочь на розовом чемоданчике. В десяти метрах позади нее с коляской, чемоданами и мягкими игрушками прохаживался ее муж. Они стояли в очереди недалеко от Лины.

Лина опустила голову, прикрыла волосами лицо и попыталась стать как можно незаметнее. Она боялась, что в любую минуту раздастся голос:

– Лина, что ты здесь ищешь? Соня сказала, что ты едешь в гандбольный лагерь. – Но женщина-леопард не сводила глаз с окрестностей. Дочь целиком завладела ее вниманием.

– Эмпомпи, колони, колонастик, эмпомпи, – звучал высокий детский голосок среди бормочущих путешественников. – Колони! Ака-де-мия. Сафари. Академия. Пуф-пуф!^[10]

Малышка хотела расхохотаться, потому что у матери не было ни ловкости движений, ни чувства ритма. Близость между ними тронула Лину. Как выглядела бы ее жизнь, если бы не авария? Какой матерью была Рея? Образ надменной, почти истеричной Реи, который Соня описала в

разговоре с Гарри Кингом, не имел никакого сходства с женщиной с семейного портрета, беззаботно прыгающей на диване. Лина неотрывно смотрела на веселый дуэт матери и дочери, когда девочка повернула голову и заметила ее. Лина достаточно часто встречалась с ними в «Сити-боксе». На мгновение время, казалось, остановилось. Лина испуганно сделала вдох. Она каждую секунду ожидала, что указательный палец маленькой девочки метнется в ее сторону и раздастся высокий детский голос: «Смотри, мам, вон там Лина со склада».

Девчонка вызывающе уставилась на нее, откинула свои белокурые локоны назад и показала Лине язык. От негодования Лина сделала то же самое. Малышка не заметила. Она хлопала мать по животу:

– Эмпомпи, колони, колонастик, эмпомпи. Колони!

Лина вздрогнула. Еще четыре минуты. Она торопливо обернулась. Несколько секунд невнимательности было достаточно: старушки не было у билетной кассы. Словно сквозь землю провалилась.

Первый и последний

– Йонас, иди сюда, – уговаривала его Хлоя.

Автобус скользил по шоссе. На столь желанных задних местах кучкой сидели Хлоя, Элиф, Софи и часть второй команды. Они кричали, смеялись, щекотали друг друга, ели и резвились. И все это в том объеме, который всем до единого дал понять, насколько невероятно крутыми, радостными, веселыми и популярными были Хлоя и остальная часть ее банды. Те, кто не смог стать частью этого круга, беспрестанно поворачивались назад, чтобы ничего не пропустить. Бобби подозревала, что ее мать быстро изменит свое мнение о командном спорте, когда узнает, как мало командного духа сохраняется за пределами поля.

– Иди к нам, Йонас, – во второй раз крикнула Хлоя через автобус. – Нам нужен кто-то с классным плейлистом.

– Мне и так нормально, – отмахнулся он.

Бобби восхищалась непринужденностью, с которой он отклонил предложение, которого тщетно ждала половина гандболистов. Йонаса не волновало, что думают о нем другие. Он занял двойное сиденье в безлюдной центральной части, чтобы вздремнуть. Его длинные ноги, как обычно, торчали в центральном проходе. Выше щиколотки у него была крошечная синяя татуировка, изображавшая волну. Бобби вытащила свою записную книжку, в которой вела беспрестанный список из десяти вещей, которые она хотела сделать и пережить до своего шестнадцатилетия.

1. Продать детскую кровать.

2. Спасти собаку (в крайнем случае, кошку).

3. В один день понаблюдать за восходом и закатом.

4. Написать роман.

5. Искупаться при полной луне.

6. Покрасить волосы в фиолетовый.

7. Найти трех человек, которых также зовут Роберта Альберс.

Навестить самого приятного.

8. Молчать целую неделю.

9. Потратить 50 евро на сладости.

10. Провести одну ночь в магазине «ИКЕА».

Бобби зачеркнула старую запись под цифрой 9. Из возраста, в котором желательна передозировка сладостями, казалось, она явно выросла. Ночь в мебельном магазине тоже утратила былую привлекательность. Перспектива вступить в перепалку с таким охранником, как Гарри Кинг, пугала ее. Вместо этого она дополнила список двумя новыми пунктами:

9. Сделать татуировку (атома?).

10. Сесть на заднее место в автобусе.

Бобби все еще размышляла над тем, реально ли выполнить пункт с романом, когда зазвонил телефон Лины. Ей потребовалось некоторое время, чтобы понять, что звонок адресован ей.

– Возьми трубку, – негромко крикнул Йонас. В очередной раз он вынырнул из сна.

Собственный номер Бобби высветился на дисплее. Пока Хлоя отвлекала на себя все внимание, она могла спокойно общаться с Линой по видеосвязи.

– Ну? Как у вас дела? – спросила Лина.

Ее голос потонул в фоновом шуме переполненного вокзала. Совершенно очевидно, она как раз бежала по направлению к поезду.

Вместо ответа Бобби сунула телефон в центральный проход, чтобы Лина могла вживую увидеть, что пропускала. С последнего ряда звучала громкая музыка. Несмотря на все предупреждения водителя автобуса, Хлоя танцевала, чтобы доказать каждому гандболисту, что ей не приходится завидовать Бейонсе. Хлоя выкладывалась на полную катушку, когда автобус резко повернул вправо. Пролетев по салону по высокой дуге, Хлоя театрально и не без умысла плюхнулась на колени Йонаса, не забыв при этом громко взвизгнуть. Йонас встал и сел на первый ряд.

– Все как всегда, – сухо прокомментировала Бобби.

Лицо Лины на дисплее скривилось.

– Мой поезд скоро приедет, – храбро сказала она. – Сообщу, когда доберусь до «Совиной норы».

– А я отправлю фотографии твоей семье, – пообещала Бобби.

Ее сердце сжалось, когда она повесила трубку. Как ей выжить в лагере без Лины? Бобби с тревогой смотрела в окно. Автобус как раз свернул с шоссе и помчался по пустынной и неровной проселочной дороге. Водитель, видимо, спешил как можно скорее избавиться от шумной

группы. Не сбрасывая скорости, он проезжал каждую выбоину, подкидывая группу в последнем ряду. Как гром за молнией, за каждым поворотом следовал коллективный вопль Хлои и ее команды. Автобус пробирался мимо ветвей елей, которые справа и слева окаймляли узкую дорогу. После двух километров тряски по лесу и многочисленных протестующих криков Хлои и ее друзей перед ними открылся вид на территорию лагеря «Зеленое озеро». С облегченным фырканьем автобус остановился. Бобби вздохнула. Это были еще цветочки. Приключение только начиналось.

Поезд-призрак

– Часовой магазин в «Совиной норе»? – спросил кондуктор. Озадаченно он повертел и развернул в руках гарантийный талон с отрывочной картой. – Может быть, это одна из отдельно стоящих усадеб? Вполне возможно, что там живет какой-нибудь чахлый часовщик, – предположил он. – На станции тебе наверняка помогут.

Лина опустила на свое место. Несмотря на неопределенность, хор голосов молчал. Туман в ее голове рассеялся. Будущее ясно стояло у нее перед глазами. У нее была цель, билет и миссия. Она узнает, что случилось с ее родителями. Первым шагом на этом пути было понять, что такого в этих таинственных часах, которые оставила ей мать. Лина удовлетворенно откинулась на спинку кресла. Перспектива в скором времени получить ответ на все насущные вопросы впервые за несколько дней подарила ей чувство радости и уверенности.

Дорожный багаж Лины ограничивался смартфоном Бобби, яблоком, тремя бутербродами с колбасой, один из которых частично достался мопсу, и толстым конвертом, который Бобби принесла из газетного архива. Единственной вещью, которую она носила с собой, помимо собаки Отто, была фотография ее родителей, которую она осторожно вынула из рамки. В рюкзаке бренчали монеты, которые она заработала в «Сити-боксе», на запястье висел хронометр. В сотый раз Лина изучила простенькую карту, чтобы прикинуть расстояние от станции Аугустенквелле до «Совиной норы». Полночи она размышляла о том, что все могло пойти не так по дороге на вокзал. Когда она оказалась в поезде, страх, что ее экспедиция может провалиться еще до начала, улетучился. Она удовлетворенно откинулась на спинку кресла. Именно так, должно быть, чувствовал себя Христофор Колумб, когда отправился искать западный морской путь в Индию. У путешественника была четкая цель, маршрут туда был смелым. В то время как Колумб был одержим идеей придать целостность неполным картам своего времени, Лина мечтала заполнить белые пятна в своей биографии картинками и историями. Будучи первопроходцем, Колумб, должно быть, еще боялся, что Земля – это диск и, если что-то пойдет не так, можно свалиться с края света. Лина была окружена попутчиками,

ехавшими по тому же маршруту и не знавшими таких забот. Тремя рядами позади нее веселилась группа бодрых пенсионеров в яркой спортивной экипировке. В веселой группе отдыхающих было так же, как в автобусе гандболистов. Все время говорила блондинка, которая выглядела так, будто ей было восемьдесят лет (и сорок из них она провела у парикмахера).

– Вернер, – пропела она пронзительным голосом, – возьми-ка на коленки свою зайку. Мне так холодно.

К сожалению, ни Вернер, ни его зайка никогда ничего не слышали о «Совиной норе». Безграничный оптимизм Лины не пропал. Она вставила наушники. Разговоры ее попутчиков растворились в музыке. Монотонная болтовня долетала до ее уха, но не тревожила. С каждым километром Лине становилось все труднее держать глаза открытыми. Свинцовая усталость охватила ее тело.

– Поездка занимает два часа, – объявил кондуктор. К остановке Августенквелле она уже должна была проснуться. Обрывки слов долетали до ее уха. А затем – ничего.

Пронзительный предупреждающий сигнал заставил ее вздрогнуть. Встречный поезд прогрохотал мимо, заставив задрожать окна. Должно быть, она крепко заснула, потому что группа пенсионеров уже вышла. Мимо окна проплывала серая мешанина полей, лугов и лесов. В поезде было жутковато тихо. Еще несколько минут назад ее попутчики действовали ей на нервы, теперь Лина мучительно скучала по своим шумным спутникам. Неужели она пропустила свою остановку? Даже карты Google не помогали. Она лишилась любой возможности спросить кого-нибудь. Сколько времени прошло с тех пор, как она в последний раз разговаривала с Бобби?

Позади нее с шипением открылась дверь. Она обернулась. Мгновенное облегчение Лины уступило место панике, когда она заметила, что в поезде погас свет. Сзади поезд казался темной пещерой.

– Эй? Есть кто-нибудь? – крикнула она в сторону мрачного коридора.

Там кто-то стоит? В темноте? Фигура? Тень, протиснувшаяся между сиденьями? Или все это просто игра воображения?

– Вы знаете, когда мы приедем в Августенквелле? – решительно воскликнула она. Тишина. Чем больше ускорялся поезд, тем громче и настойчивее звучал грохот колес. Автоматическая дверь снова закрылась. Лина всей душой хотела, чтобы появился кондуктор для проверки ее билета. Или продавец напитков. При посадке она заметила, что в центре поезда находится вагонное бистро. Через несколько минут она уже не могла сидеть на месте. Она встала, собрала рюкзак, но вынуждена была

остановиться. Поезд тем временем ехал так быстро, что Лина изо всех сил старалась удержаться на покачивающемся под ногами полу. Как пьяная, шла она на ощупь по большому вагону. Красные светодиодные индикаторы указывали на полный ход поезда. Куда делись путешественники? Дойдя до середины, она обнаружила, что быстро опустело. Кофеварка зашипела, кружка на барном столике казалась теплой. На столах лежали газеты, наполовину съеденные бутерброды и начатый кроссворд. Что-то не так было с этим поездом.

Машинист был ее последней надеждой. Лина продолжала пробираться к переднему вагону. Под кабиной машиниста лежала узкая полоска света. За дверью суетливый женский голос обменивался информацией с диспетчером. Отдельные слова расплывались в шуме и грохоте. Она различила слова «аварийная ситуация», «неисправность» и «замена рельсов». Лина постучала. Сначала немного робко, затем громче. Голос машиниста затих.

Убирайся! Просто убирайся отсюда. Лина помчалась к выходу и дернула за запертую дверь. Прижавшись к ней плечом, она открыла ее и рухнула на платформу. Она потеряла колесо, чтобы приглушить боль. С другого конца платформы вышел кондуктор, он был в гневе. Мужчина подошел к ней.

– Что вы все еще делаете в поезде? – вскрикнул он. – У нас техническая поломка. Все остальные пересели в автобусы на последней станции.

Кондуктор покачал головой от ее неразумного поведения.

– Теперь вам самой придется выкарабкиваться, – сказал он. – Больше на трассе сегодня не будет транспорта.

Видимо, Лина спала гораздо крепче, чем думала. Еще до того, как она успела задать дополнительные вопросы, он снова исчез. Поезд тронулся с гулким свистом.

С трудом Лина поднялась на ноги. В какой пустоши она оказалась? Железнодорожные рельсы заросли сорняками, одержавшими победу в борьбе за платформу. Повсюду сквозь слой асфальта пробивались растения. Крошечное здание вокзала было унылым и пустынным. Даже от вокзальных часов остался один каркас. Ветер задавал темп, периодически хлопая входной дверью. Штукатурка с грязно-красного фасада осыпалась, видимо, в течение нескольких десятилетий. Подойдя ближе, Лина увидела полустертые бело-серые буквы, которые, несмотря на фрагментарность, давали представление о станции: Ауг-стенк – лле. Лина сжала кулаки в победном жесте. Какая удача! Не хочется думать о том, что было бы, если бы она вышла вместе со всеми остальными. Она вздохнула с облегчением.

С радостью вошла она в здание вокзала. Билетные кассы и киоски были заколочены досками. На деревянных панелях подростки увековечивали свои ругательства и признания в любви. Рядом с ними висели выцветшие плакаты, приглашающие на блошинный рынок и рождественский концерт в ближайшую деревню и объявляющие о реконструкции вокзала в 1999 году. Ультрасовременные мигающие автоматы, стоявшие, словно пришельцы, у выхода из старого здания, заменяли людей. У одного можно было купить билеты на поезд, у другого – купить напитки. Сбоку лежала брошюра. Присмотревшись, Лина обнаружила, что буклетные стойки для карт, которые туристы и велосипедисты должны были использовать для обследования обширной местности, были пусты.

Когда она вышла на улицу, ее ждал еще один сюрприз. Станция не была связана ни с другими транспортными средствами, ни с приличной дорогой. Тропинки вели во все стороны. Напротив вокзала располагался открытый сарай, в котором армия блестящих арендуемых велосипедов ждала несуществующих посетителей. Указатель объяснял, куда вела велосипедная дорожка: «*Совиная нора*», 3 километра».

Кемпинг для новичков

Гонка началась. Водитель автобуса едва успел открыть двери, как товарищи Лины по команде ринулись к лагерю. Пока Бобби собирала свои вещи, Хлоя и ее подруги помчались в сторону кемпинга, чтобы занять себе лучшие места. Авангард гандбольного клуба был отправлен еще накануне, чтобы поставить шатер для обедов и складную мебель, привезти продукты, организовать игры и устроить место для костра. Повсюду шли строительные работы. Пахло гороховым супом, дымом и затхлой водой лесного озера.

Бобби со смешанными чувствами огляделась. Кемпинг «Зеленое озеро» состоял из длинного кирпичного малоэтажного здания с санузлами и кухней, комнаты отдыха в непогоду, медпункта и двух спальных комнат для сопровождающих. Все остальное была чистая природа. Среди зеленых и коричневых тонов единственными цветными пятнами были палатки, которые пестрели, как разноцветные грибы на лугу.

Лучшие места уже были заняты, когда Бобби притащила свой огромный, слишком тяжелый чемодан на холмистый луг. Хлоя и ее подруги заняли популярное место на равнине на максимальном расстоянии от спальных комнат взрослых. Даже места возле уличных душевых были заняты. Здесь расположились в основном младшие юношеские команды. Когда еще можно насладиться бесплатным видом на девушек в бикини? Для Бобби осталось место на опушке леса, особенно популярное среди муравьев. В нескольких метрах от нее Йонас выудил из своего холщового мешка ярко-зеленый гамак и самодельный коврик, который он несколькими умелыми движениями руки прикрепил к двум большим кленам. Через несколько минут у него было место в ложе с видом на озеро. Его спальное место качалось в опасной близости от мшистой земли над склоном, круто спускавшимся к озеру. Вода тускло светилась, словно ей было что скрывать. Мысленно Бобби вычеркнула ночное плавание из своего списка дел. Затхлый пруд своей грязно-коричневой водой отбивал желание погружаться в него. Тем более ночью. «Зеленое озеро» не соответствовало своему живописному названию.

Бобби с нетерпением ждала приключений в кемпинге с Линой. Теперь

ей приходилось справляться одной. С любопытством она распаковывала составляющие своей палатки. В семье Альберс все поселялись в удобных гостиницах, уютных пансионах или у родственников. Поэтому палатка, коврик и спальный мешок были совершенно в новинку. На поддержку своих товарищей по команде Бобби не рассчитывала. Она была на пути к выполнению восьмого пункта из своего списка: молчать неделю. С момента отъезда никто не обменялся с нею ни словечком. Единственными, кто проявлял к ней интерес, были комары. Даже средства из лаборатории компании Веннингера, чудо-оружие ее матери, казалось, не могли помешать надоедливому кровососам оставлять зудящие укусы по всему ее телу. Благодаря мини-вампирам завтра во время пробежки она будет похожа на пирожное с посыпкой.

Новый пластиковый брезент больше походил на мешок для мусора, чем на двухместную палатку, и источал запах рыбы. Наверное, можно самому стать рыбой, если задержаться в ней подольше. Но это могло быть неплохо. Бобби сомневалась, что комары любят рольмопсы^[11].

Пока все остальные принимались за установку палаток, Бобби сортировала предметы по размеру и типу и аккуратно раскладывала на земле перед собой брезент, колышки, соединители и растяжки. Сосед семьи Альберс регулярно проверял в ближайшем саду пригодность семейной палатки, прежде чем отправиться в поход на Коста-Браву^[12]. Особенно умным мужчина не выглядел. То, с чем он долго возился, она успевала сделать гораздо быстрее.

В изумлении Бобби посмотрела на Хлою, которая умело расстегнула пару пряжек и с размаху подбросила тент в воздух. Как по волшебству, ее палатка встала сама собой. Пока Бобби разбирала вещи, Хлоя, Элиф и Софи втроем осматривали новое жилище. Веселый смех и хихиканье раздались из-под тканевого купола. Телефон издал какой-то звук. Элиф написала ей: **«Тааак жаль, что тебя нет. У нас еще есть место для тебя в палатке»**. Бобби потребовалась секунда, чтобы понять, что дружеское приглашение предназначается не ей. В конце концов, она держала в руках телефон Лины. С любопытством Бобби просматривала сообщения, приходившие на мобильник Лины. Не только Элиф и Хлоя посылали пожелания выздоровления: половина гандбольной команды переживала из-за ее сотрясения мозга. Даже Йонас оставил Лине сообщение. **«Как жаль!!!!»** – было написано там с четырьмя восклицательными знаками. На прикрепленной фотографии он сидел один на двухместном сиденье в автобусе. Рядом с ним плакал грустный смайлик.

Как реагировать на такой текст? Ответить? Но что? Лина и Бобби, обмениваясь телефонами, не учли, что иногда могут приходиться сообщения, ответить на которые было необходимо. Она не могла заставить Йонаса пять дней ждать ответа.

Быстро пролистав фотографии Лины, она нашла одну подходящую для социальных сетей фотографию, на которой Лина могла сойти за человека с сотрясением мозга, добавила к ней пару смайликов и нажала «отправить». Она боялась, что не сможет подражать слогу Лины, если будет что-то писать. Бобби могла вживую проследить за тем, как Йонас, практиковавший возле нее трюки с мячом, вытащил из кармана телефон, посмотрел на фотографию, рассмеялся и тут же начал печатать. *«Счастливого Рождества»*, – написал он в ответ. С ужасом Бобби обнаружила, что в суматохе упустила из виду кусочек адвент-календаря^[13], который был виден на заднем плане. Лгать было поздно. В отчаянии она отправила еще семь сообщений, чтобы скрыть свою оплошность.

Лжет из-за пустой траты времени между нами.

Любит из-за пустой траты времени.

Лежит.

Лежит из-за траты време.

Разницы во времени.

Дело в разнице во времени.

Не мгоу печтать. Голва гудит. Голова.

Бобби довольно улыбнулась. Она поняла, что ей хорошо удалось изобразить помехи со зрением из-за сильной головной боли. Йонас отреагировал мгновенно. *«Рядом с тобой кто-нибудь есть?»* – озабоченно спросил он. *«Моя тетя задалбливает меня»*, – написала Бобби. Ответ пришел незамедлительно. *«Кто это говорит? Ты или сотрясение мозга?»* Бобби послала восемь смеющихся смайликов. *«Заботится, я имею в виду»*. Некоторое время на дисплее ничего не высвечивалось. Потом пришло новое сообщение от Йонаса. *«Жаль, что тебя нет рядом»*, – написал он. Бобби заколебалась. Ради всего святого. Что она должна на это ответить? Во флирте у нее не было никакого опыта.

Извини, мне уже порка.

Поар.

Пора, – торопливо набрала она.

Устала.

Йонас отправил сердечко и пристально уставился на свой дисплей, словно ожидал нового сообщения. Разочаровавшись, он сдался. Когда он поднял взгляд, то заметил Бобби. Ее сердце ушло в пятки. Йонас направился прямо к ней. Ложь не была ее сильной стороной. Всякий раз, когда она пробовала лгать, все шло наперекосяк.

– Тебе нужна помощь? – спросил он, указывая на детали палатки, аккуратно разложенные по размерам и типу на поляне. Запаниковав, Бобби сунула телефон Лины в карман брюк. Остается надеяться, что он не понял.

– Я просто гуглила инструкцию, – сказала она.

Ее взбесило, что она показалась глупее, чем была на самом деле. Такую палатку можно было легко установить, просто рассуждая логически.

Не проронив больше ни слова, Йонас опустился на колени и умело собрал первые дуги.

– Так? – спросил он как можно небрежнее. – Что-нибудь слышно от Лины?

Бобби раздражало, что всех больше волновало отсутствие Лины, чем присутствие Бобби. Влюбленность была странным делом. Должно быть, это интересное явление, приводящее в беспорядок мозговые извилины. Может быть, ей стоит пункт

10. Сесть на заднее место в автобусе.

заменить на

10. Влюбиться.

– Она должна лежать в постели, – солгала Бобби. – Ни компьютера, ни телевизора, ни света. Разве только тайком, когда рядом нет тети.

Бобби обрадовалась этой внезапной мысли. Идея с теткой послужила идеальным оправданием для возможных пауз в разговоре и избавила ее от обязанности продолжать влезать в общение с Йонасом.

– Вы много общаетесь, не так ли? Ты и Лина, – спросил Йонас, делая вид, что установка палатки требует всей его сосредоточенности. Бобби нахмурилась. Хватало того, что она тайно обменивалась с ним сообщениями. Ей не нужно было доверять ему секреты Лины.

– Ну да, – сказала она.

– Ммм, – ответил он, разминая руки.

Бобби удивилась. За его уверенным выражением лица все еще прятался маленький робкий мальчик, которого она знала со времен детского сада.

На самом деле он был ужасно неуверен в себе. Почти так же неуверен, как и она сама. Он одарил ее кривой улыбкой и неожиданно запнулся, не зная, что делать. Пауза в разговоре поставила Бобби в неловкое положение. Йонас откашлялся. На заднем плане ревел громкоговоритель, кричали дети, где-то гремела музыка. Бобби ломала голову над тем, о чем ей поговорить с Йонасом. Неловкое молчание растекалось, как масляное пятно на воде.

– Тебе нравятся энергетические батончики? – спросила она. – Мама упаковала мне их слишком много.

Ее мать ограбила не только лабораторию, но и заводской магазин. Из-за нее Бобби притащила с собой половину производственных товаров завода Веннингера: солнцезащитный крем, средство от комаров, дезинфицирующее средство, пластырь, бинт, гель для возможных растяжений и аварийный запас энергетических батончиков. Больше всего Бобби хотелось провалиться сквозь землю. Это действительно было самое отстойное, что она могла сказать в жизни. Но было уже поздно.

– Те полезные от твоей матери? Она меня раньше ими кормила, – просияв, сказал он. – У нее всегда была с собой еда. Я все еще помню, как мы стояли на снегу, уплетали сыр, пили теплый чай и облизывали замороженные мандарины.

– Я помню только, что мы катались на санках с твоим отцом, – с удивлением сказала Бобби.

Йонас энергично покачал головой.

– Не может быть. Он брался за это только со мной и если еще мог одновременно использовать это для газеты, – с горечью сказал он.

– Йонас, ты где? – раздался голос. Появилась Хлоя. – Я записала нас на пинг-понг. Может, потренируемся немного? – На мгновение Йонас заколебался. По его позе было видно, что ему хотелось бы подольше поболтать с Бобби.

– Увидимся, – сказал он, убегая с Хлоей, сжимая энергетический батончик в руке.

Никто не спросил, куда записалась она.

На пути к «Совиной норе»

Сильный встречный ветер хлестал Лину по лицу. Темные тучи на горизонте предвещали беду: словно стихия сговорилась против Лины. Она смело крутила педали своего арендованного велосипеда, к которому смогла получить доступ через приложение и дебетовую карту. По крайней мере, пятнадцати евро, которые у нее были на счету, хватило. К сожалению, велосипед был не в очень хорошем состоянии. Ей казалось, что она с трудом передвигается на этой трясущейся штуке. Велосипедная дорожка бесконечно петляла по пологим холмам; справа и слева, словно полосатый ковер, простирались поля. Покосившиеся усадьбы, разбросанные посреди одинокого пейзажа, казались заброшенными. Здесь уже давно никто не жил и не работал. Ветер разносил мусор по полям. В начале пути ей встретились одинокие путники. Они поздоровались и поспешно исчезли. Как долго тянутся три километра. Почему она не спросила дорогу? Тропинка превратилась в ухабистую грунтовую дорогу с глубокими колеями. Это как-то странно. Пальцы Лины обхватили руль, чтобы хоть как-то удерживать равновесие. Наклоняясь из стороны в сторону, она скользила по грязи, в которой были уже все лодыжки.

Лина облегченно вздохнула, увидев на горизонте перекресток с указателями. Ее радость уступила место недоумению, когда она смогла прочитать текст на знаках. «Совиная нора» теперь, как ни странно, находилась позади нее. В том направлении, откуда она приехала. Неужели она пропустила поворот? Резкий порыв ветра привел указатель в движение. Будто флюгер, закрутился он вокруг собственной оси. Знак «Совиная нора» указывал теперь на возвышенность на западе. Вид был удивительным. Словно заколдованный королевский замок, на большой крутой скале покоилось внушительное старинное промышленное здание. Мысль о возвращении домой со всеми нерешенными вопросами в голове пугала Лину еще больше, чем перспектива взбираться на возвышенность. Лина могла рассчитывать только на себя и свои инстинкты. Что бы ни скрывалось за топонимом «Совиная нора», оттуда, сверху, как она надеялась, был идеальный обзор. Если «Совиная нора» была так близко, ее можно было бы увидеть со скалистого плато, на котором стоял завод.

Подъем отнял последние силы. Ветер грозился сдуть Лину с велосипеда и почти выбил из нее весь воздух. Она почувствовала, как напряглись ее мышцы, и ее все больше и больше прошибал пот. Она сорвала с шеи платок и обвязала его вокруг руля. Затем потянулась к телефону, чтобы зафиксировать свои страдания в оперативной сводке для Бобби. Она должна была видеть, насколько утомительным оказалось ее путешествие.

– Привет, Бобби, – выдохнула она. – Надеюсь, у тебя дела лучше, чем у меня.

Яростный порыв швырнул в нее кусок пузырячатой пленки. Полиэтилен застрял в переднем колесе. Лина наклонилась к рулю, чтобы снять пленку, которая на рекордной скорости обмоталась вокруг спиц и тормозов. Другой рукой она одновременно держала телефон и руль. Звуки лопающихся пузырьков звучали как ружейные залпы. «Пафф, пафф, пафф», – выстреливали они до тех пор, пока внезапно не затихли. С последним рывком велосипед остановился. Лина перелетела через руль и мешком шлепнулась в придорожную канаву. Конечная станция! Пластик безнадежно заблокировал переднее колесо. Разозлившись, Лина подобрала телефон и рюкзак и отшвырнула велосипед в кусты.

Сдаваться было нельзя. Ей пришлось идти дальше пешком. Лина давно потеряла ощущение времени. Уже наступили сумерки? Или густые тучи закрыли солнце? Откуда-то издали сильный ветер донес до нее шум мотора. У Лины снова появилась надежда. Там была дорога, транспорт, кто-то, кто мог бы помочь ей выбраться из беды. Она побежала по полю, спотыкаясь, тонула в мягком грунте, цеплялась за сухие ветки и продолжала бороться. Тяжело дыша, добралась она до дороги и, не раздумывая, бросилась на середину, чтобы остановить водителя. В последнюю минуту машина со скрипом тормознула. В шоке Лина остановилась. Передвижной магазин запчастей, стоявший перед ней, нельзя было отнести к определенному времени или типу автомобиля: материал из ночных кошмаров каждого автомеханика. Даже такой непрофессионал, как Лина, подозревала, что ни одна из частей не работала как положено. Кусок ржавчины точно был родом из далекого прошлого. Выхлопная труба, цепляющаяся за помятый бампер, выпускала газ; крылья и кузов были усеяны вмятинами и неровностями, что было наглядным доказательством: водителю этой машины не удавалось избежать столкновения с бордюрами, деревьями и досадными препятствиями, такими как участники встречного дорожного движения. Ей повезло, что авантюрное средство передвижения не наехало на нее. Поросший мхом капот открывался и закрывался, словно машина смеялась над ней.

Одиноким дворник скрипнул по грязному стеклу, и Лина увидела лицо водителя. Она вздрогнула, словно в нее ударила молния. Она с трудом могла в это поверить. За рулем сидел тот самый загадочный юноша. Несмотря на плохую погоду, на нем были солнцезащитные очки.

Лина поставила все на карту. Она не позволит ему снова уйти. Ручка пассажирской двери звонко оторвалась, когда она попыталась забраться в машину. Бесцеремонно распахнув заднюю дверь, она забросила рюкзак в машину, перелезла через заднее сиденье вперед и нахально опустилась на сиденье рядом с юношей.

Лина неотрывно смотрела на него. Посреди природы его эксцентричный наряд казался еще более странным.

– Ты возьмешь меня с собой в «Совиную нору?» – спросила она.

Юноша разразился звонким хохотом. Но так легко Лина не позволила себя запугать. Она сунула ему под нос хронометр.

– У меня назначена встреча в часовом магазине, – невозмутимо сказала она.

Все еще смеясь, мальчик протянул ей руку.

– Данте, – представился он, а затем добавил: – Данте в честь футболиста, а не поэта. Его голос был с хрипотцой – у Лины мурашки побежали по спине.

Еще до того как она успела ответить, он отдернул руку. Юноша был непредсказуемым. И после краткого вступления решительно замолчал. Вместо этого он надавил на газ. В последнюю секунду Лине удалось закрыть заднюю дверь. Обратного пути не было.

Миссия невыполнима 2.0

Бобби прогуливалась по территории кемпинга. У длинных столиков для пикника спортсмены записывались на различные мероприятия. Утром по программе можно было поиграть в гандбол на полях соседнего клуба (включая трейлраннинг^[14]), днем можно было принять участие в диск-гольфе, охоте за сокровищами или турнире по настольному теннису.

Одно лишь чтение программы вызывало у Бобби боль в мышцах. Те немногие предложения, которые не были связаны с гонками и победами, были заняты. Особенно популярны были поездки в супермаркет в деревню в трех километрах отсюда, так как прошел слух, что в магазине имеется станция для зарядки мобильных телефонов. Прекрасная альтернатива малодоступным и вечно занятым розеткам в функциональной конструкции. Бобби записалась в продовольственную бригаду. Это звучало наименее угрожающе. По вечерам для всех была обязательная ночная прогулка, караоке, викторина и в конце концов красочный вечер.

– Мы хотим выступить на празднике всей командой, – сказала Хлоя, поравнявшись с ней. – Пойдешь с нами?

Бобби энергично покачала головой. С ужасом она вспомнила, как в лыжном лагере ей пришлось сделать глоток воды и перед собравшейся командой пробулькать «Atemlos»^[15] у микрофона. Пять раз, потому что никто в зале не догадался, что она там бурчала. Она надеялась набрать на викторине столько очков, чтобы ее команда из чувства благодарности не стала бы просить ее петь или танцевать на выпускном вечере.

– Лучше не стоит, – сказала она.

– Ты поешь в хоре, – невозмутимо пояснила Хлоя. – Я спою, а вы будете танцевать вокруг меня с блестящими помпонами. Как чирлидеры.

Бобби цокнула языком. От мысли о том, чтобы выступать в роли глупой танцевальной мышки для Хлои, у нее скручивало желудок. Но еще больше ее беспокоил громкий гудок, раздавшийся со стоянки. Бобби сразу же узнала машину, которая с размаху врезалась в парковочную площадку перед местом регистрации. Дверца серебристого «Мерседеса» распахнулась, кроссовка с оранжевым пламенем коснулась гравия. Гарри

Кинг выбрался из машины. В руке он нес большую спортивную сумку и сетку с гандбольными мячами. Он приехал в лагерь. В отличие от Лины. Сломая голову она помчалась в сторону уборной. Ничего лучшего ей не пришло в голову.

– Будем считать, что это означает «да», – закричала Хлоя ей вслед.

Бобби заперлась в женском туалете, единственном месте в мире, где Гарри Кинг не мог ее найти. Что теперь? Как его появление повлияет на их план? В панике она отправила аудиосообщение Лине. **«Кинг здесь. Свяжись со мной как можно скорее».**

Она вздрогнула, когда дверь резко распахнулась. Шаги застучали по плитке.

– Бобби тоже, – услышала она голос Хлои. – Тогда у нас выходит десять танцоров.

– Не хватает только текста, – сказала Элиф.

Среди голосов двух девочек Бобби различила хихиканье Софи, которая вечно оказывалась третьей в этой связке. Как обычно, Хлоя отправилась в туалет только со своей свитой.

– Ах да, текст, – драматически вздохнув, сказала Хлоя. – Ты что-нибудь знаешь о Гарри Кинге?

Бобби наострила уши. Разговор получился более увлекательным, чем казалось.

– Почему ты спрашиваешь? – спросила Софи.

– Они хотят дать ему премию, а Хлоя должна спеть ему песню, – объяснила Элиф.

– Только не рассказывай никому. Это пока секрет, – пояснила Хлоя.

Все знали, что по окончании лагеря пятидесятников клуб традиционно награждал грамотами и выступлениями волонтеров, которые в течение года хорошо себя проявили. Не менее традиционно Хлое как дочери главного спонсора выпадала честь в качестве кульминации вечера одарить сотрудника года авторской песней.

– Я погуглила тут, – сказала Хлоя. – Нет ни жены, ни детей, ни прошлого, ни странички в Facebook, Instagram, Twitter, Snapchat... Он будто вообще не существует.

– Кто знает, может быть, его зовут вовсе не Гарри Кинг, – гаркнула Софи.

– Или он был за границей, – предложила Элиф.

– На Марсе? – спросила Софи. – Это единственное место, где нет интернета.

– Это будет катастрофа, – пожаловалась Хлоя. – Мне даже нечего

надеть. Я так поправилась.

– Ерунда, – сказала Элиф.

– Ну, смотри. Я похожа на пудинг, – воскликнула Хлоя. Вероятно, она просто сжимала свои несуществующие жировые складки. – Смотри, пудинг умеет говорить! – воскликнула она.

Элиф и Софи несколько минут успокаивали и уверяли Хлою в обратном, пока она не осталась довольна и не осмелилась снова выйти наружу. В помещении стало тихо.

Миллионы вопросов вертелись в голове Бобби. Гарри Кинг сидел в своем боксе в любое время дня и ночи. Что, если он заметил, как Лина утром отправилась в тренировочный лагерь? Сколько пройдет времени, прежде чем он в этой суматохе соскучится по Лине? Поверил ли он официальной версии, что Лина слегла с сотрясением мозга? Что, если он позвонил Соне, чтобы лично поинтересоваться самочувствием Лины? Множество сценариев ужасов разворачивались перед ее глазами.

«Ты слишком сильно переживаешь», – повторяла она себе снова и снова. В кемпинге днем и ночью состав групп постоянно менялся. Как бы он заметил в суете, что Лина пропала? Ей просто необходимо было избегать столкновения с Гарри Кингом. Любого вопроса, который он мог ей задать, было бы достаточно. Она искренне надеялась, что опыт из тридцати четырех тайных вылазок по «Сити-боксу» поможет избежать зорких глаз Гарри. Бобби назвала свое пребывание в «Зеленом озере» – «Миссия Невыполнима 2.0». На этот раз она играла против Кинга в одиночку.

Ты уверена?

С любопытством Лина посмотрела на своего водителя. Значит, его звали Данте. Вблизи он выглядел значительно моложе. Были ли у него вообще водительские права? Странно было то, что ее внутренние голоса никак не взбунтовались. Очевидно, им понравился Данте, хотя он явно был странным. А может быть, именно поэтому. Данте быстро вел машину через бесконечные повороты к холму, который находился гораздо дальше, чем ей казалось. На велосипеде она бы никогда не добралась до этой фабрики. Сквозь деревья снова и снова просвечивал клинкерный фасад старого промышленного завода.

– Это совпадение или ты преследуешь меня? – непринужденно спросила Лина.

– Преследую, – невозмутимо признался Данте. – Но ты не должна об этом знать.

Лина почувствовала всколыхнувшихся бабочек в животе. Значит, она не выдумала тайного наблюдателя. В то же время ее позабавил его прямолинейный ответ.

– Там, откуда ты, все такие странные?

– К сожалению, нет, – ответил он. – Вот в чем проблема.

С визгом шин машина накренилась. Автомобиль резко дернулся, словно в любой момент мог развалиться. Лина припала к дверце авто, которая внезапно поддалась. Данте, который, казалось, следил за всем сразу, придержал Лину за куртку. На следующем повороте сила инерции с треском закрыла дверь. Невольно она скользнула ближе к Данте. Ее плечо почти коснулось его. И никакой икоты.

– Не нужно так гнать, – сказала Лина. – Я не тороплюсь.

– Нам требуется такая скорость, – объяснил ее эксцентричный шофер. – В первый раз невозможно добраться туда самостоятельно. Поэтому – такси.

Лина нервно хихикнула.

– Это должно быть такси?

Она и представить себе не могла, чтобы кто-то добровольно полез в эту гремучую коробку. Кто-то, кого звали не Лина Фридрих и у кого не

отсутствовал ген приключений.

– Нам не так часто нужна машина, – объяснил он. – Эта простояла на месте уже двадцать пять лет.

Он смеется над ней? Все, что говорил юноша, звучало странно нелогично. Это сон? Лина осторожно ткнула указательным пальцем в его плечо. Данте звонко рассмеялся, вывернул руль и выехал на встречную полосу. Перед ними появился трактор. Словно из ниоткуда. В последний момент Данте уклонился от сельскохозяйственной машины. Пока Лина хватала ртом воздух, ее шофер оставался невозмутимым, несмотря на то, что они едва не столкнулись. Судя по тому, как выглядела машина, такие маневры он выполнял с переменным успехом.

– Думаешь, я призрак? – добродушно спросил он.

– Ты появляешься словно из ниоткуда и так же быстро исчезаешь, – ответила Лина. – Кто знает, может быть, существуют призраки не только в белых ночных рубашках, но и в черном плаще?

– Ты совсем ничего не понимаешь, да? – сказал Данте.

Это звучало больше как утверждение, чем вопрос. Лина заворчала. Если честно, она даже не понимала, что именно она не понимала. Вся ее жизнь превратилась в большую загадку, заставившую недоумевать даже всезнающие внутренние голоса. Чем ближе они подъезжали к возвышенности и заводу, тем мрачнее становилась погода. Иссиня-черный облачный фронт угрожающе нависал над ними. На горизонте показались темные нити, похожие на занавес. Данте, казалось, не тревожила перспектива попасть в непредсказуемую непогоду.

– Ты ничего не хочешь спросить? – поинтересовался он.

– Откуда ты? Чего ты хочешь от меня? Почему преследуешь? Как ты проделываешь эту штуку со временем? Почему все пошло наперекосяк, как только ты появился? – затараторила Лина.

Данте кивнул.

– Ты мне ответишь? – спросила Лина.

– Нет, – сказал Данте.

– Видишь, – сказала Лина. – Поэтому я и не спрашиваю.

Юноша удивленно повернулся к Лине. Она вызывающе ухмыльнулась. Нахальничать она тоже умела.

– Тебе нужно набраться терпения, – немного смущенно пояснил Данте. – Сначала мы должны проделать этот путь.

Обманывала ли она себя? Или он слегка занервничал? Что он задумал? Лина выжидающе подвинулась вперед на своем сиденье, чтобы не упустить момент, когда откроется вид на долину. Ее надежда осмотреть

округу не оправдалась. Куда бы она ни повернулась, туман мешал обзору. Куда вела дорога? Что ожидало ее там, наверху?

– Когда ты не дома, то чего тебе больше всего не хватает? – спросил Данте.

– Зачем тебе это знать? – спросила Лина.

– Если ты пойдешь со мной, твоя жизнь уже никогда не будет прежней.

– Я не хочу оставаться, – сказала Лина. – Я хочу в магазин часов.

Это была лишь половина правды. Она чувствовала, что сейчас не самый подходящий момент, чтобы рассказать ему о несчастном случае с ее родителями и о вопросах, которые с ним связаны. Данте не заметил ее сомнений. Он перестал улыбаться, выражение лица стало серьезным. Пристально он следил за дорогой. Внезапно она почувствовала тошноту.

– А что такого особенного в магазине? – спросила она.

У Данте больше не было времени на объяснения.

– Держись, – сказал он. – Сейчас начнется.

Номер не обслуживается

Осторожно Бобби выглянула из-за двери туалета. Все разбились на группы. Ребята смеялись, дурачились, играли в настольный теннис и футбол. Гарри Кинга нигде не было видно.

Бобби прилагала все усилия, чтобы привлечь внимание и присоединиться к какой-нибудь группе. К сожалению, никто, казалось, не интересовался ею. Бобби чувствовала себя потенциальной невидимкой. До сих пор ее товарищи воспринимали ее, прежде всего, как свиту Лины.

Она тосковала по вечеру, как по давно пропавшему другу. В темноте было бы менее заметно, как она одна бродит по местности. Ночь защитила бы ее от пытливых взглядов Гарри Кинга. А до этого перед ней был еще жалкий длинный день. Прогуливаясь по лугу, Бобби снова вспомнила, какой была ее жизнь до того, как Лина стала ее подругой. Смело решив, что успешно оставила позади когда-то застенчивую и молчаливую девушку, она решительно направилась к своим товарищам по команде. На спортивном поле тренировались четыре команды. Йонас обучал самых младших гандболистов приемам броска, Софи и Элиф как раз строили полосу препятствий. Безо всяких вопросов Бобби схватила один из мячей и присоединилась к ним.

– Деннис расстался со мной, – сказала Софи. – При этом я всего один раз поцеловала Леона. И то по ошибке.

– Деннис все равно не для тебя, – сказала Элиф.

– Как ты можешь так говорить? – ахнула Софи. – С ним можно было приятно поболтать.

– О чем? – спросила Элиф. – Он рта особо не раскрывает.

– Хорошо, когда не всегда приходится разговаривать, – сказала Софи. – В отношениях надо уметь молчать.

– Может, тебе стоит извиниться, – сказала Бобби, понимая, что разумного совета здесь никто не ждал. Элиф и Софи недоуменно уставились на нее. Очевидно, речь шла о драме, а не о решениях. В женских журналах ее матери постоянно попадались статьи с заголовками типа «Будь собой». Но это, наверное, не относилось к ней. Девушкам, как Бобби, лучше всего не быть самими собой, если они хотят с кем-нибудь

поговорить.

Софи проигнорировала робкую попытку Бобби вмешаться.

– Решение о расставании всегда должны принимать оба, – снова начала она ныть, в то время как Бобби, скривившись, улизнула.

В следующей группе дела обстояли не лучше. Хлоя пробовала сделать идеальную фотографию для Instagram с несколькими другими девушками, на которой они все одновременно подпрыгивали в воздух. Бобби никак не получалось выбрать нужное время: либо она прыгала первой, либо последней, либо слишком высоко, либо слишком низко, но никак не синхронно с группой.

– Бобби нужно встать с краю, – безжалостно бросила Хлоя, просматривая результаты. – Тогда мы еще сможем обрезать ее.

Возможно, Бобби все-таки удалось бы прыгнуть правильно, если бы в этот момент на спортивной площадке не появился Гарри Кинг. Вместо прыжка Бобби предпочла вылет.

Торопливо отправившись в свою палатку, она включила Snapchat своих товарищей по команде. Все, казалось, отлично проводили время в тренировочном лагере. Жизнь ее товарищей казалась такой легкой, такой красочной, такой совершенной. Как они это делали? Благодаря тщательно подобранным фильтрам даже затхлое «Зеленое озеро» искрилось такой соблазнительной бирюзой, что могло свободно соперничать с Карибским морем. Бобби знала правду, но ей казалось, что жизнь проходит мимо нее. С любопытством она включила последний влог Хлои «Crazy me», который набрал 486 лайков за шесть минут.

– О боже, это была такая жесь, – произнесла Хлоя перед автобусом. – Я должна вам все быстренько рассказать. Вчера отец пообещал подвезти меня.

С удивлением Бобби заметила себя на заднем плане. На видеозаписи был именно тот момент, когда она попрощалась с Линой и спустилась с горки. В панике от того, чтобы вовремя добраться до автобуса, она не обратила внимания на то, что происходит вокруг. Почему она не заметила юношу с льдисто-белыми волосами, в струящемся темном пальто? Она почти столкнулась с ним, но не могла его вспомнить. Как будто он был невидимым. Еще более тревожным было осознание того, что юноша направлялся прямо к тому месту, где пряталась Лина. Мопс в панике бегал на заднем плане. Словно увидел привидение.

На краю света

На полном газу Данте направил машину в сторону бури. Лине стало страшно. Дождь стучал по стеклу. Сильный ливень затруднял видимость. Дворники изо всех сил старались справиться с наводнением. Капли били по крыше автомобиля, словно градины. Шум был адский, видимость никакая. Данте, казалось, даже не замечал этого. Он упрямо направлялся вперед и казался веселым и расслабленным.

– Ты хочешь нас убить? – ахнула Лина.

Данте только рассмеялся:

– Лучше держись, если хочешь добраться целой и невредимой.

Он надавил на педаль газа. Машина еще быстрее помчалась сквозь дождь. Разве она раньше не испытывала ничего подобного? В новогоднюю ночь? Когда ехала с родителями по заснеженной проселочной дороге? Картинки аварии живо встали перед глазами Лины. Как пузырьки воздуха под водой, они всплывали на поверхность. Она увидела себя девочкой на заднем сиденье машины, попавшей в аварию. Руки Томаса так сильно вцепились в руль, что костяшки пальцев побелели, а рядом с ним съежилась ее побледневшая мать Рея. Маленькая девочка испуганно обернулась. Фары ослепили ее. Автомобиль буквально прилип к бамперу их машины. Испугавшись, девочка спрятала голову в волосах своей куклы, когда взрыв сотряс автомобиль и машина сбилась с курса.

– Остановись! – кричала маленькая девочка в ее голове.

– Остановись, – крикнула Лина Данте. – Выпусти меня.

Ее крик остался без внимания. Данте невозмутимо направлялся прямо в ад. Откуда он знал, куда ехать? Хронометр горел на ее коже. Словно в гигантской автомойке, вода хлынула на машину со всех сторон. Сила природы сорвала оставшийся дворник. Поездка превратилась в слепой полет. В размытом сером свете вспыхивали предупреждающие знаки. *«Нет поворота»*. *«Тупик»*. *«Внимание, опасно для жизни»*. Кое-как она различила контуры завода в конце улицы. Трехметровая металлическая решетка, охраняющая промышленный комплекс, окружала территорию. Ее водителя это не интересовало. На бешеной скорости он направился к преграде. Сигнальные огни истерично замигали. Лина всхлипнула. Ее

ногти впились в обивку сиденья. Данте нисколько не беспокоило препятствие. На полном ходу они врезались в тяжелые заграждения и устремились к зданию завода. Всего несколько метров отделяло их теперь от внушительного прохода. Куда направляется Данте? Почему он не затормозил? Словно сумасшедший, он упрямо полетел к гигантским стальным воротам, на которых красовался логотип фабрики: стилизованная сова. Глаза, тело, крылья – все животное состояло из трех шестеренок, как у гигантского часового механизма. Лина заметила свечение своего хронометра, глаза демонической совы мигнули ослепительно яркой вспышкой, которая на мгновение ослепила Лину. В следующее мгновение гигантский взрыв заставил ее голову мотнуться в сторону, давление не давало дышать. Полетели искры, раздался свист, шепот и рев. Ей показалось, что они очутились в каком-то тоннеле. В свете фар внезапно появился Йонас со своим велосипедом. А затем Бобби, Соня, ее сестры. Что с ней случилось? Откуда взялись эти картинки? У нее закружилась голова. Какая-то невидимая сила закрыла ей глаза. Цифровой индикатор времени в машине остановился. Последнее, что она заметила, был хронометр, свет которого изменился с красного на зеленый. Ей казалось, что машина пустилась в плавание. Была ли вообще под ними дорога? Или они находились в свободном падении? У Лины потемнело в глазах.

Получите еду

Бобби вынырнула из сна. Должно быть, она задремала в палатке. Снаружи над площадью раздался звон колокольчика. Под многоголосый хохот младшие участники лагеря тащили тяжелую утварь по поляне и с адским звоном призывали гандболистов к обеду.

Весь день Бобби успешно удавалось избегать Гарри Кинга. Время обеда представляло определенную проблему. Бобби заняла место в передвижном прилавке на станции «Паста с соусом». Раздача еды шла отлично, пока не пришла очередь Хлои.

– Это немецкая или итальянская паста? – спросила она.

– Не знаю, – произнесла Бобби. – Она пока еще не произнесла ни слова.

В очереди засмеялись. Хлоя угрожающе выпрямилась перед Бобби. Но еще более тревожным, чем появление Хлои, было то, что происходило у входа. На заднем плане Кинг возвращался с тренировочного поля с младшими игроками. С покрасневшими лицами, свисающими языками и в потных майках отряд устремился к душевым. Кинг собирал мячи. Бобби прижала голову к груди и прикрыла челкой лоб.

– Спагетти с яйцом? – не унималась Хлоя, раздраженная тем, что, видимо, ее проблемы не воспринимают всерьез.

– С соусом, – сказала Бобби, слушая вполуха. – Хочешь вегетарианскую или мясную?

– Я что, виновата, что у меня аллергия на куриные яйца? – выкрикнула Хлоя так громко, что это привлекло внимание окружающих. – Нечестно высмеивать это, Роберта Альберс! Знаешь, каково это, когда приходится отказываться от самых вкусных вещей? Паста божественная, все любят пасту. А я? У меня аллергия. Сначала зуд, а потом появляется сыпь с гнойничками: меня тошнит от определенных типов макарон. При этом я люблю пасту. Другие ходят по итальянским местечкам. А я? Думаешь, здорово есть только в суши-ресторане?

Все окружающие увлеченно наблюдали за разворачивающейся сценой. У Бобби вырвался стон. Половина детей ела вегетарианскую еду, некоторые – веганскую, другие – без глютена. Никто не устраивал такое шоу из-за своих пищевых привычек.

– Там нет яиц, – объявила Бобби, просмотрев состав на пустой упаковке.

– Я просто возьму что-нибудь из салата. И затем умру с голоду, – страдальчески сказала Хлоя. Говорить для нее было гораздо важнее, чем слушать. Между тем, вокруг места раздачи образовалось столпотворение. Бобби быстро удалось придвинуть к ней тарелку с салатом.

– Там помидоры, – завизжала Хлоя.

Ей нужно было как можно скорее избавиться от этой шумной девушки, прежде чем все в лагере обратят внимание на них.

Бобби потянулась к тарелке и начала собственноручно убирать помидоры:

– Больше нет.

Хлоя пронзительно взвизгнула. Бобби отвернулась и сбежала от прилавка с едой.

– А где же твоя вторая половинка? – крикнул за ее спиной дружелюбный голос. – Лина и ты, вы же обычно как сиамские близнецы.

Она повернулась и посмотрела в глаза Гарри Кингу. Без Лины ее собственная «Миссия невыполнима» больше не походила на игру. Коленки Бобби едва не подкосились. В отличие от своей подруги, Бобби всегда испытывала к охраннику надлежащее уважение.

– Все в порядке? – спросил Кинг. Он казался действительно обеспокоенным.

– Лина осталась дома, – храбро сказала Бобби. – Ей нужно было еще раз сходить к врачу. Из-за сотрясения мозга.

Так, должно быть, чувствуют себя игроки в рулетку, поставившие все на кон. Ей не оставалось ничего другого, как повторить официальную версию и надеяться, что он слишком занят, чтобы продолжать думать о дочери своей начальницы.

Другая сторона

Лина осторожно приоткрыла один глаз. Солнечный луч ослепил ее. Она была мертва? Жива?

– В следующий раз будет легче, – услышала она голос Данте. – Все дело в правильном дыхании. Тем, кто расслабляется, гораздо легче путешествовать.

Лина могла бы задушить юношу. Если бы у нее не кружилась голова.

– Ты паршивый водитель, – сказала она.

Дальше она не продолжила. Ее желудок скрутило. Секунду спустя она стояла на обочине дороги, выплевывая из себя желчь. Мысленно она поблагодарила прожорливого мопса, который позаботился о том, чтобы ее живот был почти пуст. В последний раз так плохо ей было, когда она с сахарной ватой в желудке отважилась на три круга цепной карусели. Тогда она знала, почему ей стало плохо. Сегодня ее попытки отыскать причину провалились.

– Ты привыкнешь к проходу, – сказал Данте.

Смутившись, Лина подняла глаза и озадаченно огляделась вокруг. За ней закрылись огромные серые стальные двери, ничем не отличавшиеся от входа на завод. Они исчезли в скале, как будто их никогда и не существовало. Она слишком мало ела, сказала она себе, чтобы успокоиться. Учитывая еще бессонные ночи перед выездом. Неудивительно, что ее восприятие было затуманено.

Высоко над ними возвышался завод, который теперь был виден с другого ракурса, а между ними плавали густые клубы тумана, свидетельствующие о том, что они еще не добрались до высшей точки долины. Лина все еще не понимала, как они здесь оказались. Прошли ли они через туннель? Было ли всему этому логическое объяснение, поддающееся законам физики? Ее раздражало, что она упала в обморок и пропустила самый важный момент поездки.

Данте довольно улыбнулся. Очевидно, все шло по плану. Но что они здесь делают? Дорога заканчивалась на большой ровной открытой площадке, которая была обозначена как стоянка такси. Фактически вся площадка напоминала вертолетную, потому что ее окружала дикая

местность. В отличие от густой растительности, которую Лина заметила с другой стороны, здесь, видимо, царил более суровый климат. Трава была желтой и высохшей от сильного солнечного света. Кусты и деревья росли так косо, словно на них постоянно налетали сильные ветры и прижимали к земле. Повсюду лежали выцветшие от солнца скрюченные валуны, словно какой-то великан нарочно швырял их на засохший луг. Заколдованный негостеприимный пейзаж в бесчисленных оттенках коричневого.

– Это и есть «Совиная нора»? – растерянно спросила Лина. Нигде не было видно даже признаков часового магазина. Зачем Данте привез ее в эту пустошь? Резкий звук заставил ее подпрыгнуть.

Это был бампер машины, который окончательно разболтался и съехал на землю. После ухабистой дороги Лина поняла, почему так называемое такси выглядело таким побитым. Машина дымилась и стонала, словно могла в любую минуту рассыпаться.

– Ты должна присмотреться повнимательнее, – сказал Данте и широким движением руки указал на туман в долине.

С трудом Лина приподнялась. Странная сила тянула ее дальше: это желание узнать, что скрывалось за ближайшим углом, за горами, за морем и горизонтом. В недоумении она уставилась в марево. И действительно: если присмотреться внимательнее, казалось, что солнце пробивало себе путь сквозь пелену. Перед ее глазами разыгрывалось волшебное зрелище. Туман рассеялся. Яркий свет ослепил ее.

– Что это? – нервно спросила Лина.

– Смотри, – сказал Данте. Он взял ее голову и слегка повернул.

Как бы Лина ни старалась, она ничего не видела. Может, это было похоже на трехмерные изображения в стиле магического глаза^[16], где нужно было прижаться кончиком носа к рисунку и немного прищуриться, прежде чем что-то разглядеть? Она прищурила глаза, пытаясь различить очертания в озере света.

– Что это должно быть? – спросила она.

– Ты слишком нетерпелива, – сказал Данте.

Она попробовала еще раз. Чем дольше она смотрела, тем отчетливее вырисовывались тени, смутные очертания и, наконец, линии. Сначала нечетко и слабо, потом все четче и четче. Как будто перед ее глазами возникал город из света.

– Необходимо знать, где искать, – сказал Данте, словно догадываясь, что происходит в ее голове. – Для непосвященных город всегда останется невидимым, даже если они доберутся до этой стороны. Для этого нужен талант и спутник.

Лина все еще не могла поверить в то, насколько фантастическая картина возникала перед ее глазами. Среди скал и крутых холмов лежал огромный город, отсюда, сверху, можно было разглядеть его размеры. Словно кольцо, река окружала город. Она насчитала четыре узких моста, ведущих к четырем узким воротам. Сооружение представляло собой три восьмиугольника, один внутри другого. Между рядами домов пролегли большие улицы, которые также простирались на весь восьмиугольник. Все было распланировано, как на чертежной доске, словно это место было геометрической фигурой на чертежной бумаге. Внутри города контуры повторялись. Центральное здание образовывало огромный восьмиугольник, в центре которого возвышалась гигантская полусфера из металла, ярко сияющая. Неудивительно, что ее ослепил этот избыток света.

Здание напоминало ей глаза насекомых, которых они изучали под микроскопом на уроке госпожи Айзерманн. При ближайшем рассмотрении металл делился на бесчисленные восьмиугольные грани. На первый взгляд город казался средневековой крепостью, на второй – сквозь купол он выглядел прямо-таки футуристическим. Здесь прошлое и будущее пожимали друг другу руки. Лина ахнула. Это было странно. Теперь, когда она обнаружила это волшебное место, она уже не могла объяснить, почему ей это не удавалось.

– Это Невидимый город, – торжественно заявил Данте.

Обернувшись, Лина обнаружила, что возвышенность вместе с фабрикой исчезла в облаках. Как будто ее никогда и не было. Она попала на другую сторону.

– Мы пойдем дальше? – спросила Лина. Ей стало гораздо лучше.

Она указала на узкую тропинку, ведущую от дороги в город.

– Как только мы спустимся, я больше ничего не смогу обещать тебе, – предупредил Данте.

Лина оглядела дома и улицы. Там, внизу, скрывались ответы на все ее вопросы. Она не могла дождаться, когда отправится на поиски магазина часов.

– Чего же мы ждем? – сказала она.

Время призраков

Бобби остановилась. Там кто-то был? Она слышала голос? Крик в ночи? Ее шаги хрустели по недавно выстланной гравием дорожке, которая тянулась от стоянки к лесу, куда гандболисты собирались в ночной поход.

План состоял в том, чтобы команды уходили вместе каждые десять минут. Команда Бобби стояла во главе. К сожалению, стоило опасаться, что те, кого выбрали в качестве призраков, проявят особую инициативность в отношении первопроходцев. К вечеру дождевые облака появились и тут же исчезли, и до последнего Бобби надеялась, что погода расстроит их планы. Или что она вывихнет ногу во время дневной тренировки. Достаточно сильно, чтобы подошедший санитар покачал головой и одним заботливым «ногу нужно не беспокоить хотя бы один вечер» освободил бы ее от бремени снова подвергать себя опасности. Дождевые тучи рассеялись, не выполнив своего долга. Повода, чтобы не появиться через полчаса после захода солнца у входа в лес, не появилось.

На стоянке уже собралась бóльшая часть их команды. Бобби вздохнула с облегчением: никаких следов Гарри Кинга.

Элиф бросилась к ней.

– Это было круто с твоей стороны, – хихикнув, сказала она.

– Очень смешно, – похвалила Софи. – Ты бы видела, какой нервной была Хлоя.

– Весь вечер, – подтвердила Элиф, и остальные быстро кивнули.

С момента катастрофы с помидорами при раздаче еды Бобби избегала свою команду. Теперь она с изумлением обнаружила, что один только факт, что она осмелилась публично выступить против Хлои, чрезвычайно улучшил ее репутацию. Судя по всему, она была не единственной, кого беспокоило властолюбие Хлои. Впервые она почувствовала себя частью команды без Лины. Подойдя к команде, Хлоя окинула Бобби убийственным взглядом и, резко развернувшись, удалилась.

– Пойдем со мной, – прошептала Элиф. – Она потом успокоится.

Пока Хлоя и ее подруги уверенно шагали в темноту, Бобби возилась со своим мерцающим фонариком. Не успев опомниться, она поняла, что отстала метров на тридцать. Еще и без света.

Бобби сказала себе, что такой ночной поход похож на гандбол, прямо перед важным матчем. Когда ты чувствуешь противника задолго до того, как столкнешься с ним лицом к лицу.

«Страх перед противником необходим для выживания, – говорилось в ее учебниках по гандболу. – Только тот, кто чувствует и принимает страх, оказывает достаточно уважения соперникам на поле». Но как насчет страха, когда противник неизвестен? Бобби любила фильмы ужасов и всякие страшилки, прежде всего, когда их можно было смотреть в ее собственном доме и манипулировать воспроизведением с помощью пульта. От экспериментов на себе в дикой природе она предпочитала воздерживаться. В худшем случае сегодня ночью Гарри Кинг был бы в роли лесного духа. Принимая во внимание опыт встреч в «Сити-боксе», она ни на минуту не сомневалась, что из охранника выйдет отличный отпугиватель.

Вместо того чтобы быстро присоединиться к своей команде, Бобби в тревоге побрела по мрачной стоянке. Деревья, выделявшиеся на фоне темного неба, были похожи на брокколи. Никому не стоит бояться огромных овощей. Даже тем, кто, как Бобби, ненавидит брокколи. За ее спиной шелестели листья. Светящиеся оранжевые глаза следили из-за кустов за каждым ее шагом. Кошка! Это, должно быть, была кошка. Что же еще? Она так напряженно смотрела вперед, что совсем забывала даже оглядываться назад. Вдруг на ее плечо легла прохладная рука. Бобби закричала.

– Хочешь пойти вместе с нами? – спросил смеющийся голос. Он принадлежал Йонасу.

Бобби хватала ртом воздух. Адреналин пронесся по ее телу.

Йонас от души развлекался.

– Тебе не надо бояться. Мы все еще здесь, – он наклонился к ней и заговорщически прошептал ей на ухо: – Мы призраки.

Бобби узнала лица семерых мальчишек из младшей команды. Она с облегчением обнаружила, что Кинг не был частью команды призраков. Весь вечер она беспокоилась о том, чтобы не столкнуться с ним в ночном лесу.

– Мы не нашли ни одной девушки, которая захотела бы присоединиться к лесным духам. При этом высокие голоса – самые жуткие, – пояснил Йонас. – Так хочешь?

Шелест листьев, треск веток, имитация звуков животных, загадочные мигающие знаки, издающие при этом страшные звуки, – идея сыграть главную роль в собственном ужастике заинтриговала Бобби. Лучше, чем

бродить по лесу с враждебно настроенной Хлоей, каждую секунду ожидая, что из подлеска кто-нибудь выскочит.

Призраки разделились на четыре группы и исчезли во всех направлениях, прежде чем следующая команда собралась на стоянке.

Вместе с Йонасом Бобби перелезла через железные ворота. Темнота поприветствовала их, когда они углубились в сумеречный мир леса по узкой протоптанной дорожке. Стволы деревьев выстроились вдоль пути, словно небрежно нанесенные мазки на холсте. Вид на небо исчезал на полпути, в лучшем случае кроны деревьев позволяли только догадываться о нем. Осторожно ступила она на мягкую землю рядом с Йонасом. Молча они пересекали мутный ров с водой, переползали по чахлым деревьям и отодвигали кусты в сторону. Земля под ними шелестела, сквозь ночь кричала сова. В темноте блеснули глаза. Сначала где-то у земли, затем снова на уровне талии.

– Может быть, лиса, – прошептала Бобби. – Или олень.

Рука Йонаса потянулась к Бобби, чтобы помочь ей перебраться через болото. Было страшно, странно, но как-то даже жутко приятно бродить рядом с ним по дремучему лесу. Внезапно он остановился как вкопанный.

– Мы по-прежнему идем по правильному маршруту? – удивленно спросил он.

– Откуда мне это знать? – прошептала ему Бобби.

– А есть ли вообще маршрут? – спросил Йонас. Только чтобы через секунду разразиться пронзительным хохотом.

– Маленькая шутка, – сказал он. – Мы уже прочесали эту трассу сегодня днем.

Бобби шутливо стукнула его. Йонас поймал ее руку и крепко сжал. Она слышала его дыхание, чувствовала тепло его тела. На мгновение. Слишком долго. Невольно Бобби подумала о Лине и вырвалась из его игривых объятий.

– Помнишь, как мы играли в прятки с твоим отцом в городском парке? – сменила она тему.

– Моим отцом? – изумленно спросил Йонас, пока они шли дальше.

– Мне он всегда нравился, – призналась Бобби. – С ним можно было делать все, что было запрещено дома. Играть с огнем, экспериментировать с ножом, безнадежно заблудиться.

– Потому что ему было все равно, – с горечью сказал Йонас. – Странно, что ты помнишь моего отца. Для него карьера всегда была важнее семьи. Но и она теперь растворилась в красном вине.

Бобби удивилась, какие чудачества проделывает память. Неужели эти

встречи с отцом Йонаса произвели на нее такое впечатление, что, несмотря на редкость, навсегда запечатлелись в ее памяти? Или же, возможно, ошибался Йонас, переживший столько плохого с отцом, что все хорошие воспоминания в нем погасли? Каждый мастерил себе свою правду и свое прошлое.

– Может быть, твоя и моя истории вместе составят единое целое? – задумчиво сказала Бобби.

Йонас схватил ее за руку и без слов потащил дальше, на поляну. Они достигли цели своего вечернего похода. Отсюда, сверху, открывался потрясающий вид на лагерь. Полумесяц висел как тоненький серп между тысячами звезд. Она вдруг поняла, какому явлению озеро обязано своим названием. В бледном лунном свете оно переливалось глубокой зеленоватой синевой. Бобби решила, что волшебный свет затмил собой восход и закат в один день. Она вычеркнет 3 пункт из своего списка.

Бок о бок они устроились на бревне, напряженно прислушиваясь, не приближаются ли путешественники. Бобби дрожала от предвкушения. Это была захватывающая идея: самой стать тенью, которая, как злое существо, сторожила тропу. Отсутствие визуальных раздражителей обостряло восприятие деталей, которые обычно терялись в дневном шуме. Ни шороха не ускользнуло от нее, ни крика ночной птицы, ни мыши, шуршащей по подлеску. Ощущение было хорошее: ожидание, предвкушение, напряжение... Йонас. Его присутствие и теплая рука в ее руке вызвали приятное покалывание.

– Ты знаешь рыб-капель? – спросила Бобби.

– Я знаю только рыбные палочки, – весело сказал Йонас.

– Рыбы-капли – самые уродливые создания в мире, – объяснила Бобби. – Они похожи на серые комки слизи. Кашицеобразное тело, толстые губы, большой, как у пьяницы, нос, повсюду морщины, как у мрачного лысого старика. Но рыбе это совершенно безразлично. Она живет в полном мраке. В темноте тоже есть что-то утешительное. Ты знаешь, что научно доказано, что лучшие идеи приходят ночью?

– Странно, – сказал Йонас. – Мне по ночам приходят только глупые идеи.

Бобби почувствовала, что он смотрит на нее. Ощущение было странное. Как и внезапное молчание при их последней встрече, это чувство показалось ей необычным.

– Ты боишься? – спросил Йонас.

– А должна? – сказала Бобби.

– Ну, я боюсь, – признался Йонас. – Все всегда испытывают жалость к

тем, кто испугался призрака. Но представь себе бедных призраков: едва они откроют дверь, как кто-то на них кричит. Призрак наверняка получает травму.

– Ты был настоящим трусишкой еще в детском саду, – хихикнула Бобби. – И всегда вооруженным до зубов.

– Я хотел стать рыцарем-джедаем, – сказал Йонас в свою защиту. – Нужно было практиковаться.

– А теперь?

– Я все еще хочу стать рыцарем-джедаем, – ответил он. – Но я слишком труслив, чтобы признать это.

Он размахивал в воздухе своим фонариком, словно световым мечом. Крик раздался сквозь ночь. Он явно напугал группу ночных путешественников. Хлоя и остальные девушки оказались гораздо ближе, чем предполагалось. Ветер доносил их взволнованные голоса сквозь деревья и кустарники. Нервный смех стал громче и снова затих, из подлеска выбежал дикий кабан. В панике зверь искал укрытие от товарищей по команде Бобби, которые криками испугали его. Конусы света их фонариков прорезали темноту. Они там!

– Там что-то есть, – пронзительно вскрикнул голос в темном лесу.

Хлоя, Элиф, Софи и другие приближались к друг другу, пока не образовали плотную кучку. Они были так близко, что Бобби могла их разглядеть. Кучкой они неуверенно двинулись дальше. Это был сигнал. Йонас взял палку и ритмично застучал ей по дереву. Снова и снова гулкие удары эхом отдавались по лесу, словно великан, прокладывающий себе путь. Бобби захрустела ветками, радуясь реакции своей команды. Играть призрака было веселее, чем она себе представляла.

– Это просто ребята из младшей команды, – попыталась успокоить всех Элиф. Но все были уже порядком напуганы.

Внезапно сквозь болтовню отчетливо прозвучал голос Хлои.

– Где, собственно, Бобби? – крикнула она. – Она только что была здесь.

– Она бежала за нами, – сказала Элиф. – Я точно знаю.

Пронзительный крик Бобби разнесся по лесу, кусты зашелестели от рук Йонаса.

Группа остановилась. В течение нескольких секунд игра стала серьезней, боязливость превратилась в полномасштабную панику. Ни у кого больше не было желания идти дальше сквозь мрак.

– Может быть, она уже убежала, – предположила Софи.

– А если нет? – возразила Элиф.

Четырнадцать пар глаз выискивали в темноте подозрительные следы

или какую-то зацепку.

– Бобби? – кричали в темноту ее товарищи по команде. – Бобби!

– Вы знаете тот фильм, где из группы забирают одного за другим? – сказала Хлоя. – В конце концов все погибают.

– Позвони ей! – Голос Софи чуть не сорвался.

Какое-то мгновение было тихо.

– Ну, что там? – спросила Элиф.

– Гудки, – объявила Хлоя. – Возьми трубку, возьми трубку, возьми трубку... – А затем разочарованный сигнал «Голосовая почта».

– Бобби, сообщи, когда будешь в лагере. Это не смешно. Нисколько...

Чистая паника охватила группу. Все истерически кричали наперебой. Операция грозила сорваться.

– Ты должна перезвонить Хлое, – прошептал Йонас Бобби. – В противном случае она обезумит.

Она уже достала телефон, когда вспомнила, что не может перезвонить Хлое. Не с телефона Лины.

– Позвони ты. Скажи им, что нашел меня, – поспешно предложила Бобби. Было уже слишком поздно.

– Это телефон Лины, – сказал он.

В ушах у Бобби зашумело. У нее было мало опыта во лжи. Еще меньше опыта у нее было только в разоблачении.

– Только чехол, – беспомощно ерзая, пролепетала она.

– Он не зазвонил, – заметил Йонас. – Хлоя звонила тебе, и мы ничего не услышали.

Как ей выпутаться из этого? Что он будет делать? Все, что могло пойти не так, пошло не так. Но стало еще хуже.

– Ты присылала мне сообщения сегодня днем? – спросил он.

Она почувствовала, как ее щеки заливают румянец. Виновато опустив голову, она мысленно вычеркнула все десять пунктов из своего списка дел, заменив их одним-единственным желанием: «*Научиться лгать*». И прямо сейчас, пожалуйста.

Йонас посмотрел на Бобби, качая головой.

– В какую дурацкую игру вы играете?

Он развернулся на пятках и исчез в кустах. Бобби поспешила за ним. Она понятия не имела, как объяснить ему ситуацию, но знала только, что вечер не должен так закончиться. Она выбежала на тропу, прямо в объятия своих товарищей по команде. Пронесся облегченный вскрик. Только Хлоя была раздражена.

– Как ты можешь нас так пугать! – возмутилась она. – Ты сошла с ума?

Я из-за тебя пережила тысячу смертей. Почему ты не отвечаешь, когда я тебе звоню?

У Бобби не было ни малейшего желания выслушивать новую лекцию Хлои, которая касалась, прежде всего, ее собственного самочувствия. Она хотела побежать дальше. Вслед за Йонасом. Объяснить ему. Что-то. Не важно что. Но ей помешала Элиф.

– Как хорошо, что ничего не случилось, – сказала она, прижимая к себе Бобби, как будто никогда больше не хотела отпускать своего товарища по команде. – Я так боялась за тебя.

Когда Бобби вырвалась из дружеских объятий, Йонас уже скрылся в лесу.

Вход запрещен

Лина подсчитала: 365 крутых и потертых ступенек вели от стоянки такси вниз, в город. Стук ее сердца отдавался в горле. Чем ближе они подходили, тем сильнее становился шум реки, прокопанной в каменистом рве вокруг этого места. Стволы деревьев и всякий мусор свисали со скал, указывая на неблагоприятные погодные условия и минувшие паводки. Несмотря на внушительность внешней стены города, мост выглядел ненадежно. При каждом шаге Лины был слышен стон прогнивших досок, сколоченных в узкие ступеньки.

– Немногие приходят пешком, – объяснил Данте, пока они направлялись к городским воротам. Лина ожидала охранников, личного досмотра, допросов. Вместо этого они беспрепятственно прошли через портал. Оглянувшись, она обнаружила, что в древнем камне мелькают датчики, которые позволяли предположить, что их прибытие не останется незамеченным. Технически жители Невидимого города, видимо, значительно опередили свое время. Лина взволнованно прошла на улицу через большие каменные ворота. Должно быть, это был внешний восьмиугольник. С близкого расстояния все казалось гораздо больше и однообразнее. Словно все здания были построены как одно целое, а справа и слева, насколько хватало глаз, простиралось шестиэтажное здание из клинкерного кирпича, с изящным фасадом, бесчисленными окнами и эркерами^[17].

Данте свернул налево. У Лины поднялось настроение. С каждым шагом, скользя по старомодному булыжнику, она все ближе приближалась к матери. Она видела перед собой Рею, спешащую по той же дороге в магазин, чтобы купить там хронометр и выгравировать имя Лины. Сколько еще им идти?

С возрастающим изумлением Лина побежала вдоль все того же фасада, на котором мелькали разноцветные неоновые вывески. Каждые несколько метров появлялся новый вход с новой вывеской: «Гостиница «Ночлег и завтрак», «Пансионат с прекрасным видом», «Центральный», «Луна», «Корона» или «Орел». Внизу мелькали такие сведения, как: «Все кровати

заняты, мест нет», «Гостевые комнаты заняты». Почему в городе было так много отелей? И почему со стороны они все выглядели одинаково? Учитывая обилие вариантов размещения, для Лины было загадкой, почему ее первый поиск в Google о «Совиной норе» ничего не дал. Как путешественники находили дорогу в Невидимый город? Данте не стал ничего ей объяснять. Зигзагом он вел ее по городу. Лина продолжала отставать. В изумлении она оглядывалась вокруг. Повсюду стояли и висели часы всех типов. Как ни странно, ни одни не работали должным образом. Жезл солнечных часов в маленьком парке висел изогнутый и перекошенный, цифры на электронных часах в супермаркете непрерывно прыгали, а песочные часы у парикмахера вращались вокруг собственной оси, словно соревнуясь с ветряной мельницей. Жители Невидимого города казались одержимыми измерением времени, и все же нигде не было надежного способа узнать его.

– В Невидимом городе часы ходят по-разному, – лаконично прокомментировал Данте.

Веселой, энергичной походкой он поспешил вперед настолько быстро, что пальто позади него развевалось. Сверху было ясно видно, что сооружение города представляет собой восьмиугольные кольца, но, оказавшись внизу, Лина сразу же перестала ориентироваться. Вместо отелей во втором восьмиугольнике, видимо, разместились только магазины. Ее взгляд метался из стороны в сторону. В любой момент между бутиками, супермаркетом, газетным киоском и парикмахерской она ожидала увидеть магазин с восьмиконечной звездой на логотипе. Напрасно. Их путь пролегал мимо бесконечной череды антикварных магазинов, где предлагалась одежда, предметы обихода и книги всех веков и времен года. Из витрины магазина друг друга приветствовали пасхальный заяц и Санта-Николаус. Магазин по соседству продавал в основном зонтики, пляжные игрушки и купальники, а также беговые лыжи и санки.

– Это место напоминает боксы на складе, – заметила Лина.

– Разница в том, что мы используем эти вещи ежедневно, – сказал Данте.

Лыжи и санки? В Пятидесятницу? По всему городу шумели деревья и цвели кусты. Разноцветные скидки на цветы наводили на мысль о нелепости лыжных прогулок. В один момент она заглянула в магазин, а через секунду уже столкнулась с тремя молодыми людьми. Откуда они так внезапно взялись? Она могла бы поклясться, что несколько секунд назад они еще не шли по тротуару. И как они выглядели! Один был одет в

расклеванные брюки и свитер ручной вязки, под которым была черная рубашка с абсурдно острым и длинным воротником. Завершала общую картину похожая на шлем прическа с галантным косым пробором и логотип толстого усатого моржа. Его сопровождали денди в белом льняном костюме и соломенной шляпе и солдат Первой мировой войны, носивший на голове пикельхельм^[18]. Они бежали так же быстро, как и Данте, но, пробегая мимо, смотрели на нее широко раскрытыми глазами. Удивление было взаимным. Здесь все знали всех? Выдавала ли ее внешность ее как посетительницу из-за города?

Никто не тратил время ни на болтовню, ни даже на пару слов. Даже приветствие, казалось, занимало слишком много времени. Среди этих чудачков, которых, видимо, привлекло то, что они обнаружили на чердаке бабушки и дедушки или нашли в коллекции старой одежды, внешность Данте была вполне нормальной.

Она остановилась как вкопанная.

– Они все опаздывают на костюмированную вечеринку?

– Продолжай бежать, – сказал Данте. – Веди себя как можно нормальнее.

Лина ахнула. Ее окружали чудачки. И Данте решил, что это она была той, кто выделяется?

– Я объясню тебе в магазине, – сказал он, пропуская изящного мужчину в костюме, цилиндре и с тростью на узком тротуаре.

– Объясни мне сейчас, – сказала она. – Что здесь происходит? Карнавальная труппа, которая в Пятидесятницу одаривает Санта-Клаусов подарками и катается на санках по лужайке?

Данте резко свернул вправо. У Лины перехватило дыхание, когда она впервые беспрепятственно увидела Купол, величественно возвышавшийся над домами. Они явно приближались к центру города. С этого ракурса здание выглядело еще более ошеломляющим. Фасеточный глаз Купола отражал облака и темно-синее небо. Подойдя ближе, она поняла, что входа, похоже, нигде нет. Они бесконечно бежали вдоль пустой, лишенной окон стены, пока вдали не появилась вывеска магазина. Лина задрожала всем телом, расшифровав старинную надпись: «*Магазин часов в «Совиной норе»*».

Над безукоризненной входной дверью покачивались разбитые часы, ржавые стрелки свободно висели и отдавались игре ветра, словно время не имело значения. Под ними светилась помятая вывеска магазина, на которую были приколоты еще одни часы. Вот здесь ее мать и приобрела загадочный хронометр, оказывающий столь странные побочные эффекты.

Внезапно дверь изнутри распахнулась. Девушка в дирндле^[19] выбежала за дверь и поспешно исчезла. Лина с первого взгляда поняла, что это не обычный часовой магазин. Тот, кто держал магазин и мастерскую, не прилагал ни малейших усилий, чтобы привлечь покупателей. На двери, где обычно были расписаны часы работы, клиент, наклонившись, мог прочитать краткое: «Утро. Возможно».

Дверь, которая только что открылась и снова закрылась, оказалась плотно запертой. Сколько бы она ни трясла ее и ни дергала, та не поддавалась. Данте не делал никаких попыток помочь ей. Он, казалось, сам удивился, что ее отказались принимать.

– Ну, кажется, встреча тебе не назначена, – сухо сказал он.

Неужели он действительно купился на ее ложь? Зачем нужно назначать встречу в магазине?

– А если и так, – сказала Лина. – Теперь, когда я здесь, они точно впустят меня.

С любопытством Лина прижалась лицом к холодному стеклу. Перекошенные жалюзи за ней открывали вид на магазин. Часов она не видела, но заметила бесконечные отражения света. Ей вспомнился калейдоскоп Шарлотты. Если держать его на солнце и смотреть внутрь, цвета будут сиять в постоянно меняющихся узорах. В море сверкающих крапинок она различила силуэт женщины с длинными белыми волосами. Ее кожа была такой светлой и полупрозрачной, что ее контуры сливались со стенами, словно она была лишь оттенком, намеком. Почти невидимкой. Женщина, занимавшаяся своей таинственной деятельностью в магазине, не проявляла ни малейшего интереса к открытию магазина.

Лина взволнованно постучала в дверь. Жалюзи не сдвинулись ни на сантиметр. Она была удивлена, обнаружив, что старомодный магазин был защищен толстым бронированным стеклом, которое поглощало все звуки. Как и у ворот, средневековая обстановка и потрепанность скрывали современные технологии. Что, во имя всего, продавал магазин, требующий таких мер защиты? Часов, во всяком случае, не было. Лина заглянула в крошечную витрину у черной стены. Там, над бархатной обивкой, жужжала одинокая муха.

Лина отступила на шаг, чтобы рассмотреть весь дом, и едва не налетела на «Веспу»^[20]. В последнюю секунду водитель увернулся. Шины скрипнули, когда транспорт остановился. Лина растерянно уставилась на водительницу. Женщина была одета в платье длиной до пола из тяжелого золотистого бархата с юбкой-тюльпаном и толстыми рукавами-буфами.

Вместо шлема на голове у нее возвышался замысловатый пучок, прядки волос обрамляли лицо по бокам. Она озадаченно, с любопытством посмотрела на Лину, покачала головой, подошла к магазину часов, открыла звонкую дверь магазина и исчезла внутри. Лина бросилась ко входу. Дверь закрылась перед ее носом. Лина потянулась к ней, но она не поддавалась.

– Может, нам позвонить, – предложила Лина.

Данте рассмеялся, словно она сказала какую-то особенно оригинальную шутку.

– Молодец. Нельзя просто зайти в магазин часов. Все дело в том, ждут ли тебя там.

– И что мне для этого сделать? – спросила Лина.

Взгляд Данте упал на двух молодых женщин, которые быстрым шагом направлялись к магазину. Не раздумывая, он затащил Лину в нишу между домами и бесцеремонно подтолкнул ее за мусорные баки. Пахло старой кофейной гущей, заплесневелой рыбой и банановой кожурой. Крыса в спешке пробежала по земле. Лина уже хотела закричать, когда рука Данте легла ей на рот.

– Что это значит? – выдавила она.

С Лины было достаточно скрытности и опеки.

Она с любопытством вытянула голову. Высокая поразительно бледная девушка, казавшаяся прозрачной и неземной, приблизилась к их укрытию. У нее были очень короткие рыжие волосы. Рядом с ней суетилась маленькая азиатка. Ее светло-лиловые волосы разметались, пока она взволнованно говорила со своей спутницей и размахивала руками, словно собиралась взлететь в любую минуту. Лина сразу же узнала эту девушку. Точно так же та говорила с Данте в спортивном зале.

– Я пыталась, – прошептала она. – Я действительно пыталась отговорить Данте от этого. Клянусь.

– Почему ты не сказала мне об этом раньше? – спросила рыжая.

– Я понятия не имела, что он приведет эту девушку сюда. Именно дочь Реи, – сказала азиатка. При упоминании имени она заметно вздрогнула.

– Хранительница времени в ярости, – сердито ответила рыжая.

Дверь открылась, колокольчик заиграл мелодию, слишком знакомую Лине. Это была мелодия старой музыкальной игрушки, в которой был спрятан хронометр. Звуки из ее детства.

Голоса замерли. Данте выглядел потрясенным и покусывал нижнюю губу. Выражение его лица сменялось с гневного на беспокойное. Лина поняла, что произошло то, чего Данте не ожидал.

– Теперь мы можем пойти в магазин? – неуверенно спросила Лина.

– Сначала мне нужно кое-что прояснить, – сказал Данте.

Лина открыла рот, чтобы возразить. Бледное лицо Данте заставило ее умолкнуть. В его глазах она увидела неподдельный страх.

Данте энергично подтолкнул ее вперед.

– Ты можешь для начала поселиться в хостеле.

Лина задумалась. Короткий разговор девушек подтвердил то, о чем Лина давно догадывалась. Это место когда-то было домом ее матери. И этого было достаточно, чтобы остаться здесь.

Ни с кем не разговаривай

Ноги Лины болели, она устала от долгого пути и суеты. Годы отделяли ее от того утра, когда она прощалась с Бобби. От магазина часов они снова направились к внешнему восьмиугольнику. Когда она во второй раз пересекала город, что-то вроде схемы вырисовалось перед ней. В самом сердце находился Купол, окруженный домами и имевший, по-видимому, только один вход: часовой магазин. Посередине находилась торговая улица. Теперь они, судя по всему, шли по внешнему восьмиугольнику. Лина узнала фронтон кондитера и вывеску отеля. Ни одна надпись не показалась ей знакомой. Судя по всему, они находились в другой части города. Но куда направлялся Данте? Они пробежали мимо одной гостиницы за другой, пока, наконец, не остановились перед входом, над которым было просто написано: «Хостел». На двери мигало цифровое объявление: «Номера заняты». Еще и это. Лина уже видела, как будет метаться по ночному городу в поисках свободного номера. Данте сообщение не остановило. Он толкнул большую створчатую дверь, чтобы впустить ее. Лина покорно поплелась за ним.

– Не разговаривай ни с кем, – предупредил Данте. – Оставайся в комнате, пока я не дам тебе знать, – он пристально посмотрел на нее, и глаза его потемнели так, что теперь были почти одного цвета.

– Ты не пойдешь со мной? – спросила она.

– Все улажено, – сказал он. – Тебе просто нужно зайти в лифт.

И как все было улажено? Кто что уладил и когда? И почему? Никто не подозревал, что она появится здесь вечером. Даже она сама.

– Хостел дорогой? – спросила Лина. Она не рассчитывала оставаться на ночь.

– Не задавай столько вопросов. Просто сделай это, – попросил он ее.

– Еще мне нужен пароль от Wi-Fi, – сказала Лина.

– Если хочешь связаться с домом, тебе нужно попасть в магазин часов, – сказал он. – Там регулируется внешняя связь.

Внешняя связь? А это еще что?

– Город невидим, а значит, и жители. Никто нас здесь не увидит, – пояснил Данте. – Мы расплачиваемся тем, что не можем связаться с другой

стороной.

Через секунду он исчез в темноте переулка. Как будто исчерпывающе все объяснил.

– А номер комнаты? – крикнула она вслед Данте. Тишина. Лине пришлось справляться одной.

С любопытством вошла она в хостел. Ресепшена не было, зато в фойе в опрокинутых садовых тачках, служивших креслами, лежало несколько путешественников. Панк с разноцветным ирокезом сидел рядом с девушкой в девственно-белом парадном платье, на носу у нее были очки в роговой оправе из шестидесятых; там же были крестоносец и тучная английская медсестра в накрахмаленном халате, с большой брошью, черной нижней юбкой и в колпаке. Как и все остальные жители, эти гости, казалось, больше всего любили наряжаться в благотворительном магазине. Невидимый город казался таинственным убежищем для эксцентриков или идеальным местом для крупнейшей в мире карнавальной вечеринки.

Медсестра откинулась назад и сорвала яблоко. То, что поначалу Лина приняла за обои, на самом деле было вертикальным садом. Панк перекусывал малиной, крестоносец совал в рот один перец чили за другим. Люстра, изготовленная из вантузов, пластиковых отходов и старых бутылок, озаряла эту современную версию Шларaffenланда^[21] теплым светом. Все здесь приносило пользу. На мгновение у Лины возникло искушение поговорить с медсестрой. Впрочем, постояльцы хостела не особо церемонились. Они смотрели в планшеты, изучали книги и газеты и выглядели чудовищно занятыми. Позади нее раздался звонок. Двери лифта открылись.

– Тебе просто нужно зайти в лифт, – повторила она слова Данте. Нерешительно вошла Лина в очень маленькую комнату, в которой мог поместиться только один человек. Как собирать всех гостей на завтрак и на выезд? Крошечный лифт никак не соответствовал размерам хостела. Войдя внутрь, она заметила, что в лифте нет панели управления. Нельзя было выбрать этаж. Вместо этого горизонтальная красная полоса в течение нескольких секунд сканировала ее с ног до головы и обратно. Лазер как своего рода сканер тела. Подбирают ли ей таким образом подходящую кровать? Лифт дернулся так резко, что Лина едва не упала. Если бы можно было упасть в этой узкой трубе. Адская поездка вверх заняла несколько секунд. Лифт остановился так же внезапно, как и поднялся. Двери распахнулись. Перед ней открылся бесконечно длинный коридор, слабо освещенный мерцающими аварийными лампами. В правильном ли она месте?

Лина хотела вернуться, но понятия не имела, как заставить лифт двигаться. Все в этом городе казалось чуждым и зловещим. Даже лифт был живым. Сбитая с толку, она посмотрела направо и налево. Двери, окаймлявшие проход на расстоянии трех метров, не имели ни дверных ручек, ни замочных скважин, ни приспособлений для электронной системы ключей. На уровне глаз четырехзначные цифры светились огненно-красным светом.

Лина попыталась открыть дверь. Ничего не произошло. В нерешительности Лина направилась сначала налево, потом направо, когда заметила, что свет чудесным образом указывает ей дорогу. Всякий раз, когда она делала шаг в нужном направлении, коридор на долю секунды освещался впереди, чтобы снова погрузиться в темноту позади нее. Лина решила завтра же расспросить Данте о создателе этой системы. Соня будет в восторге от этого нового метода экономии электроэнергии. У Лины было такое ощущение, что она проходит весь восьмиугольник во второй раз. Наконец, в море красных лампочек замерцал зеленый свет. В изумлении Лина прочитала номер комнаты. 4477. Это был тот же номер, который был выгравирован на ее хронометре. Повинуясь внезапному вдохновению, она приложила наручные часы к двери, которая тут же с громким жужжанием открылась. Эта комната ждала ее.

Комната 4477

Лина едва не рухнула от усталости. В крошечной, но уютной комнате было только самое необходимое: простая кровать, сколоченная из древесных отходов и старых труб, узкий шкаф с письменным столом и стулом, а также ванная комната, которая, скорее, заслуживала названия помывочная. Комната 4477 напоминала монашескую келью. Те, кто снимал ее, не задерживались надолго или не нуждались в ней.

Окно выходило на двор. Осторожно отодвинув занавеску, Лина узнала особую конструкцию хостела. Эркерное окно открывало вид на улицу. За рядом домов напротив величественно и в то же время угрожающе возвышался Купол, сияющий в лучах уходящего солнца. Жуткое ощущение исходило от фасеточного глаза на сооружении, словно он контролировал город двадцать четыре часа в сутки. После своей прогулки Лина уже знала вход в Купол. Но для этого ей нужно было сначала попасть в магазин часов.

Уставшая, она опустилась на кровать. Ее глаза блуждали по стенам, которые, в соответствии со всем интерьером, были оклеены старыми газетами.

Лина хотела сфотографировать свою комнату для Бобби, рассказать ей все. О страшном путешествии на поезде, ее встрече с Данте, непередаваемом ощущении в автомобиле, волшебным образом перенесшим ее в место, которое, казалось, выпало из времени. И это несмотря на то, что жители были одержимы часами. Все нити ее биографии сходились в этом странном городе. Но больше всего ей хотелось рассказать Бобби о Данте, своем странном спутнике. И о двух девушках, которые так его беспокоили. Дрожащими руками это сделать не вышло. Она больше не могла держать телефон, не говоря уже о том, чтобы печатать. Может быть, позже.

Лина включила душ. Горячая вода хлестнула по ее коже. Ванная блестела, как будто ею никогда не пользовались: белая плитка, белые стены, белая душевая кабина, белые краны, белое мыло, клубящийся белый туман, медленно заволакивающий зеркало. После долгого и запутанного путешествия Лина была счастлива найти комнату без истории и рассказов.

Энергично стирала она страх и пыль этого дня со своей кожи, пока та не стала ярко-красной. Какой-то звук вырвал ее из мыслей. Что она услышала? Скрип двери? Шаги? Лина выключила воду, осторожно выскользнула из душа, завернулась в приготовленное банное полотенце и на цыпочках направилась к двери. Осторожно приложила она ухо к проему. Зашуршала бумага, что-то упало. Кто-то был в ее комнате. Без сомнения. На мгновение Лина заколебалась. Затем она вздохнула и одним рывком распахнула дверь комнаты. Темнота поразила ее. С бешеной скоростью ночь обрушилась на Невидимый город. Ярко освещенный Купол посылал в комнату узкий луч света. На полу что-то лежало. Ее глазам потребовалось мгновение, чтобы она смогла опознать в непонятном свертке тряпичного пса Отто. Ее дорожный багаж, который она положила на кровать, был раскинут на покрывале. Встревоженная, она искала конверт с газетой и фотографиями. С облегчением она обнаружила, что все по-прежнему на месте. Кроме остатков ее бутерброда.

Убирайся отсюда

«Больше никогда!» – клялась себе в этом Коко. Никогда больше она не будет проникать в гостиничный номер. Она была недостаточно быстрой для таких дерзких начинаний. Еще бы секунда, и Лина поймала ее. Возможно, ей следовало бы быть внимательнее на курсах «Как стать невидимкой». Но это еще не все: фотографии аварии шокировали ее. Никто в Невидимом городе не проронил ни слова о том, что случилось с Реей. Авария была необъяснима, значилось в статье. Что бы это ни значило. Поспешно покинула она хостел Лины, сбежав по лестнице к аварийному выходу. Коко помчалась к городским воротам, когда услышала взволнованные голоса на углу улицы. Группа невидимок собралась у разбитых солнечных часов.

– Как ты мог притащить сюда Лину? – прошипела Инес. – После всего, что натворила ее мать?

Коко подкралась ближе. Инес отчитывала Данте перед всеми. Никто больше не работал. Все слушали крики.

– Как ты можешь пренебрегать желаниями Хранительницы времени?

– Она одна из нас, – сказал Данте.

– Она дочь гандболиста, – презрительно сказала Инес.

– И дочь Реи, – ответил Данте.

Инес вздрогнула, как от удара молнии. Между окружающими пробежал шепоток.

– Отступники больше не являются частью нас.

– Рея, – повторил Данте еще громче. – Вы знали ее, вы все знали ее и работали вместе с ней. А теперь вы притворяетесь, что ее никогда не существовало.

– Она меня не интересует, – сказала Инес.

– И поэтому вы послали Коко за мной? – спросил Данте.

Коко едва не хватил удар. Откуда он узнал? Она была так осторожна. Но в глазах Инес промелькнул упрек. Она не считала нужным оправдываться.

– Вы вообще меня слушаете? – огрызнулся Данте.

– А ты говоришь о чем-то важном? – спокойно спросила Инес. – Или

просто строишь из себя кого-то? К чему все эти выходки?

– Возможно, Хранительница времени обрадуется, когда увидит Лину, – с вызовом сказал Данте.

Инес горько рассмеялась.

– Ты просто разбередишь старые раны.

Любопытных становилось все больше. Все были в замешательстве. Появление Лины наделало шума.

Данте громогласно отстаивал свою позицию.

– Когда-то мы были компанией, мы устраивали вечеринки и веселились. Теперь это все просто работа, работа, работа. Вы никогда не задумывались, что такого в мире находят отступники?

Окружающие и глазом не моргнули.

– Что есть такого в мире, чего нет у нас? – продолжил Данте.

– Сама по себе мысль неприемлема, – сказала Инес.

Данте настаивал на своем.

– Лина – как глоток свежего воздуха.

– Прежде всего, эта девушка – источник неприятностей, – вмешался сзади суровый голос. – Как и все отступники.

Данте обернулся. За ним стояла энергичная женщина лет пятидесяти с белоснежными длинными волосами и в широком белом брючном костюме. Толпа благоговейно отступила, образуя проход. В воздухе повисла завеса враждебности. Коко затаила дыхание. Она могла по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз лично встречалась с Хранительницей времени. Должно быть, случилось нечто особенное, раз она снизошла до личного общения со своим народом.

Инес тут же приблизилась к ней. Если бы не огненно-рыжие волосы, можно было бы принять эту команду за мать и дочь, учитывая, как старалась Инес подражать стилю одежды, мимике и жестам своего идеала.

Коко вновь и вновь поражалась энергетике власти, которую излучала глава Невидимого города. Ее спина была неестественно прямой, что придавало ей еще более внушительный вид. Гневные морщины пролегли вокруг ее рта, а темно-серые глаза метали молнии. Она казалась холодной, неприступной и неумолимой. Хранительница времени стряхнула с рукава невидимую ворсинку и взяла бесконечно долгую паузу, прежде чем обратиться к Данте.

– Ты знаешь правила, – сказала она. – Запрещено общаться с людьми снаружи.

Ее голос был глубже и тверже, чем помнила Коко. Она говорила как человек, привыкший давать краткие и сжатые указания.

– У меня было чувство...

Еще до того, как Данте успел ответить, Хранительница времени одним движением руки заставила его замолчать.

– Мы работаем как хирурги. Точной, спокойной рукой, – прервала она его. – Чувства не профессиональны.

– Она нашла хронометр. Она задает вопросы... – сказал в свою защиту Данте.

– Мне нет до нее никакого дела, – пожала плечами Хранительница времени.

Она обратилась к Инес:

– Позаботьтесь о том, чтобы этот театр прекратился. Она уезжает из города. Немедленно.

Инес подала знак рукой нескольким мужчинам и поспешила с ними прочь.

– Это мое дело, – сказал Данте.

– Не лезь в это, – ответила Хранительница времени. – Ты и так натворил кучу бед.

Данте по-прежнему не сдавался.

– Я знаю ее, – сказал он. – Она не опасна – просто любопытна.

– Я даю тебе последний шанс закрыть свой рот, – властно приказала ему Хранительница. – Еще одна такая самодеятельность, и будешь отстранен от службы.

Толпа безмолвно рассеялась. Никто не осмелился заступиться за Данте. Дама в белом покинула сцену. Только когда она скрылась за углом, из укрытия высунулась Коко. В смятении и нерешительности подошла она к своему другу. Данте пробежал мимо нее, не удостоив взглядом. Коко побежала за ним.

– Это была самооборона, – защищалась она. – Я сделала то, что сделал бы любой друг.

– Предала меня?

– Я пыталась уберечь тебя от глупостей, – возразила Коко.

– Неужели я выгляжу так, будто не знаю, на какой риск иду? – спросил Данте.

– Да, – сказала Коко. – Точно так ты и выглядишь.

– Ты все рассказала Инес, – бросил ей в лицо Данте.

– Я присматривала за Инес для тебя, – объяснила Коко. – Она считала, что будет держать тебя под контролем, пока я буду ходить за тобой по пятам. Я защищала тебя, а не предавала. Как ты думаешь, почему они не отозвали тебя назад?

Данте остановился и посмотрел на нее.

– Это я, Коко, – настойчиво сказала она. – Я на твоей стороне.

– Откуда я знаю, говоришь ли ты мне сейчас правду? – спросил Данте.

– Ты мой единственный друг. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

– Речь идет не обо мне, – сказал Данте. – Речь идет о Лине.

– Что они с ней сделают? – спросила Коко.

Данте пожал плечами.

– Я просто хотела как лучше, – тихо сказала она. – Кажется, я все испортила. И этот дурацкий бутерброд, который я украла, пахнет собакой. Мне кажется, жизнь меня ненавидит.

Данте просто оставил ее одну.

– Что ты задумал? – крикнула ему вслед Коко.

– Если меня собираются отстранить, то это должно того стоить, – сказал Данте.

Новости из будущего

Лина испуганно вздрогнула. Часы показывали 3.12. Несмотря на ранний час, в хостеле было оживленно. Из коридора доносились возбужденные голоса, хлопанье дверей и торопливый топот, сопровождаемый урчаньем многочисленных тележек, скользивших по линолеуму в коридорах. Заселение и отъезд, казалось, проводились здесь главным образом ночью. Лина очень скучала по Бобби. Жуткие ночи были намного веселее вдвоем.

Как она там, в гандбольном лагере?

– Я скучаю по тебе, – сказала она мобильнику. – Все здесь какие-то странные. И я понятия не имею, как быть дальше.

Ее видеосообщение повисло в исходящих. Как и все предыдущие сообщения. Прошрое было невнятным, настоящее запутанным, а будущее неопределенным. Лина чувствовала себя потерянной.

Зачем только она ввязалась в эту авантюру? Все было так непостижимо и загадочно.

Ее взгляд упал на обои. Рывком она села. Почему она не заметила этого вчера? Лина не поверила своим глазам, когда обнаружила среди старых листов отчет о последней победе своей гандбольной команды. Чуть дальше была приклеена известная статья об аварии, рядом с ней – кулинарный отчет о забегаловке Тони. Она почувствовала, как глаза наполняются слезами, когда обнаружила фотографию Йонаса и Бобби в День святого Николая: маленькая девочка с каре и в клетчатой юбке, а рядом с ней Йонас в роли маленького рыцаря-джедая. Чуть дальше она нашла статью, которая выглядела совершенно новой по сравнению с остальными.

Школьница пропала без вести

Большая поисковая операция в «Зеленом озере»

Четырнадцатилетняя Роберта А. пропала в тренировочном лагере гандбольного клуба в кемпинге «Зеленое озеро», ее нет уже 48 часов. Йонас Р. (14 лет) был свидетелем того, как ученица...

Здесь текст обрывался. Именно в том месте, где были изложены

подробности, над газетной вырезкой приклеилась реклама тостеров. Лина в изумлении записала дату. История появится в газете послезавтра. Она горела желанием узнать, как статья попала на стену. Кто-то хотел ее напугать? Предупредить?

Громкие голоса с улицы приманили Лину к окну. В ярком свете уличных фонарей она узнала рыжеволосую девушку, которая давала указания нескольким охранникам в белых мундирах. Она указала в сторону комнаты Лины. В последний момент Лина спряталась за окно. Теперь она не продержится здесь больше ни секунды. Она не могла ждать, пока Данте заберет ее. Ей нужно было подключение к интернету, немедленно. Ей нужно было выяснить, что там с загадочным сообщением об исчезновении Бобби.

«Контакт с внешним миром регулируется в часовом магазине», – говорил Данте. Возможно, там было что-то вроде Apple Store на площади Веннингера. Даже если магазин закрыт, можно встать перед стеклянным фасадом и подключиться к сети Wi-Fi в любое время дня и ночи.

Лина подождала, пока звуки в коридоре стихнут, прежде чем отважиться выйти наружу. В страхе она увидела, как в этот момент рыжая выходит из лифта. Из темноты коридора показалось два охранника. Есть ли здесь лестница? Она побежала по коридору в противоположном направлении. Там был аварийный выход. В панике Лина едва успела забежать раньше, чем они приблизились.

Обернувшись еще раз, она увидела, как Инес стучится в дверь ее комнаты. Охранники стояли рядом с ней. В ужасе она наблюдала, как здоровый мужчина пинает дверь. Ни колеблясь ни секунды, она убежала.

Доверьтесь мне

Кемпинг не для нее. Еще неделю назад Бобби представляла себе лагерь таким романтичным: лежать под открытым небом, считать звезды вместе с Линой, просчитываться, начинать все заново и при этом медленно проваливаться в сон. Вместо этого она теперь без сна валялась на своей одинокой пенке под пропахшим рыбой потолком палатки. Ледяной ветер дергал тент, земля выдыхала влагу, холод пробирал ее до костей, и еще болела спина. Весь день она ждала темноты, а теперь мысль о том, что Лина где-то там, убивала ее. Бобби сходила с ума от беспокойства.

Снаружи она слышала приглушенные голоса, шорох в траве, шум застежек-молний, которыми водили туда-сюда. В палатке Хлои было оживленно. Йонас и пара призраков проскользнули к девушкам. Ее товарищи по команде пережили ужас ночного похода и теперь забавлялись играми.

Бобби начинала засыпать и тут же снова вздрагивала. Каждый раз требовалось несколько секунд, чтобы тело и разум снова обрели гармонию и она поняла, где находится. На телефоне высвечивалось время. 5.41. На протяжении пятнадцати часов Лина не подавала никаких признаков жизни. Она набрала собственный номер мобильного телефона и тут же услышала сигнал голосовой почты. Села батарея, телефон упал в унитаз, нет связи – существовала сотня веских и безобидных причин для молчания. Но Бобби была готова поставить тысячу на то, что упорное молчание Лины было дурным знаком. А вдруг Лина бродит на морозе? Или ночует в грязном подъезде? А может, нашла убежище у какой-нибудь понимающей бабушки или застряла в сомнительном ночном баре? Что если она столкнулась с людьми, которые плохо с ней обращаются? Людьми, которые цементировали ноги своим противникам, чтобы потом утопить их в реке? Когда наступит подходящее время, чтобы поднять тревогу?

«Сохраняй спокойствие», – непрерывно говорила она себе. Ее мочевого пузырь не успокаивался, а переключился в режим стресса и потребовал немедленного визита в туалет. С трудом вылезая из спального мешка, Бобби поползла к выходу из палатки. Цепкими пальцами она расстегнула молнию между палаткой и тентом, ткань которых была такой же влажной

на ощупь, как и ее одежда.

После походной ночи над лагерем, спящим глубоким сном, висела зловещая тишина. Уже наступал рассвет, по озеру плясали тонкие струйки тумана. Несколько уток носилось по воде, словно муляжи, гамак Йонаса мотался туда-сюда. Он был пустым.

Вода проникала сквозь клетчатые кеды Бобби, когда неуклюжим из-за долгой неподвижности шагом поплелась по большой поляне в сторону туалетов. Утренняя роса покрывала лужайку, как блестящий ковер, бледный свет ложился на траву мягким серым туманом и поглощал яркие цвета палаток. В костре догорали последние угли, на земле спали два ночных дежурных. Бобби вздрогнула, узнав в одном из мальчиков Йонаса. После ночного похода он не достаивал ее взглядом. Бобби обошла по широкой дуге его и его приятеля. Свет от административного здания приветливо мерцал сквозь сумерки. От безукоризненного желто-коричневого плоского здания веяло духом прошлого. Между запыленными пластиковыми пальмами висели фотографии, рассказывающие о прошлых сборах в тренировочных лагерях и о славном чемпионате 2000 года.

– А ты кто у нас? – спросил голос у нее за спиной. – Сова или ранняя пташка?

Бобби съезжилась. Позади нее стоял Гарри Кинг. В руке он нес большой матерчатый мешок, источавший запах свежих булочек. Судя по всему, его уже назначили дежурным лагеря. Бобби автоматически покачала головой. Сколько раз она уже сталкивалась с такой ситуацией, когда он останавливал ее в «Сити-боксе». Но сегодня все было по-другому. Бобби не узнала непринужденного и уверенного в себе человека. Он выглядел смущенным, и ему приходилось подыскивать слова.

– Мне нужно кое-что с тобой обсудить, – нерешительно начал он.

– Что-то случилось с Линой? – выпалила Бобби.

– Об этом я и собирался тебя спросить, – ответил Кинг.

Бобби вздрогнула. Неужели она разболтала уже слишком много? Она прикусила губу, и сердце ее забилося так сильно, что она боялась потерять сознание в любую минуту. За пальмой на стене она заметила дефибриллятор. Если она упадет замертво, можно будет оживить ее несколькими импульсами тока и заставить дать показания.

– Мать Лины прислала мне сегодня ночью СМС, – объяснил Кинг. – Она хотела узнать, не лучше ли Лине. Соне она показалась странной при отъезде.

Полный крах, катастрофа. Что она должна ответить, если, по-видимому, весь мир беспокоится за Лину?

– Где Лина? – спросил Кинг. – Она ушла из дома утром в сторону гандбольного лагеря, а потом...

Взгляд Бобби цеплялся за печальную пластиковую пальму, которая, словно пьяница, криво стояла в цветочном горшке. Ее ногу стоило залить бетоном, как это делали в мафиозных фильмах с предателями. У Бобби снова перед глазами встала эта картина – она определенно смотрела не те фильмы.

– Я знаю, ты хочешь защитить Лину, – продолжал Кинг, – но иногда ложная преданность все только усугубляет.

Бобби перебирала в уме свои варианты. Если ей не придет в голову что-нибудь гениальное, Кинг свяжется с Соней, а может быть, даже с полицией. В бесконечной петле мысли разбегались по ее мозговым извилинам. «Ты обещала Лине» и «Хорошая подруга не раскрывает секретов» боролись с аргументами типа «Может, ей нужна помощь?» и «А что, если с Линой что-то случилось?». Неужели у Бобби вообще был шанс промолчать? Ее ложь была давно раскрыта.

– Она поехала к семье своей матери, – тихо сказала она.

У Кинга расширились глаза.

– Только не сдавайте Лину Соне, – быстро добавила Бобби. – Она не хотела обременять этим тетю.

Разговор затих. Кинг, как ни странно, больше ничего не сказал. Был ли это хороший знак или плохой? Он выглядел задумчивым, скрипя нижней челюстью. Бобби трудно было оценить Кинга. Она всегда до смерти пугалась, когда он останавливал ее у «Сити-бокса». Она боялась его голоса, его напыщенного вида, его жесткой хватки, когда он вытаскивал ее из какого-нибудь угла. И все же он ни разу не сдавал ее Соне. Как будто ему втайне импонировала дерзость этой девушки.

– Я тебя понимаю, – на удивление сказал он. – Я понимаю тебя лучше, чем ты можешь себе представить.

Бобби удивилась внезапному повороту.

– У меня тоже когда-то был лучший друг. Вместе мы были напарниками по всем «первым разам». Первый юношеский чемпионат по гандболу, первая пьянка, первый поцелуй, первый отпуск без родителей, первая девушка. Затем он стал первым мертвецом, которого я увидел. И при этом он только что стал отцом.

Бобби испуганно вздрогнула.

– Знаешь, что хуже всего? – продолжал Кинг. – Я мог бы предотвратить это. Я подозревал, что что-то не так. Он все чаще дергался, вздрагивал при малейшем звуке и постоянно переезжал со своей маленькой семьей. Он вел

себя так, словно дьявол охотился за его душой, – голос Кинга сорвался. – Это не был несчастный случай. Это было убийство.

Он вытащил из заднего кармана брюк бумажник и извлек оттуда потертую фотографию. На снимке были изображены два молодых человека в оранжевых майках своего гандбольного клуба. Слева стоял молодой Гарри Кинг, совсем тощий, с длинными волосами. Его рука лежала на плече его друга детства.

– Томас Фридрих был моим лучшим другом, – сказал он.

Бобби, словно парализованная, смотрела на фотографию. Отец Лины? Он был гандболистом, это было правдой. Вполне возможно, что они одновременно играли в клубе.

– Иногда Томас навещает меня во сне, – продолжал Кинг. – Он бывает мертвенно бледен, а по лбу бежит струйка крови. Он всегда задает мне вопрос: «Почему ты ничего не сделал?»

Он сильно сглотнул. Бобби не сомневалась, что он говорит правду. Но так же, как и в истории, которую она ему только что преподнесла, отсутствовали самые важные кусочки головоломки.

– Почему вы скрывали это? – спросила Бобби.

– Потому что в нужный момент я не поступил правильно, – признался он. – Я не сделал ничего, – задыхаясь, продолжал он. – Я даже не отважился на похороны. Я боялся упреков, вопросов, обвинений. Вместо этого я нанялся на работу на корабле. Кошмары преследовали меня по океанам. Вина прилипла ко мне, как неудача. Когда я нашел в интернете объявление тети Лины, я воспринял это как знак. Я хотел защитить Лину и ее новую семью, потому что не смог защитить Томаса и Рею.

Он погрузился в унылые размышления.

– Я хотел бы повернуть время вспять и стать другом получше, – признался он.

Бобби слишком хорошо понимала внутренний конфликт Гарри Кинга.

– Если это было убийство, у вас есть предположение о том, кто виноват в смерти родителей Лины? – тихо спросила она.

Кинг пожал плечами.

– Томас тут ни при чем, – сказал он. – Это связано с Реей. С чем-то из ее прошлого.

Новость поразила ее, как удар хлыста. Все было в ее руках. Бобби нужно было решить, доверяет ли она Кингу. Она упорно молчала.

– Не будем втягивать ее тетю в это, – пообещал Кинг.

– И полицию, – сказала Бобби. Она ни в коем случае не хотела быть ответственной за то, что Лина попала в беду.

– Обещаю, что улажу все, если ты дашь мне адрес, – сказал Кинг.

– Я хочу пойти с вами, – требовательно ответила Бобби Кингу. Она не стала бы безвозмездно разглашать информацию, которой располагала.

– Ни в коем случае, – сказал Кинг.

– А если она свяжется со мной по дороге? – спросила она.

Кинг явно заколебался.

– Я знаю, куда она собиралась, – сказала Бобби. – Я только не знаю, доехала ли она.

Она сжала губы. Больше информации она не выдаст без обещания, что ей тоже разрешат поехать. Через пять минут она сидела на пассажирском сиденье «Мерседеса» Кинга.

– Куда? – нетерпеливо спросил Кинг.

– Станция Аугустенквелле, – сказала Бобби. Она надеялась, что не ошиблась. Последним, что она увидела перед тем, как спортивная машина свернула со стоянки, было удивленное лицо Йонаса. Было 5.52 утра.

Вот ты где!

Какая странная история. Бобби бесследно исчезла из гандбольного лагеря? Лина пробиралась по ночному городу, неловко уворачиваясь от всех прохожих, отправляющихся в путь ранним утром. Она металась возле часового магазина, пытаясь поймать связь. Даже увидев, что сообщения пришли, она не смогла прослушать их. Что говорил Данте о внешней связи? Здесь, внизу, они отрезаны от мира. Старый завод, как она уже поняла, был своего рода порталом между миром, который она знала, и Невидимым городом. Возможно, ей нужно было вернуться на возвышенность, чтобы иметь возможность связаться с домом.

Лина шла по внешнему городскому кольцу, пока, наконец, не нашла нужные ворота и мост. Датчики бешено мигали, когда она пересекла портал и вышла на гнилой мостик. Клубы тумана, поднявшегося за ночь, висели над рекой. По каменным ступеням она пробиралась на рассвете все дальше вверх, к туннелю. Во время подъема 365 ступеней показались ей гораздо длиннее. На телефоне появилась неяркая полоса и снова исчезла. Она была на верном пути.

Лина была измучена, у нее болели ноги, но она, наконец, добралась до конца лестницы. Машина, которая привезла ее сюда, выглядела еще более разбитой. Три из четырех шин совершенно сдулись. Куда только Данте запропастился? Сможет ли он еще раз привести кого-нибудь в Невидимый город? Она обернулась. Перед ее глазами развернулось странное зрелище. Огромная стена тумана катилась по долине. Облака кружились над холмами, скучивались на улицах, заставляя ярко-красные дома гостиничного ряда исчезать, оставалось только белое ничто. Последняя белая волна поглотила Купол. Невидимый город исчез в густом тумане. Ничто больше не указывало на то, что там, внизу, лежало самое странное место, которое она когда-либо видела в жизни. Обернувшись, она увидела в сумерках молодого дня холм со зданием завода и высокой дымовой трубой. Словно крепость, сооружение возвышалось над утренней дымкой. Она проверила телефон. Ничего. Чертова техника.

Добравшись до стоянки такси, она нигде не обнаружила входа в туннель. Вокруг нее простирались лишь бесплодные дебри. Откуда-то же

они должны были прийти. Лину взбесило то, что она была без сознания во время перехода. Она вспомнила, что сказал Данте: «В первый раз невозможно добраться туда самостоятельно. Поэтому такси».

Это ведь означало, что где-то должна быть тропа, по которой можно вернуться без машины. Где-то в ней скрывалось какое-то тайное знание, которое предстояло пробудить. Но как? Даже внутренние голоса не подсказывали, как ей выбраться из этого промежуточного мира. Если чистая логика дала сбой, то, возможно, подсознание выдаст ответ. Она закрыла глаза и осторожно начала переставлять ноги. Шелестела сухая трава, кусты протягивали к ней свои колючие ветви, прогнивший пенёк уступил под ее тяжестью. Она споткнулась и упала. Когда она открыла глаза, то заметила, что намного ближе подошла к отвесной скале. За спиной она почувствовала холодное дуновение ветра. В ужасе она обернулась. Пройдя еще несколько метров, она обнаружила огромные серые стальные ворота, которые со скрипом открылись, открывая доступ к туннелю. Был ли это правильный путь? Внутрь скалы? Лина глубоко вдохнула и робко шагнула в полумрак. Земля была влажной и обваливалась при каждом шаге. Ноги утопали в грязи, как в болоте, словно почва хотела поглотить Лину. С каждым шагом в коридоре становилось немного темнее и теснее. Наконец, остались только ее дыхание и окутавшая ее полная чернота. Пот выступил на спине. С осторожностью Лина нащупала стены. Поверхность была шершавой и холодной, время от времени она ощущала мох и холодную воду. Внезапно стало некуда идти. Как будто скала обступила ее сразу со всех сторон. Какой безумной идеей было войти в этот тоннель. Как ей теперь найти дорогу назад? Ее руки панически искали выход и нашли лаз на уровне земли. Тоннель заставил ее опуститься на колени. На четвереньках она поползла дальше, вверх, сначала с легким уклоном, потом все круче и круче. Был ли это хороший знак? Она изо всех сил старалась не поскользнуться на скользкой земле. Сердце стучало в горле. Воздух стал таким затхлым, что у нее закружилась голова. Все вокруг нее закружилось. Была ли у нее вообще еще земля под ногами? Точно так же чувствовала себя Лина, когда ехала в машине. Незадолго до того, как потеряла сознание. С отчаянием пыталась не упасть в обморок. Внезапно что-то изменилось. Вместо холодной скалы ее пальцы нащупали кирпичи. Здесь была стена, которая внезапно появилась перед ней. Тут же она снова смогла встать. Перед ней плясали точки света. Подойдя ближе, она поняла, что в деревянной двери были выбоины. Она толкнула дверь и оказалась в захлавленном темном подвале. В заброшенных отсеках стояли развалившиеся трехъярусные койки, сколоченные из простых досок.

Крошечные люки обеспечивали свежий воздух и приток света. Что это? Какая-то тюрьма? В конце коридора она увидела ржавую стальную дверь. Она не была заперта, только чересчур тяжеловата, когда Лина изо всех сил толкнула ее. С удивлением она огляделась. Она стояла в огромном производственном зале старого завода. Когда она повернулась, дверь за ней исчезла.

Фальшивые друзья

– Еще что-нибудь новенькое? – спросил Кинг. Бобби покачала головой. Она крепко сжимала телефон в надежде, что в любую минуту может прийти спасительное сообщение. В сотый раз она смотрела на последние признаки жизни Лины: фотография-селфи изображала ее вместе со взятым напрокат велосипедом на вокзале Аугустенквелле перед кривым знаком, указывавшим, в каком направлении находится «Совиная нора». Ее лоб был нахмурен, а плечи напряжены, словно она хотела заползти в свою куртку. С высоким воротником и платком на шее она противостояла кусачему ветру, заставлявшему деревья на заднем плане благоговейно кланяться. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, она подняла вверх большой палец.

Бобби попыталась прочесть тайное послание в выражении лица Лины. Она выглядела испуганной? Встревоженной? Что-то подозрительное отразилось в оконных стеклах заброшенной вокзальной станции? Могла ли она что-нибудь узнать по номеру велосипеда, который красовался спереди на стойке?

На заре «Мерседес» приблизился по проселочной грунтовой дороге к вокзалу Аугустенквелле.

– Стойте, – крикнула Бобби. – Здесь что-то есть!

Кинг надавил на тормоз. Бобби выскочила из машины. В придорожной канаве она обнаружила взятый напрокат велосипед Лины, отличительный платок все еще был обмотан вокруг руля. Пораженно смотрела она на пленку в колесе, вокруг на километры не было никакого человеческого жилья. Бобби представила себе, какой потерянной должна была чувствовать себя Лина.

– Как она может быть такой легкомысленной? – сердито ругался Кинг. – Почему она не доверилась ни одному взрослому?

Бобби защитила подругу:

– Кому же? Ее тетя сделала все, чтобы оставить Лину в неведении о своем прошлом.

Взгляд Кинга блуждал по пустынным полям и холмам. Утренний туман висел над пахотными бороздами, в небе кружил орел.

– Что бы ты сделала на ее месте? – спросил он.

– Дайте мне осмотреться, – сказала Бобби, указывая на возвышенность со старым промышленным сооружением.

Солнце припекало, когда «Мерседес» несся по поворотам в сторону завода мимо многочисленных предупреждающих знаков. *«Нет поворота»*. *«Тупик»*. *«Внимание, опасно для жизни»*. У обочины Кинг остановил машину. Здесь на машине было дальше не проехать. Металлическая решетка выглядела так, словно ее уже десятки раз сносили, а потом снова крепили новой проволокой. Но она не сдвигалась ни на сантиметр. Бобби вышла из машины. С любопытством она пробежала вдоль метрового забора, пока не обнаружила дыру, достаточно большую, чтобы протиснуться в нее. Перед ней располагался большой завод. Высокая дымовая труба напоминала о тех днях, когда машины еще работали на угле. Теперь растения отвоевали себе здесь место. Зеленый плющ прижался к рыхлым наружным стенам. Окно едва не треснуло. Выветренная надпись: *«Часовой завод «Клок и сыновья»* раскрывала прежнее назначение вытянутого здания из клинкерного кирпича. На помятой стальной двери виднелся бледный логотип: стилизованная сова, чьи глаза и тело состояли из шестеренок, а указатель символизировал клюв. Нигде не было видно механизма, открывающего двери.

– Лина? Ты здесь? – воскликнула Бобби.

Она повернулась к Кингу, который фотографировал надпись и отслоившийся рисунок. Как только он мог тратить на это время?

– Возможно, она спала здесь сегодня ночью, – сказала Бобби.

– Тебе лучше остаться у машины, – распорядился Кинг. – Такая промышленная развалина – это смертельная ловушка. Я никогда не прощу себя, если с тобой что-то случится.

Не обращая внимания на его предупреждение, Бобби поспешила дальше. Она не позволит остановить ее поиски Лины. В нескольких метрах от стальных ворот она нашла дверь поменьше, на которой таблички предупреждали незваных посетителей: *«Входить запрещено. Опасность обрушения»*. Бобби подергала за ржавую защелку, и та неохотно поддалась. Дверь на фабрику со скрипом открылась. Бобби вздохнула. Высокий производственный цех принимал их, как собор. В десяти метрах возвышались огромные, хотя и по большей части разрушенные стеклянные фасады. Через поврежденную крышу во многих местах открывался вид на небо. В помещении висел запах брошенных старых машин и масла. Солнце преломлялось в разбитых стеклах, погрузив старый цех в волшебные сумерки. Бобби казалось, что она слышит негромкие голоса рабочих,

которые доносились до нее сквозь десятилетия. Или это был всего лишь ветер, завывающий сквозь окна и фасады?

– Лина? – крикнула она. Ее голос отозвался эхом.

Одна из нас

Лина подняла голову. Послышался ли ей голос? Бобби? Ее воображение, тоска и беспокойство сыграли злую шутку. В раздражении двинулась она по большому производственному цеху. Пол был покрыт старыми книгами, осколками и обугленной мебелью. На стенах светились разноцветные граффити.

Забытые предметы рассказывали о людях, которые входили и выходили сюда: покореженная жестяная кастрюля, старый фартук, новенький клетчатый детский ботинок. У Лины чуть не остановилось сердце. Сколько раз она проходила мимо витрины обувного магазина с Бобби, прежде чем подруга достаточно накопила, чтобы позволить себе дорогую пару? Последний раз она надевала эти ботинки по дороге в летний лагерь.

С выходом в реальный мир хор голосов, сдерживаемый Невидимым городом, грянул во всю мощь. «Мне здесь совсем не нравится. Здесь что-то не так», – визжали одни. «Беги отсюда», – кричали другие. Лина не слушала их.

Где-то раздался металлический звук двери, закрывшейся на замок. Издалека доносились шаги на заброшенной часовой фабрике, с хрустом кто-то ступал по обломкам рухнувших стен и разбитых стекол. Она была уже не одна.

– Бобби, – позвала она. – Бобби?

Как ей найти подругу в бесконечном лабиринте производственных площадок, коридоров и офисов? Она потянулась к телефону и набрала собственный номер. Откуда-то издалека, где-то высоко над ее головой, в пустом зале заиграл знакомый рингтон. Бобби! Она, должно быть, здесь! Но почему она не взяла трубку? Это ловушка? Что это может значить?

Стальная лестница вела на верхние этажи. Осторожно поставила она ногу на изъеденные ржавчиной ступеньки. При каждом шаге лестница стонала под ее весом. Напряженно Лина пробиралась по разрушенным комнатам бывших офисов. Обвалившиеся балки крыши образовывали полосу препятствий. Там, где раньше когда-то было главное отделение завода, теперь росло дерево с середины второго этажа до верхнего. Через пару лет оно прорвет остальную часть крыши и сорвет ее с крепления.

Осколки черепицы хрустели под подошвами ботинок Лины. Острый край вонзился в кожу. Ветер сорвал кровлю. Чудовищный изъеденный древесными червями дубовый стол и старый кусок ковра свидетельствовали о том, что здесь когда-то, должно быть, восседал важный управленец завода. Внушительный стеклянный фасад открывал великолепный вид на крутой склон и зияющую пропасть. Лежал ли там, внизу где-то, Невидимый город?

Внезапно резкий стук. Со спины. Она обернулась. Нечто черное задело ее на большой скорости. Лина испуганно вздрогнула, но потом поняла, что это всего лишь летучая мышь, пролетевшая мимо нее. Одна из многих, как она невесело заметила. Маленькие зверьки ютились в заброшенных комнатах. Когда она вновь обернулась, ее взгляд наткнулся на улыбающееся лицо Гарри Кинга.

– Лина, наконец-то, – сказал он.

Лина была удивлена, но и в то же время рада увидеть знакомое лицо. Казалось, что это было так давно.

– Что вы тут делаете? Бобби с вами?

– Мы так беспокоились о тебе, – сказал он. – Мы все, – в его голосе звучали облегчение и радость.

– Где Бобби?

– Она в безопасности, – сказал Кинг. – В отличие от тебя.

Лина неподвижно застыла на месте. Она не знала, как относиться к неожиданному появлению охранника.

– Речь идет о твоих родителях, – добавил Кинг.

Он вытащил из бумажника фотографию и положил ее на стол, как приманку. Лина колебалась между недоверием и любопытством. Бобби была единственным человеком, который знал о ее миссии. Должно быть, она привела его сюда. На всякий случай она осталась стоять на месте.

– Я был лучшим другом Томаса, – сказал Кинг. – Я был там, когда он познакомился с твоей матерью.

Лина не двигалась с места. Друг ее отца? С каких пор? О чем он говорил? И что с Бобби? Ее взгляд нервно скользил по комнате. Почему она прячется?

– У меня те же вопросы, что и у тебя, Лина, – настаивал Кинг. – Я хочу помочь тебе разобраться в той аварии. Но я могу сделать это только в том случае, если мы будем сотрудничать. Я расскажу тебе все, что знаю. А ты расскажешь мне все, что выяснила.

– Сначала я хочу поговорить с Бобби, – сказала Лина.

– Ты должна держаться подальше от своей подруги, – сказал Кинг. –

Мы имеем дело с людьми, которые ничего не боятся. Чем меньше она знает, тем в большей безопасности находится.

Ничто из того, что говорил Кинг, не имело смысла. Глаза Лины искали выход. За ней был стеклянный фасад, слева – стена, а справа в фасаде зияла огромная дыра. Кинг заблокировал единственный выход. Его взгляд упал на хронометр, который она носила на запястье.

Кинг направился к ней. Шаг за шагом. Камни потрескивали под его кроссовками.

– Мы можем победить, только если будем работать вместе.

Лина инстинктивно отпрянула. За ее спиной было окно. Кинг подходил все ближе и ближе, но Лина была не в силах пошевелиться.

– Пойдем в «Совиную нору» и спокойно там поговорим, – предложил Кинг. Одно упоминание этого названия заставило ее вздрогнуть. Знал ли он о существовании Невидимого города?

– Откуда вы знаете про «Совиную нору?» – спросила она. – Вы были там раньше?

Молниеносным движением Гарри Кинг попытался схватить ее за руку. В последний момент чья-то рука потянула ее прочь. Данте! Словно из ниоткуда он появился рядом с ней и отбросил ее в сторону. На долю секунды она увидела его глаза: голубой и зеленый. Его дружелюбный взгляд принес ощущение дома.

– Нам нужно выбираться отсюда, – прошептал он. Его голос дрогнул. Перед взором Кинга обычно такой уверенный в себе парень выглядел искренне обеспокоенным.

– Вижу, ты уже завела друзей, – сказал Кинг. – Он может пойти с нами. Возможно, он сможет заполнить несколько пробелов в истории.

Было ли это дружеское приглашение? Или угроза? Внезапно Лина заметила свежие раны на его руке. Это были царапины? Несколько капель крови упали на пол. Что произошло здесь, в зале?

– Такси испустило дух, – крикнул ей Данте. – На этот раз тебе придется прыгать.

– Лина, виновники того происшествия прячутся в тайном месте. Ты доверяешь не тем людям, – предупредил Кинг.

– Не слушай его, – сказал Данте.

Его глаза сверкали такой яростью, что разница в их цвете была едва заметна.

Голоса в голове Лины завизжали настолько громко, что трудно было сосредоточиться: «Подумай о рыжеволосой девушке. Что она делала в твоей комнате? Они ненавидят твою мать. По какой-то причине. И кому ты

хочешь доверять?»

– Положи указательный и средний палец на часы, – прошептал Данте.

– Что с Бобби? – с сомнением спросила Лина.

Клетчатый ботинок, мелодия звонка – она же не вообразила все это.

Кинг, слишком хорошо чувствующавший сомнения Лины, разыграл свой последний козырь.

– Твоя подруга наверняка будет очень огорчена, если узнает, что ты ее не дождалась.

– Он лжет, – сказал Данте.

– Я не могу оставить ее одну, – прошептала ему Лина.

– Об этом мы позаботимся позже, – настаивал Данте. – Надо уходить.

Кинг потерял терпение. Он схватил с пола прут.

– Хронометр, – сказал он. – Ты же не хочешь, чтобы с Бобби что-то случилось.

Кинг открыто угрожал. Он больше не пытался скрывать свои истинные намерения за маской доброты.

Положить указательный и средний палец на часы? Дрожащими руками она сделала так, как велел ей Данте. Хронометр засветился на ее запястье. Стрелки дико закружились. Как будто ее часы общались с часами Данте.

– Прыгай, – прошептал Данте. – Надо прыгать.

Прыгать? О чем это Данте говорит? Он это не серьезно. Осторожно Лина посмотрела вниз. Бездна зияла под ней. До земли было не меньше двадцати пяти метров. Один-единственный раз в жизни она прыгнула с пятиметровой башни. Ей не понравилось.

– Ты с ума сошел?

– Разве ты не понимаешь, что он тобой манипулирует? – сказал Кинг. – Он один из тех людей, которые виновны в гибели твоих родителей.

– Тебе нужно сосредоточиться, – крикнул Данте. – Отодвинь все мысли в сторону.

Сосредоточиться? А как? На чем?

– Представь что-нибудь. Картинку. Место, где очень хотела бы находиться.

Впереди угрожающий Кинг, сзади – пропасть.

– Это безумие.

– Отпусти себя, – сказал Данте.

Она вспомнила первый тренировочный лагерь, где они играли в игру на доверие. Нужно было падать назад, надеясь, что кто-то из товарищей по команде встанет за спиной и поймает.

«Дело не в том, чтобы взвешивать опасности, – сказал тогда тренер. –

Дело в слепом доверии».

Ее внутренние голоса только захныкали. Кровь шумела в ушах, пульс стучал, руки расслабились, и она, не сгибаясь, как доска, откинулась назад. Зачем она вышла из хостела в одиночку? Почему она не позволила себе сесть в одно из кресел-тачек, срывать со стен фрукты и дожидаться, пока другие возьмут все в свои руки? Она услышала, как вскрикнула сама. Или это Гарри Кинг издал какой-то первобытный крик? Она заметила его распахнутые глаза, панику во взгляде, открытый рот, руки на лысой голове, прежде чем все исчезло.

Сколько раз ей хотелось взлететь высоко в облака. Теперь ей хотелось только земли под ногами.

«Оставайся в сознании, Лина, – говорил голос в ее голове. – Ты должна быть в сознании», – голос казался таким же, как у Данте, но его нигде не было видно.

Словно рыба в воде, плыла она в невесомости между здесь и сейчас, вчера и сегодня, жизнью и смертью. Падение в великое пустое ничто. Она погрузилась в глубину, а может быть, и в себя. Ощущение было как в барабане стиральной машины, работающей в замедленном темпе, создающем все новые и новые образы.

– Лина, – позвал голос. Он принадлежал Бобби. Она видела, как подруга вышла из «Мерседеса» Кинга перед старым заводом. Увидела, как та подошла к воротам зала. Как Кинг фотографировал блеклый логотип. С трудом узнала она сову, составленную из шестеренок часов.

– Возможно, она спала здесь сегодня ночью, – услышала она странно искаженный голос Бобби, доносившийся к ней из другой реальности.

– Тебе лучше остаться у машины, – голос Кинга эхом разнесся по времени и пространству. – Такая промышленная развалина – это смертельная ловушка. Я никогда не прощу себя, если с тобой что-то случится.

– Берегись, Бобби, – хотела крикнуть Лина. Голос ее не слушался. Беспомощно гребла она руками и ногами, нигде не находя опоры.

– Лина, – позвала Бобби. Она открыла маленькую дверь и хотела пройти дальше на завод, когда сзади кто-то закрыл рукой ее нос и рот. Другой рукой Кинг крепко обхватил ее. Лина словно почувствовала едкий, неприятно сладковатый запах, затуманивший голову подруги. У нее перехватило дыхание, она хотела закричать, но ни один звук не вырвался из ее горла. Она увидела, как ногти Бобби вонзились в кожу Кинга, оставив кровавые царапины. Бобби пиналась, брыкалась, сопротивлялась хватке, пока силы не покинули ее. Кинг ослабил хватку. Бобби потеряла сознание.

Лина хотела броситься к ней, вмешаться, но не могла ничем помочь. Она беспомощно наблюдала, как Кинг укладывает Бобби в багажник. Потом картинка изменилась. Она увидела, как Бобби возится с числами в своей детской комнате, как она мчится по коридорам «Сити-бокса». В бесконечной петле Бобби протягивала ей бутерброд, пока он не исчезал, а на столе не оказывалась ее старая школьная сумка. Ее жизнь пролетала мимо нее в обратном порядке? Неужели она провалилась в собственную историю?

А затем был только свет, нежное разноцветное сияние. Сотни огоньков плясали вокруг нее, как маленькие эльфы. Она попала на небеса? Была ли она мертва? Ветер прохладно ласкал ее щеку. Она чувствовала себя так, словно приземлилась внутрь маршмеллоу. Все было мягким, податливым, каждое движение было медлительным. С трудом Лина открыла глаза. Прошло некоторое время, прежде чем ей удалось сфокусировать взгляд.

Данте махал перед ней листком бумаги. Она подняла гудящую голову. Мигающие лампочки оказались гирляндой на елке. Серебряные шишки, расписные колокольчики и золотые звезды сияли в ветвях величественного дерева. В шарах дюжинами отражалось красным, синим, серебряным и золотым ее ошарашенное лицо. В раю всегда было Рождество? Но почему небо было похоже на фойе ее хостела? Планировка комнаты была такой же, только обстановка изменилась за одну ночь. Модная самодельная мебель исчезла. Вместо нее вестибюль украшали пышные цветочные диваны и низкие столики. Даже техническое оборудование дышало ароматом вчерашнего дня. Телефон со шнуром, компьютер на стойке регистрации, огромный ревущий телевизор – все это пережитки электронного каменного века.

Пахло корицей, гвоздикой, глинтвейном, еловой зеленью и воском свечи. Возле елки торжествующий Данте ждал, когда она придет в себя.

– Молодец, – сказал он.

Лина с трудом поднялась.

– Где Бобби? – выкрикнула она. – Нужно позаботиться о Бобби. Она в машине. Я видела это. Своими глазами.

– Она в порядке, – сказал Данте. – Она спокойно лежит в своей постели. Дома.

Лина с любопытством посмотрела на него. Могла ли она верить ему?

– Кто ты? Какой-то супергерой? – спросила она.

Данте покачал головой.

– Супергерои – это те, кто в колготках, – сказал он.

Лина, все еще ошеломленная, уставилась на него безучастным

взглядом.

– Ты никогда не замечала, сколько супергероев носят колготки? – сказал он. – Я всегда задавался вопросом, зачем. Из-за попутного ветра во время полета? Потому что носки сползают вниз? Или супергерои постоянно простужаются?

– Если ты не супергерой, то кто же ты?

– Мы – путешественники во времени, – объяснил Данте. – И ты одна из нас. Как и твоя мать.

Лина ошеломленно смотрела на своего эксцентричного спутника. О чем это он?

– Мы оказались здесь, потому что твои мысли направили тебя сюда. И дата на твоём хронометре.

– Ерунда какая-то.

– Мы живем на голубой планете, вращающейся вокруг огненного шара, находящейся рядом с луной, способной управлять морем. Если это так, то почему бы не путешествовать во времени?

Вне времени

Лина бросилась наружу. Неужели она оказалась в другом времени? Ветер вырвал дверь из рук Лины. Ледяной воздух ударил ей в лицо, дыхание перехватило. Еще до того, как она поняла, что с ней происходит, у нее онемели ноги. В следующее мгновение пронсящийся мимо снегоочиститель обрушил на нее дождь из мокрого снега. Она с удивлением огляделась. За те несколько часов, что она отсутствовала, зима пришла в Невидимый город. Толстое белое одеяло накрыло мостовую. Женщина в летней одежде неумоимо стряхивала с тротуаров свежий снег, движение ползло по обледенелой дороге. Приход зимы сбавил темп города. Эркеры были освещены рождественскими гирляндами, перед супермаркетом стояла импровизированная елка из зеленых коробок с яйцами. Торговец разливал глинтвейн. В футболке!

– Сколько я пролежала в фойе? – удивилась Лина и потеряла пятую точку. Видимо, она поскользнулась на ледяном покрытии.

– Две минуты, – сказал Данте. – Неплохо для первого самостоятельного путешествия.

Ничто из этого не имело смысла.

– С чего вдруг Рождество? – спросила она.

– Здесь время меняется так же быстро, как в других местах погода, – объяснил Данте. – К этому привыкаешь.

Лина все еще не могла в это поверить. Пока она дрожала, Данте, казалось, не волновало падение температуры. Как и все остальные, он был одет совершенно неподходяще для погоды. Они все были невосприимчивы к холоду?

– Какое сегодня число? – спросила она проходящую мимо женщину, похожую на русалку с ногами. На ней было вечернее платье длиной до пола, без рукавов, с сине-зелеными мерцающими блестками. На вопрос Лины она разразилась звонким смехом.

– Ты должна сама выполнять свою работу, юная леди, – сказала она.

Лина удивилась. С каких это пор дата имела какое-то отношение к работе? У женщины был странный ход мыслей. Иначе зачем бы она шла по зимней улице в вечернем платье? Данте не беспокоило поведение

женщины.

– Она только что вернулась с задания, – объяснил он ее наряд. – Берлин 1922. Молодая певица была застрелена на сцене. Теперь она хочет знать, сработала ли ее стратегия.

Стратегия? Прежде чем Лина успела задать еще один вопрос, Данте потащил ее за собой через улицу, в лавку с газетами и журналами. В удивительно просторном магазинчике были сложены метровые газеты, некоторые новые, некоторые уже совсем пожелтевшие. Данте порылся в стопке, пока не нашел берлинскую газету от 04.05.1922.

– *«Певица Мими Виз пережила покушение. Чудо из немецкого театра»*, – прочитала Лина.

Отложив газету, она заметила, что другая газета под ней возвещает о конце войны 1945 года, еще под ней, в свою очередь, скрывалась газета железнодорожников 1845 года и экземпляр «Браво» 1977 года с частью постера группы «АББА». Что это все значит? Рядом красовалась газета *Süddeutsche Zeitung* от 12 сентября 2001 года, рассказывающая о террористической атаке на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке. Лина заинтригованно бродила по магазинчику. Газеты, предлагаемые здесь, были самых разных эпох, времен года и областей. В переполненных сводках новостей находились обрывки абзацев. Дома все читали газеты на электронных устройствах. Жители Невидимого города, напротив, были без ума от осязаемых документов давно минувших времен. Даже празднично одетая дама. Она выхватила газету из рук Лины.

– Это чудо – это мы, – объяснил Данте.

– Эта женщина из 1922 года?

Лина огляделась. Внезапно все эти безумства приобрели смысл.

– У этих людей в странной одежде есть задания в прошлом? – удивленно спросила она.

– Что в этом такого удивительного? Мы только что были в настоящем. А затем прыгнули. В дату, которую указал твой хронометр.

– Ладно. Допустим, это правда. А как я тогда определяю место? – спросила Лина.

– Навигация осуществляется с помощью твоих мыслей, – объяснил Данте. – Этому надо научиться.

Неудивительно, что они оказались здесь. Она вспомнила последнюю предельно ясную мысль. «Почему я не позволила себе сесть в одно из кресел-тачек и срывать со стен фрукты?»

– Я перенеслась сюда? С помощью хронометра?

Данте кивнул.

– Но учти, – произнес он, – нужно еще многому научиться. Путешествовать во времени не всегда так просто...

Лина почти не слышала его. Море возможностей разворачивалось перед ее внутренним взором.

– Могу я еще раз написать биологию? Стереть из своей жизни все неловкие моменты? Предсказать завтрашние лотерейные номера? Могу ли я убить Гитлера?

У нее едва не сорвался голос.

– Ты не можешь перемещаться так свободно, как думаешь, – предупредил Данте.

Воображение Лины захватило ее. Мысль о путешествии во времени была невероятной, но бесконечно соблазнительной.

– Если я захочу, то смогу познакомиться с Иисусом? Или отправиться в начало времен и лично посмотреть, кто создал Землю? На обратном пути я возьму с собой в качестве напоминания маленького динозаврика. Чтобы доказать всем, что я действительно была там.

– Первый урок, которому мы учимся, – секретность, – сказал Данте.

Лина предпочитала представлять возможности, открывавшиеся ей как путешественнику во времени.

– Или полечу в Древний Египет и спрошу, как они построили пирамиды и что написано на их табличках. Затем я сниму об этом видео на YouTube, что сделает меня всемирно известной. Все будут считать меня гением, и мне больше никогда не придется ходить в школу. Я разгадаю величайшие загадки мировой истории, найду все сокровища, когда-либо зарытые и забытые, и раскрою каждое нераскрытое убийство.

Она вздрогнула, осознав, что только что так легкомысленно произнесла.

– Сегодня 31 декабря 2006 года? – спросила она.

Данте кивнул.

– Временно.

– Могу я подъехать к старому таможенному мосту? – спросила она. – На место аварии?

Данте энергично покачал головой.

– Вмешательство в собственную биографию только для профессионалов.

– Но я могу отправиться в прошлое и познакомиться с родителями? – спросила Лина.

Данте схватил ее за руки.

– Не делай этого, Лина. Прошу тебя. Ты подвергнешь себя и других

опасности.

В его раскрасневшихся глазах она прочла искреннюю заботу. Чувство, которое вызвало в ней его прикосновение, смутило ее. На это у нее сейчас не было времени.

Лина убрала руки.

– Мы должны немедленно вернуться, – твердо сказала она. – Нужно найти Бобби.

Данте улыбнулся.

– Сейчас 31 декабря 2006 года, – сказал он. – Она в безопасности. На ближайšie двенадцать лет.

Дальше он объяснять ничего не стал.

– Хранительница времени хочет с вами поговорить. Сегодня вечером. С вами двумя, – произнес голос.

Перед ними встала девушка с растрепанными короткими рыжими волосами. Данте и Лина отошли друг от друга. Глаза девушки подозрительно метались между ними. Ее поза выражала враждебность.

Магазин часов

Под покровом темноты Данте и Лина шагали по заснеженному городу к часовому магазину. Снежинки танцевали перед их лицами. В свете уличных фонарей блестела обледеневшая дорога, воздух был колючим от холода. На крышах домов и эркерах росли сосульки. Тогда как Данте не беспокоила температура, мороз болезненно проникал в конечности Лины. Хруст ее ботинок по снегу наглядно свидетельствовал о том, что температура опустилась ниже нуля. Странная тишина накрыла город. Было приятно молча шагать рядом с Данте по зимнему пейзажу.

Подойдя к магазину часов, Данте приложил запястье Лины с часами к табличке «*Завтра. Возможно*». Дверь гулко распахнулась, магазинный колокольчик заиграл знакомую с детства мелодию музыкальной игрушки.

– Добро пожаловать в «*Агентство ударов судьбы*», – сказал Данте.

Лина с любопытством подошла ближе. За входной дверью оказалась удивительно маленькая комнатка. У безукоризненной стойки регистрации дежурили два скучающих охранника в униформе. Три двери вели из магазина часов в здание. Инстинктивно Лина подошла к большой створчатой двери в задней части, защищенной шлюзом. Подобно лифту, сканер обеспечивал доступ только уполномоченным лицам. Когда Лина вошла внутрь, вспыхнул красный свет, раздался сигнал тревоги. Еще до того, как охранники успели отреагировать, Данте оттащил ее прочь.

– Это вход прямо в Купол, – сказал Данте. – Туда можно заходить только по особому разрешению.

Лина вопросительно посмотрела на него.

– В Куполе контролируются все операции. Это зона строгого режима, – продолжал объяснять Данте. – Справа – отдел ревизии. Надо подождать в библиотеке, она слева.

Он потащил ее дальше. За не приметной дверью открылся дворец света, четыре метра в ширину и пять в высоту, который, казалось, тянулся бесконечно. Передние полки слева были угловатыми, как и здание, полки справа шли изящным кругом. Они, видимо, образовывали внешнюю стену Купола. По обеим сторонам от пола до потолка возвышались мощные стеллажи. На прозрачных полках хранилось бесконечное количество книг.

Но это были не обычные экземпляры. Подойдя ближе, она поняла, что книги сделаны из стекла. Они не стояли в своих отсеках, а парили в них, тесно прижавшись друг к другу.

– Сколько их? – удивленно спросила она.

Данте пожал плечами.

– Тысячи. Миллионы. Библиотека и отдел ревизии окружают Купол. Весь внутренний восьмиугольник заполнен ими.

При ближайшем рассмотрении на корешках стеклянных книг красовались не названия, а голограммы. В стекле мерцали трехмерные портретные фотографии людей. Наглядные образы казались такими живыми, словно Лина попала во вселенную миниатюрных людей. В воздухе повис какой-то необъяснимый приглушенный гул. Волна грусти захлестнула Лину. Ни один из этих людей, бестелесных и в то же время таких настоящих, не излучал счастье, радость или даже просто удовлетворение.

– Они смотрят на меня так, словно чего-то ждут, – испуганно прошептала Лина.

– Каждая голограмма символизирует дело, которым занимается агентство, – объяснил Данте. – Мы пытаемся помочь людям, с которыми судьба обошлась слишком безжалостно.

Он указал на одну из книг.

– Минна Симонс, единственная выжившая после пожара в доме в 1656 году. Пекарь по соседству рассыпал уголь на чердаке, который еще не полностью погас. Вся семья была уничтожена одним махом. Шестилетняя девочка осталась сиротой. Для Минны это ничем хорошим не закончилось.

Постепенно в голове у Лины сложилась картина: значит, магазин часов собирал несправедливости этого мира. Рядом с сиротой из-за пожара, как объяснил Данте, стояло дело шестнадцатилетней девушки, которая оказалась ведьмой на костре, потому что была знакома с травами и их целебными свойствами. Сбоку от нее высветилось лицо пожилого человека, который в 1996 году спас маленького мальчика и его собаку из ледяной проруби, а сам при этом утонул.

Так называемый магазин часов был ультрасовременной научной лабораторией. Лина вспомнила коллекции Бобби – только здесь хранились не камни, не образцы земли или крабов, а истории людей. Лина содрогалась от жестокости ударов судьбы, обрушившихся на них. Чем дольше она находилась в часовом магазине, тем больше понимала, что гул – это не что иное, как хаос тысячи голосов, висящих в воздухе, как смутное воспоминание. Здесь лавина, захлестнувшая туристов, там крушение

корабля, наводнение, дорожные происшествия, случайное самоубийство.

– Молния никогда не бьет туда, куда нужно, – сказал Данте. – А иногда судьба бывает особенно жестока и портит даже самых хороших людей. Мы путешествуем во времени и исправляем его там, где судьба свершила слишком суровое наказание. Магазин часов не продает часы, а переводит часы жизни людей назад.

Лина с любопытством бродила по длинным коридорам стеклянного дворца. Десять метров, двадцать, двадцать пять. Она испугалась, когда вдруг обнаружила на книжном корешке портрет своего отца.

– Томас был у нас постоянным клиентом, – объяснил Данте. – Нам приходилось несколько раз присматривать за ним. Еще в детстве он сам мастерил ракеты. Чудо, что он отметил совершеннолетие со всеми пальцами. Он всегда жил и рисковал немного смелее, чем все остальные.

– Можно мне? – спросила Лина.

Данте покачал головой.

– Надо идти дальше.

Но Лина не смогла устоять перед искушением. Она вытащила стеклянную книгу. От нее веяло ледяным холодом и смертью. Когда она приподняла обложку, наружу вырвался сильный едкий запах.

– Это его лосьон после бритья, – сказала Лина, не понимая, из каких глубин ее мозга вырвалась эта уверенность. – Он стоял у нас в ванной. Красная бутылочка.

– Хранительница времени ждет нас, – сказал Данте. Его голос звучал не очень убедительно. Судя по всему, он мог понять ее желание разобраться в собственной истории. Лина не в силах была выпустить книгу из рук. Всю жизнь ее терзало то, что воспоминания о ее родителях были похоронены. Здесь представилась возможность окунуться в жизнь Томаса.

– Каждый человек заслуживает того, чтобы знать свои корни, – сказала она.

Вызывающе распахнула она книгу. Несмотря на ее стеклянную структуру, это было легко. К ее удивлению, перед ней предстал не текст, а фильм. Кадрыплыли перед ней, как голограмма. Очень близко – и все же из далекого мира. Она сразу же узнала местность.

– Это спортивный зал, – восторженно воскликнула она.

Данте переступил с ноги на ногу. Она чувствовала его беспокойство и все же не могла отвести взгляд от картинки. Ее сердце радостно забилося, когда она узнала отца. Он взобрался на крышу спортивного зала, чтобы повесить огромное натяжное полотно, которое возвещало всему миру, что его команда стала чемпионом Германии в 2000 году. Эта победа до сих пор

считалась легендарной в клубе. Туловище Томаса опасно свесилось над водосточным желобом, пока он закреплял одну сторону натяжного полотна. У Лины от увиденного уже закружилась голова. Она была не единственной, кто заметил, что Томас играет со своей жизнью.

– Кем ты себя возомнил? Человеком-пауком? – воскликнул взволнованный голос, выражающий то, что чувствовала Лина. Спустя мгновение на картинке появился молодой Гарри Кинг. Он был одет точно в ту же одежду, что и на фотографии, которую Кинг показал ей на заводе. В 2000 году он был не более чем неуверенным мальчиком со стрижкой под горшок.

– Это безумие, – воскликнул он. – Слезай немедленно.

Пока Кинг осторожно передвигался по крыше, Томас сильно рисковал. Одно неверное движение, кусок ржавого желоба, вырвавшийся из-под него, – и вот оно случилось. Томас потерял равновесие и рухнул в пропасть на десять метров. Его тело глухо ударилось об асфальт. Со скрученными конечностями он остался лежать, устремив взгляд в небо. Он больше не шевелился. Кинг поднес руки ко рту. Сверху на ветру развевалось полотно. Фрагмент фильма оборвался.

– Все совсем не так, – возразила Лина. – Этого никогда не было. Мой отец погиб в автокатастрофе.

Пока она громогласно удивлялась, открылся очередной кусочек фильма.

Кинг спускался по пожарной лестнице. В суматохе его ноги соскользнули со ступеней, дрожащие руки едва держались за прутья лестницы. На его лице была абсолютная паника.

– Я иду, – крикнул он. – Я скоро буду рядом.

Когда он добрался до стоянки, перед ним открылась удивительная картина. Томас отряхивал ноги так, словно только что споткнулся. Перед ним стояла длинноволосая красавица, смущенно смахивающая пыль с его куртки. Это была ее мать. Лина тяжело вздохнула. Как она это сделала? В какую долю секунды она спасла Томаса? Это должен был быть какой-то особенный трюк, который, к сожалению, ей не открылся.

– Извините, – сказала Рея. – Я немного опоздала.

Впервые в жизни Лина осознанно услышала голос матери. Тембр ее голоса был похож на миндальное молоко, теплый и мягкий. Она скорее пела, чем говорила. Лина была ошеломлена, увидев родителей в кусочке фильма. Из-за слез картинка расплывалась. Она только что стала свидетельницей того, как познакомились ее родители. Она была тронута, увидев вспышку в глазах Томаса, застенчивые жесты своей матери.

Нерешительно Рея отдернула руку, словно только сейчас заметила, что своими прикосновениями зашла слишком далеко. Смущенно она заправила волосы за уши, опустила голову и все же не могла отвести взгляда от Томаса. И тут Лина услышала, как отец икнул.

– Это самое любезное приветствие, которое я когда-либо слышала, – сказала Рея.

Они рассмеялись, словно икота была их тайным опознавательным знаком.

– Лучше бы госпожа Айзерманн спросила о моем отце, – сказала Лина.

Ее родители выглядели такими молодыми и полными надежд.

– Любовь с первого взгляда, – прошептала Лина.

– Чистейшая глупость, – произнес глубокий голос на заднем плане.

Из темноты выступила внушительная фигура с длинными белыми волосами. Женщина была одета в белый костюм, в котором держалась прямо, словно свеча. На ее лице не было ни тени улыбки. По ее позе было нетрудно прочесть, что она и есть та самая Хранительница времени, о которой говорила рыжая. Это, должно быть, именно она вызвала к себе Лину. Рядом с ней ты автоматически чувствовал себя маленьким и незначительным. Лине показалось, что в комнате стало на несколько градусов холоднее. Должна ли она представиться этой женщине? Поприветствовать ее? Что-то подсказывало ей, что лучше воздержаться. Хранительница времени окружала себя невидимой силой, заставляющей держать дистанцию.

– Зачем ты ей это показываешь? – спросила она Данте. – Она же ничего не видит.

Это было больше похоже на сухое утверждение, чем на обвинение. Лина едва осмеливалась дышать.

Белая леди подошла ближе и посмотрела на нее. Ей явно не понравилось то, что она увидела. На ее лице было разочарование.

– Она такая же, как ее мать. Упускает из виду самые важные детали, потому что занята только собой.

– Лина может научиться, – сказал Данте. – Мы все должны были научиться.

Хранительница времени отвернулась, словно уже потеряла к ней интерес.

– Что я пропустила? – спросила Лина.

Женщина в белом продолжила:

– Твоя мать совершила самую большую ошибку из всего, что мог сделать путешественник во времени. Она влюбилась в клиента.

– Неужели это так неправильно? – осторожно спросила Лина.

– Чувства вызывают узость зрения, по краям все становится нечетким, – сказала Хранительница времени. – Чем больше ты поддаешься чувствам, тем сильнее разлагается твой мозг. Ты становишься склонным к глупостям.

Движением руки она предложила Лине смотреть дальше.

Голограмма показала, что произошло дальше: Томас написал свой номер на руке Рея. Гарри Кинг явно не мог поверить во все это. Он безучастно уставился на хронометр, который Рея носила на запястье. Во время разминки в зале он, наконец, осмелился обратиться к Томасу.

– Почему ты до сих пор жив? – внезапно выпалил он.

Томас медленно повернулся.

– Не думаю, что я еще жив, – сказал он. Его глаза казались дикими, механическими движениями ног и рук он двинулся к Гарри. Протянув руку, он схватил рубашку Кинга и притянул его совсем близко к себе.

– Я хотеть мозги, – сказал он.

Мгновение спустя Томас разразился громким хохотом. Он оттолкнул друга от себя обеими руками.

– У тебя их больше нет, – сердито сказал Гарри.

– Гарри Кинг подбирается к нам, – пояснила Хранительница времени, когда изображение исчезло. – И к тебе.

Это не имело смысла. Гарри Кинг сказал, что хочет расследовать несчастный случай так же, как и она, что было правдой. А что, если это было ложью?

– Виноват ли он в смерти моих родителей? – спросила Лина.

– Есть только один человек, кто несет ответственность за катастрофу, и это Рея. Мы должны максимально избегать контактов с людьми. Вместо того чтобы исправить ошибку и как можно скорее отправиться в другое время с новым заданием, она увлеклась этим юношей. Я предупреждала ее, запрещала, но она осталась.

– Каждый раз, когда ты попадаешь в другое время, дверь между мирами открывается, – шепотом добавил Данте. – Это единственный момент, когда обычный смертный может что-то узнать о тайных силах путешественников во времени. Кинг оказался в неподходящем месте не в то время. Тот, кто задерживается, неизбежно совершает ошибки. И Рея сделала много ошибок.

Белая дама обратилась к Лине:

– Кинг был ошибкой, но самой большой ошибкой было то, что у нее родился ребенок. Но с этим и последствиями мы еще справимся.

Она повернулась и ушла.

– Она останется в своей комнате до дальнейшего распоряжения, – приказала она. – Мне нужно подумать о том, что с ней делать.

Лину словно огрели по голове. В семье Сони она часто чувствовала себя нелюбимой. Но жителей Невидимого города в очередной раз охватила враждебность.

Море возможностей

– Все прошло отлично, – радостно объявил Данте.

– Что, прости? – спросила Лина. Он говорил о той же встрече? Она все еще содрогалась при мысли о том, с какой холодностью отнеслась к ней Хранительница времени.

– Я уверен, что ты ей нравишься, – настаивал Данте, выглядя при этом таким счастливым, словно поверил своей версии событий. Он сиял от этой мысли. В его странных глазах светилось что-то вроде гордости. Ее спутник не только одевался эксцентрично, но и мозг его работал в собственном режиме Данте. Как и в случае с попрыгунчиком, который не совсем круглый, трудно было предсказать, куда он направится.

– Она обдумывает, что с тобой делать, – взволнованно сказал он.

– И это хорошо? – спросила Лина.

Данте взволнованно кивнул.

– Обычно она никогда не думает, а действует.

– Она посадила меня под домашний арест, – сказала она.

– Может быть, в рабстве не будет необходимости. Пока ты носишь хронометр, ты еще не впала в немилость.

Снова эта неотразимо наглая ухмылка. Анархизм Данте нравился Лине.

– Это своего рода тест, – предположил он. – Она хочет узнать, как ты себя поведешь в Невидимом городе.

Лина была рада, что он на ее стороне. С ним все ощущалось правильным. Даже те вещи, которые были совершенно неправильными. В то время как Бобби была чемпионкой мира в том, чтобы придумать худший сценарий развития событий, Данте лучился оптимизмом. У него была своя логика – и эти неповторимые глаза.

– Зачем ты так рискуешь ради меня? – спросила она.

Он немного смущенно погладил себя по волосам.

– Я такой же, как и ты, – сказал он. – Любопытный.

Возможно, Данте был прав.

Возможно, дело было просто в том, чтобы вести себя как можно нормальнее. Лина внутренне рассмеялась при этой мысли. Что, во имя всего, означала нормальность, если ты только что обнаружил, что

являешься путешественником во времени? Ей стало дурно. Она немного покачнулась. Когда она в последний раз ела?

Лина застонала.

– У меня в голове каша. Я уже вижу звуки и слышу холод. Полагаю, это из-за голода.

– Это уже что-то, – ответил Данте.

Любимое блюдо

Ну конечно! Она должна была догадаться. В Невидимом городе даже ужин станет приключением. С любопытством Лина последовала за Данте в средний восьмиугольник, где перед большой входной дверью с надписью «Менса» образовалась ужасно длинная очередь. Между тем Лина почти не удивилась тому, что вход в столовую был похож на вход на карнавальное мероприятие. Все эти красочные персоны путешествовали во времени, пытаясь помочь обездоленным людям. Данте назвал магазин часов и все, что находилось за ним, *Агентством ударов судьбы*. Видимо, путешественники во времени в основном носили служебную одежду, а может, им просто не хватало времени, чтобы переодеться к ужину. Даже в очереди путешественники во времени утыкали носы в свои планшеты, книги и газеты. С удивлением Лина заметила, как очередь стремительно движется к входу. Мысленно она увидела перед собой линию раздачи питания в лыжном лагере, где из больших кастрюль наливали суп. Одинаковая еда для всех.

– Что там? – спросила она.

– Твое любимое блюдо, – сказал Данте, подталкивая ее в коридор, где, как обычно, ждал сканер тела. Кроме того, здесь нужно было просунуть правую руку в четырехугольное отверстие.

– Ай, – возмущенно вскрикнула Лина. Что-то кольнуло ее.

Она отдернула руку и обнаружила крошечное пятнышко крови на указательном пальце.

– Они проверяют твои показатели перед едой, – объяснил Данте.

Лина возмущенно покачала головой.

– Без предупреждения?

– Надо идти, – сказал Данте.

С изумлением Лина вошла в столовую. Архитектура сильно напоминала библиотеку. Кое-где стеллажи поднимались до потолка. Еда извлекалась из футуристических на вид ячеек, на которых, как по волшебству, загорались четырехзначные номера сотрудников, как те, что Лина уже видела в хостеле. Когда она открыла дверцу с номером 4477, на нее обрушился поток теплого воздуха. За расплывчатым стеклом на задней

стенке отсека Лина увидела маневрирующие роботизированные фигуры. Наверное, это была кухня. В ящике она обнаружила тарелку. С любопытством она вытащила свою еду и стала искать место. Она не могла дожидаться, чтобы увидеть то, что скрывается под тепловой крышкой.

Данте, вынув свою тарелку из другого ящика, повел ее дальше. За проходом располагался огромный обеденный зал. У путешественников во времени слово «фастфуд» приобрело новый смысл. В столовой хай-тек Невидимого города все вращалось намного быстрее. Словно являясь членами Клуба затаивших дыхание, они даже не удосуживались садиться. Путешественники во времени поглощали свои блюда за высокими столиками. Никто не приходил просто поесть. Повсюду над столиками плавали голубоватые голограммы, поднимавшиеся из книг. В некоторых уголках собирались группы, обсуждая, как лучше всего решить дело. Другие изучали свои планшеты или старые газеты.

– Наши операции опасны, – объяснил Данте. – Важно знать как можно больше о времени, прежде чем приступить к делу. От подготовки зависит всё.

Исследования не препятствовали никому украдкой оглядываться на Лину. Проход через зал был похож на наказание шпицрутеном^[22]. Безмолвная завеса враждебности неподвижно висела в воздухе. Лина чувствовала себя так, будто у нее заразная болезнь.

– И что ты о ней думаешь? – услышала она шипение женщины у себя за спиной.

– Я решила не высказывать никакого мнения, пока Хранительница времени ничего не решит, – сказал второй голос.

Данте развернулся.

– Иди, – сказал он Лине.

Пока она искала столик, Данте напряженно разговаривал с двумя женщинами.

– Привет, я Коко, – прозвучало позади Лины.

Маленькая азиатка протиснулась мимо нее. Ее прекрасные почти черные глаза почти не были видны над тарелками, сложенными на ее подносе.

– Меня зовут Лина, – ответила она. – Приятно с тобой...

Дальше она не продолжила. Коко просто прервала ее.

– Я лучшая подруга Данте, – глухо прозвучало за тарелкой. – Я забочусь о нем. Мы все заботимся о нем.

Это прозвучало как боевой клич.

– Я не хочу... – снова начала Лина.

– Меня ждет Инес, – снова прервала ее Коко, указывая на рыжеволосую девушку, которая махала ей из-за стоящего неподалеку столика. – Увидимся. Если ты еще будешь здесь завтра.

Данте снова вернулся к Лине и повел ее к первому столику. Все окружающие потупились. Все выглядели чудовищно занятыми. И еще кое-что было странным или, по крайней мере, необычным: никто не фотографировал еду. Подняв крышку, Лина поняла почему. Недоверчиво уставилась она на озеро блестящей зелени, несколько картофелин и восьмиугольное нечто, не похожее ни на рыбу, ни на мясо. Она наклонилась над своей тарелкой. Удивительно, но дымящаяся горячая еда пахла изумительнопряно и ароматно. В воздухе повис аромат лимона.

– Что это?

– Твое любимое блюдо, – сказал Данте.

Лина рассмеялась.

– Водоросли? Я бы знала об этом.

Несмотря на запах, она не осмелилась попробовать ни кусочка. Тем более что на тарелке Данте были гамбургер, картофель фри и салат. И точно такой же коричневый восьмиугольник. Что это? Шницель? Тофу? Обувная подошва?

– Там лежит все, что нужно твоему телу, – сказал Данте. – Мы часто путешествуем по тем временам, где имеются проблемы с питанием. Поэтому важно принимать достаточное количество витаминов и минералов.

– У тебя выглядит вкуснее, – сказала Лина.

– Ты должна довериться повару, – посоветовал Данте.

– Ты бы съел это? – спросила Лина.

– Я ем все, – ответил Данте. – Если мне дадут печенье с предсказаниями, я его съем. С бумажками и всем прочим.

Коллебаясь, Лина взяла свои столовые приборы. С нерешительностью кружила ее вилка над зеленой слякотью из водорослей. Она посмотрела на Коко, которая была похожа на белку со щеками, полными орехов. Она украдкой перешептывалась с Инес, которая поспешно уплетала еду. Все с большим энтузиазмом ели то, что им подали.

– Это твое любимое блюдо, – подбодрил ее Данте.

– Ты всегда такой позитивный? – спросила Лина.

– И ленивый, – ответил Данте. – В слове «да» две буквы, «нет» – три.

Лина осторожно взяла вилку. Преодолевая отвращение, она сунула кусочек в рот. Кто знал, когда снова будет что поесть? Если закрыть глаза и забыть о зрении, на вкус это было удивительно, если не сказать

божественно. Даже коричневый слиток был хрустящим, как лучшая в мире картошка фри. Лина вдруг громко рассмеялась.

«У каждой вещи есть три стороны, – всегда говорил Тони, – одна положительная, одна отрицательная и одна странная».

Она только что открыла четвертую составляющую. Удивительная. Несколько часов, дней назад в другой жизни она была обычной девятиклассницей. Теперь она жила среди путешественников во времени в Невидимом городе и любила скользкие водоросли, которые на вкус походили на макароны. Неужели сенсоры Невидимого города знали ее лучше, чем она сама?

Пробное испытание

Светало. Темнело. И снова светало. Лина потеряла всякое чувство времени. После ужина Данте отвел ее в хостел. С тех пор Лина ждала. Только чего? Зимний пейзаж исчез так же быстро, как и появился. Осенние бури гоняли по улицам разноцветные листья. Сколько времени прошло? Лина стояла у окна и с завистью смотрела на других путешественников во времени, отправляющихся в приключения и возвращающихся обратно. Каждый раз, когда она выходила в вестибюль, там сидели новые персоны. Лина чувствовала себя бесполезной. Почему всем остальным разрешали брать дела? Почему им разрешали путешествовать, а ей нет?

Нетерпеливо набрала она на своем хронометре номер 6454, который Данте дал ей при прощании. С необходимым объяснением, как связаться. Лицо Данте появилось в виде голограммы.

– Чего я жду? – выплеснула она. – Сколько это продлится?

Данте просто смотрел на нее.

– Никогда не было такого случая, как ты, – признался он.

– Я не случай.

– Для Хранительницы времени – да.

– А что мне делать тем временем? – растерянно спросила Лина.

– Обосновывайся, – предложил Данте. Он улыбнулся, и глаза его блеснули.

Пока Данте должен был работать, Лина была обречена сидеть на месте. На стене красовалась, словно молчаливый упрек, газетная статья об аварии. Рана болела как никогда. Все стало еще хуже с тех пор, как она увидела своих родителей в голограммной книге. Будто они были настоящими. Словно счастье заглянуло, помахало рукой, а потом сбежало к соседу. Это было похоже на пачку чипсов. Попробуешь одну и уже не можешь остановиться. Она не хотела останавливаться, все в ней кричало о большем. Это и было то, о чем всегда предупреждала Соня? С тех пор как она увидела своих родителей, она нутром чувствовала то, что упускает. У нее была груда обломков в душе, и она чувствовала, что зря теряет время.

В течение нескольких часов она обследовала все комнаты хостела и бессмысленно бродила по фойе в поисках собеседника, который мог бы

ответить ей на несколько вопросов. Но путешественники во времени казались такими бесконечно занятыми, что она не решалась заговорить ни с одним из них. Обитатели вели себя так, словно Лина была невидимкой. Ей казалось, что она бродит по дому с привидениями. Никто не обращался к ней, никогда не представлялся. Как будто все ждали спасительного сигнала Хранительницы времени.

В порыве неповиновения Лина на обратном пути в комнату сознательно выбрала другой путь и обнаружила, что коридор ведет ко второй лестнице. На крышу.

Стоящие вокруг бутылки, пепельницы и несколько импровизированных кресел указывали на то, что даже здесь иногда работали. Порывистый ветер дул ей в лицо. К счастью, как раз наступило лето. Она опустилась на сиденье и устала на Купол. Всезнающий глаз озарял Невидимый город. С улицы доносились приглушенные разговоры и шум моторов. Сидеть на месте ей не хотелось, а скучать – еще меньше. Чем она провинилась, чтобы бесконечно сидеть в ожидании? Что ей нужно сделать, чтобы заслужить милость в глазах Хранительницы времени? Чего ожидала от нее женщина? Ее держали под домашним арестом. И что это принесло? Ничего.

Почему она не думала, как Данте? Может быть, правила существовали только для того, чтобы их нарушать? Что произойдет, если она самостоятельно совершит небольшую прогулку в собственную историю? Она могла бы создать себе идеальную жизнь. Без всякого риска: не будет ошибки, которую нельзя будет исправить. «Если что-то пойдет не так, я попробую еще раз», – сказала она себе. Никогда больше она не бросит мяч на семь метров в неправильный угол. Даже если она неправильно оценит движения вратаря, как путешественнице во времени ей было доступно столько попыток, сколько ей захочется. Как всегда говорил Тони: «Приготовление пищи настолько захватывающее, потому что у тебя нет второго шанса». Ее мир был полон возможностей. Она могла стать лучшим поваром в мире.

Чем дольше Лина сидела на крыше, тем больше ее идея складывалась в план. Никто не заметит, если она исчезнет. Куда ей стоит отправиться в первую очередь? К родителям? Или все-таки быстренько повторить экзамен по биологии? *«Какие наследственные черты вы можете отметить в своей семье?»* Она удивила бы госпожу Айзерманн целой повестью о своей семье.

Однако снова и снова ее мысли возвращались к Бобби. Должна ли она отправиться в лагерь, чтобы защитить ее от Кинга? Содрогаясь, она

подумала о встрече с охранником, которая может произойти в «Зеленом озере». Она не была уверена, что справится с ним в одиночку.

Все ее проблемы были связаны с несчастьем на старом таможенном мосту. Что может быть такого сложного в том, чтобы отправить родителям сообщение и предупредить их? Зачем ей нужен Данте, когда она знала, что ее мать на ее стороне? Рея была путешественницей во времени. Она может научить ее всему, что ей нужно знать. Вместе сильнее, чем порознь. У Лины появился план. Сначала она позаботится об аварии, потом о Бобби. Все, что ей нужно сделать, – это позволить себе упасть в другое время.

Взволнованно Лина подошла к краю крыши. На мгновение она подумала о Данте. Что бы он сказал, если бы она вдруг исчезла? Она отбросила в сторону эту мысль и возникшие угрызения совести. Медленно она двинулась к пропасти. Ее пальцы застыли над краем, затем половина ступни. Осторожно заглянула она в глубину. Ошибка! Она почувствовала себя так, словно только что надула надувной матрас. Сильное головокружение охватило ее, хотя она еще не покинула твердую почву. Внезапно она вспомнила Томаса, который так же рискованно порхал над пропастью. Не обернется ли для нее это тем же? Где были ее голоса, когда они так нужны? Ее верные советники, которые обычно без спросу высказывали свое мнение в ее голове, упорно молчали с тех пор, как она вернулась в Невидимый город. Они не давали никаких советов о жизни путешественника во времени. Она должна была принимать решения сама.

Ее сердце дико стучало, пока она проверяла, находятся ли восемь стрелок часов в нужном положении. 3.1.1.2.2.0.0.6, канун Нового года. Она положила указательный и средний палец на часы, закрыла глаза и как можно старательнее подумала о том месте, откуда хотела начать свое первое путешествие во времени. История ее матери показала, что, по-видимому, очень важно не попадаться на глаза свидетелям при переходе в новое время. Перспектива броситься вниз с крыши была пугающей. И, пожалуй, лучшим, что она могла сделать. Она почти уже собралась прыгнуть, когда позади нее раздался пронзительный крик.

– Стой, – крикнул Данте. – Что за глупость ты там творишь?

Запыхавшись, бежал он к ней от двери, ведущей на крышу.

– Почему ты не в своей комнате? – спросил он.

Лина была полна решимости не останавливаться.

– Что, собственно, произойдет, если я столкнусь с самой собой во время путешествия во времени? – спросила она.

– Ты что, с ума сошла? – воскликнул Данте. – Такое не должно произойти ни в коем случае.

– Всю свою жизнь я задавалась вопросом, на что была бы похожа моя повседневная жизнь, если бы я жила с родителями.

– Ты рискуешь не только своей жизнью, ты рискуешь и жизнями других, – сказал Данте. – Ни при каких обстоятельствах ты не должна вмешиваться в свою жизнь.

– Я хочу провести день с родителями, – попыталась договориться Лина. – Всего лишь пару часов.

– Никому не позволено действовать без поручения, – предупредил Данте. – Ты обязана дождаться официального приказа Хранительницы времени. И вводного курса. Путешествие во времени гораздо сложнее, чем тебе кажется.

– Ради чего ты вообще меня привел сюда? – спросила Лина. – Зачем ты учишь меня прыгать во времени? А затем объясняешь, что мне не разрешено пользоваться своими способностями. Я сижу без дела и жду. Здесь всем плевать на меня. – Она все больше злилась и впадала в отчаяние. – Чем быстрее я исправлю тот случай с аварией, тем быстрее вернусь в свою прежнюю жизнь. Тогда Хранительница времени избавится от меня.

Данте потянулся к ней, чтобы увести от края. В этот момент Лина позволила себе упасть.

Данте собирался последовать за ней, когда Хранительница времени встала у него на пути. Слово из ниоткуда появилась она перед ним.

– Ты знаешь правила. И знаешь, каково наказание, – сказала она.

Она подняла руку. Из толпы спутников, следовавших за Хранительницей времени, как тени, вырвалась фигура. Это был один из охранников. Одним быстрым движением мужчина снял хронометр Данте с запястья.

– Ты отстранен от путешествий, – заявила Хранительница времени.

– Мы не можем позволить Лине попасть в беду, – возразил Данте. – Она еще не знает всего.

– Ей здесь не место, – произнесла Белая дама. – Она лишена самого главного, чем может обладать путешественник во времени, – смирения.

Данте помрачнел.

– Ты не можешь помочь Лине, – сказала Хранительница времени. – Никто не может.

Зимнее веселье

Что это было? Путешествием во времени Лина никак не могла это назвать. Скорее, временным грохотом. Она кувыркалась, плюхалась и гребла по туннелю образов, прежде чем попасть в прошлое. В третий раз дикое путешествие по временной петле едва ли казалось более знакомым. Ей просто не удавалось пройти процесс в полном сознании. Что-то по пути к Айхбергу было неправильным. Ее тело уже прибыло, а разум дезориентированно парил между вчера и завтра, между небом и землей. С трудом открыла она глаза. Кровь стучала у нее в висках, словно хотела взорвать черепную коробку.

Крыша спортзала висела под строгим низким зданием, из дымовых труб вырывались облака дыма, машины прилипали к асфальту, как лампы под потолком, деревья тянули свои голые ветви вниз, словно искали опоры в безупречно синем небе. Ее плечи были прижаты к земле, спина болела, пальцы нащупали снег. При каждой попытке подняться гравитация безжалостно тянула ее обратно на промерзшую землю. Прошло несколько секунд, прежде чем Лина поняла, что это не мир, а она сама лежит верх ногами. Вместо того чтобы изящно приземлиться на обе ноги, как Данте, она лежала на земле. Мыски ее ног указывали на небо, голова была откинута назад.

Пронзительный вскрик заставил ее очнуться от шока. Ярко-красная вспышка пролетела мимо ее головы, отправив ком снега ей в лицо. В ее ушах раздался испуганный визг. Она неловко перевернулась на живот и увидела насмерть перепуганную девочку на огненно-красной ледянке, которая увернулась от нежданно появившейся человеческой преграды, и теперь ледянка была испорчена деревом. Звук треснувшего пластика разнесся над Айхбергом. Лина виновато опустила голову.

Путешествия во времени в канун Нового года грозили ощутимыми побочными эффектами. Лина не подумала о зиме, превратившей одинокий холм в популярную детскую горку. Десятки детей резвились на снегу. Лина хотела было последовать за девочкой на санках, чтобы убедиться, что с ней ничего не случилось, когда заметила мужчину, читающего на скамейке «Утро». «Наступает 2007 год!» – гласила передовица. Чувство

восторга охватило ее. День был тот, и время года, и место. У нее получилось. Недоверчиво она второй раз посмотрела на заголовок. *«Наступает 2007 год! «Утро» желает миру любви, счастья, здоровья, успеха и мира»*. Больше всего Лине хотелось сейчас иметь перчатки. Но что такое этот небольшой морозец по сравнению с тем ошеломляющим фактом, что ей удалось самостоятельно попасть в прошлое.

Несколько одиноких снежинок кружилось вокруг нее. Ее щеки пылали от волнения. С радостью она вдохнула холодный снежный воздух, когда сверкнула яркая вспышка. В метре от нее прыгал плотно укутанный крошечный рыцарь-джедай, размахивая мечом перед ее носом. Маленький мальчик был готов защищать Землю до последнего, но в целях предосторожности держался на некотором безопасном расстоянии. Его маленькая подружка, серьезная девушка со стрижкой боб, в луноходах, толстых колготках и клетчатой юбке, выглядывавшей из-под славного пальтишка, оказалась значительно смелее. Лина сразу же узнала неравный дуэт. Ей казалось, что она случайно попала на фотографию со Дня святого Николая.

– Она появилась внезапно, просто так, – пробормотал Йонас, в поисках укрытия за спиной своей подруги Бобби.

Пока Йонас настаивал на отступлении, в Бобби победило любопытство. Она бесстрашно приблизилась.

– Ты инопланетянка? – спросила она.

– Что-то в этом роде, – призналась Лина.

Бобби наклонила голову и посмотрела на Лину с научным интересом. Инопланетянка, которая выглядела, как девушка, и говорила так же, явно сбивала ее с толку.

– Она плохая, – прошептал Йонас.

Бобби так не считала. Ее взгляд сканировал каждый сантиметр тела Лины. В маленькой голове явно что-то вращалось, прежде чем она задала решающий вопрос, который терзал ее душу.

– Твоя мама не надевает на тебя зимние вещи? – спросила она.

– Мне не холодно, – солгала Лина, подавляя дрожь. На самом деле она жалела, что недостаточно подготовилась к путешествию.

– Мне тоже, – сказала Бобби. – Но я всегда должна надевать колючие колготки. Они дурацкие.

– Ты должна иногда говорить «нет», – посоветовала Лина. – Иначе тебе когда-нибудь исполнится пятнадцать, а твоя мама все равно будет командовать.

– Нет, – прошептала Бобби, не сводя глаз с Лины.

– Нет, – повторила Лина глубоким голосом. – Как медведь. Нет.
Сзади Йонас потянул за куртку Бобби.

– Пойдем.

– Нет, – перебила его Бобби.

Йонас отпрянул назад. Бобби попробовала еще раз.

– Нет, – сказала она.

А потом еще раз:

– Нет, нет, нет.

На лице Йонаса застыл ужас, словно он боялся, что инопланетянин захватил власть над его подругой.

– Нет, – радостно закричала Бобби на всю гору.

– Йонас, Бобби, хотите горячего чая и печенья? – раздался голос. Лина узнала Генриетту Альберс, которая размахивала термосом на вершине горы. Бобби не могла оторваться. У нее в запасе была еще тысяча вопросов.

– У вас есть НЛЮ? Все инопланетяне похожи на тебя? А инопланетяне говорят на всех языках мира?

– Где же вас носит? – нетерпеливо прозвучал голос матери Бобби. Вопрос прозвучал скорее как приказ.

Йонас послушно побежал прочь.

– У инопланетян есть папы и мамы? – спросила Бобби.

Лина печально покачала головой.

– Я работаю над этим, – призналась она.

– Бобби, – закричала Генриетта Альберс. – Марш сюда!

– Горячий чай звучит хорошо, – сказала Лина. – Чай звучит как однозначное «да».

Бобби неохотно подчинилась и все равно каждые три секунды оборачивалась на Лину.

– А когда в школу в твой класс придет девочка по имени Лина, знай: она довольно милая. Вы наверняка станете хорошими подругами.

Нетерпеливый кивок Бобби показал, что советы Лины упали на плодородную почву. Лина обернулась посмотреть. Девочка бесследно исчезла. Один взгляд на уничтоженную красную ледянку вернул ее в реальность. Она уже нанесла ущерб. И неосторожно позволила себе заговорить с Бобби. Она надеялась, что не допустила ошибку. Она молилась, чтобы добрые советы для Бобби перевесили ее промах. В будущем ей нужно быть осторожнее. Такой ошибки не должно случиться во второй раз.

Слон в посудной лавке

Пронзительный сигнал тревоги разрезал тишину в Куполе. Коко поморщилась, глядя на экран своего компьютера. Сигнал исходил из сектора Н1445, участок 7643С, часовой пояс 21, и был вызван сотрудником под номером 4477. Коко увеличила масштаб изображения Айхберга. *«Несанкционированное путешествие, – тревожно мигала надпись. – Введите номер операции».*

Хранительница времени торопливо подошла к центральному контрольному пульту и вошла в компьютер Коко. Появление Лины сильно подпортило жизнь в Невидимом городе. Если все шло по плану, Хранительница времени не показывалась своим сотрудникам в течение долгого периода. Одно лишь ее присутствие в Куполе доказывало, что дело Лины отнюдь не обычное. Изображение исчезло с монитора Коко. Новая девушка явно была делом для профессионалов. По характерному движению руки Коко прочла, что Хранительница времени увеличила изображение снежной горки. Сотрудники в Куполе затаили дыхание. Коко и Инес наблюдали за своей начальницей с безопасного расстояния. Пронзительный звук тревоги резал слух.

– Что она делает? – спросила Коко, беспокойно ерзая туда-сюда на своем стуле. Она сидела крайне неудобно, но не могла развернуться к центральному пульту.

– Ничего, – сказала Инес.

Путешественники во времени нетерпеливо ждали, когда разразится буря и их начальница взорвется. Они искоса поглядывали из-под очков, чтобы не упустить момент. Воздух вибрировал от волнения.

– Данте отстранен, – возмутилась Коко. – А Лина? Она может свободно перемещаться. Без обучения. Это несправедливо.

Ее голос эхом разнесся по Куполу. Если Хранительница времени и услышала Коко, то не придавала этому значения. Пристальным взглядом она следила за перемещением Лины.

Инес приложила палец ко рту.

– Эта девушка – не просто кто-либо.

– Мы все – не кто-либо, – возразила Коко. – Почему для Лины другие

правила?

- Ты знаешь почему.
- Нет. Мы все одинаковые.
- Не Лина, – прервала разговор Инес.

Хранительница времени наклонилась вперед и выключила монитор. Сигнал тревоги отключился.

Инес поняла, что это значит:

- Она позволит Лине попасться на крючок.
 - Она, как и ее мать, слон в посудной лавке, – объяснила Хранительница времени, проходя мимо двух девушек и направляясь на улицу. – Она выбрала риск. Пусть теперь выкручивается сама.
 - А если она заговорит? – предупредила Инес.
 - Кто поверит маленькой девочке, несущей чепуху про Невидимый город? – сказала Хранительница времени.
 - Гарри Кинг, – возразила Инес. – И Лина не такая уж и маленькая.
- Но Хранительница времени уже исчезла из виду.

Нет связи

«Тот, кто задерживается, совершает ошибки». Предупреждение Данте прозвучало в ушах Лины. После неудачи на горке она была твердо намерена свести дальнейшие контакты с людьми к минимуму. Ее эйфория от удачного путешествия в 2006 год уступила место некоторому отрезвлению. Лина вытащила телефон. Нигде не мигало соединение Wi-Fi. Одним махом все приложения исчезли с ее телефона. Недоверчиво нажала она на кнопку «Домой». Как ей без интернета узнать адрес родителей?

К счастью, у спортивного зала она нашла одну из этих старомодных телефонных будок пурпурного цвета. Распахнув дверь, она в ужасе отпрянула назад. Порыв несвежего воздуха ударил ей в лицо. Пахло мочой, пролитым пивом и дымом. Осторожно поставила она ноги между окурками сигарет, использованными носовыми платками и растоптанным гамбургером, плававшим в луже кетчупа. С отвращением она потянулась за телефонной книгой. Там, где должна была быть фамилия Фридрих, зиял пепельный кратер. Она не могла даже позвонить тете, чтобы под каким-нибудь предлогом заставить ее выдать адрес. Аппарат в будке также отправлял СМС, но это можно было сделать только при помощи телефонной карты, как поняла Лина, прочитав пометку. Что, во имя всего, за телефонная карта? Лина сразу же поняла, почему остальные путешественники во времени беспрерывно совали нос в книги и листали исторические газеты. Пока коллеги тщательно готовились к поездкам, Лина боролась с безусловными основами, которые делали операцию вообще возможной. Она подумала о магазине Apple в пешеходной зоне. Там она смогла бы бесплатно выйти в интернет.

Лина бросилась через центр города. Кинотеатр рекламировал «Ледниковый период – 2», «Лесную братву» и «Дьявол носит Prada», рекламные столбы объявляли о европейском турне Tokio Hotel. Журналы в киоске поблизости к концу года рассказывали о событиях последних двенадцати месяцев. Журнал освещал итоги работы первого года нового канцлера, газета рядом с ним напоминала о чемпионате мира по футболу в Германии и «Летней сказке»^[23], рядом красовались фотографии с визита

американского президента Джорджа Буша в Штральзунд и паводка на Эльбе. Главные часы пробили 14.30. Осталось четыре часа до аварии.

Оптимизм Лины угас, когда она обнаружила там, где, как она подозревала, находится Apple, уродливое шестидесятилетнее здание *Movieland* – магазина, где можно было взять напрокат DVD-диски, видеокассеты и «совсем новые» диски Blue Ray. Apple Store даже еще не был построен. Рядом с видеوماгазином стояла лачуга, в которой размещался магазин электроники. Витрина рекламировала лучшие предложения недели: телефоны с QWERTY-клавиатурой, толстые мониторы компьютеров и новые плоские телевизоры. Для Лины это время казалось близким и в то же время далеким. Мода и прически свидетельствовали о том, что она действительно оказалась в другом времени. Техника же, казалось, была из каменного века.

Она быстро вошла в магазин. Лине повезло. Стойка «Телефонные тарифы» находилась прямо у входа. Ее поприветствовал парень лет шестнадцати с аккуратным пробором на голове. Он щеголял в огромном костюме и старался выглядеть как можно профессиональнее. На его бейдже значилось: *Борис*, а выше жирным шрифтом было написано: «*Я еще учусь*».

– У вас здесь есть Wi-Fi? – спросила она. – Я не могу подключиться к интернету.

– Wi-Fi? – ответил Борис. – Я тоже об этом читал.

Он хихикнул, словно обкуренная курица, прежде чем понял, что Лина не шутит.

Лина положила свой смартфон на стойку.

– Мой телефон сошел с ума. У тебя есть идеи, куда подевались приложения? – спросила она. – И Google тоже больше не работает.

Парень уставился на нее так, словно она несла какую-то ерунду.

Он снова засмеялся.

– У этой штуки даже кнопок нет, как по ней разговаривать? Я могу предложить тебе тариф с арендной платой, который сочетает в себе твой стационарный телефон и трафик интернета, – пообещал Борис. – Это позволит тебе неограниченно подключаться к интернету через телефонный кабель.

Через секунду он осыпал Лину словами вроде базового старта, сети UMTS для дома и технологии DSL.

– Через телефонный кабель? – недоверчиво спросила Лина. Где, во имя всего, ей подключиться через телефонный кабель? За ней нетерпеливо переминалась с ноги на ногу молодая женщина в костюме, на ее шее было

жемчужное ожерелье.

– Ну, знаешь, можно подключиться через телефон к интернету, – сказал Борис.

Поскольку Лина по-прежнему не отвечала, он прибегнул к более наглядному представлению.

– Хрхрккхрхр-иииииии-шрхр-иииииии-щхриииии, – закричал он.

Лина смотрела на него широко раскрытыми глазами. Теперь он сошел с ума?

– Ты с Луны, – предположил Борис, – или ты никогда не слышала про модем?

Лина понятия не имела, что такое модем или как он должен звучать.

– Я одолжу тебе свой телефон, – раздраженно сказала Жемчужное ожерелье и протянула ей Nokia 3310. Смущенно Лина посмотрела на крошечный экран кнопочного телефона. Вещь в ее руке была реликвией того времени, когда телефон был пригоден лишь для одного – звонков.

– Как мне прогуглить адрес? – спросила Лина.

Жемчужное ожерелье покачала головой.

– Тут тебе уже нужен компьютер.

Борис попытался снова вступить в разговор и услужливо достал телефонный справочник. Облегчение Лины длилось недолго. Ее родители, так же как и Соня, не были зарегистрированы, а «Сити-бокс» даже не был создан. Издалека главные часы пробили 15.30. Лина потеряла целый час. Время убегало от нее.

Жареные бургеры

Лина сделала вдох. Пахло мазутом, водой, рыбой и углем. Больше ничто не напоминало о знакомом квартале. Портовый район в 2006 году был не более чем мрачным, заброшенным районом. Ни одна световая вывеска не погружала дорогу в разноцветные краски, ни один ярко освещенный ресторан не манил зайти внутрь. Даже снег казался грязным. Потерянные фигуры, бродившие между складскими помещениями, не внушали особого доверия. Несколько крыс сновало между полуразрушенными развалинами, в которых сквоттеры боролись за место со спекулянтами. Двое мужчин в костюмах и бежевых кашемировых пальто бродили по территории, фотографируя недвижимость, – предвестники нового времени. В ее сторону сквозь слякоть пробирался тощий мужчина, который собирался прибрать к рукам лавку Тони.

Лина была тронута, обнаружив растамана у стойки своей ветхой закуской. На Тони были надеты пропитанный жиром кожаный фартук и водолазные очки. Он лихорадочно возился с кипящим, горячим, брызжущим жиром.

– Хочешь попробовать? – выкрикнул он и взволнованно поманил Лину к себе. – Я поджарил кое-что новенькое.

Он с гордостью представил прототип своих легендарных жареных гамбургеров. Лину раздирали противоречия. Благое намерение проникнуть в прошлое лишь настолько, насколько это было необходимо, растаяло от соблазнительного запаха. После порции водорослей она почувствовала знакомый аромат. Мог ли один бургер вызвать действительно опасные побочные эффекты?

– Давай же, – позвал Тони. – Ты не знаешь, от чего отказываешься.

Лина с аппетитом откусила. Она едва не обожгла себе язык, когда укусила хрустящую корочку. Оригинал был намного лучше, чем та подделка из ее времени. И даже лучше, чем все водоросли этого мира. Как бы вкусно они ни были приготовлены.

– Это приведет вас к большому успеху, – сказала Лина. – Вам просто нужно сделать их меньше. Мини-бургеры.

Пальцами она изобразила маленький шарик.

Тони ответил глубоким, хрипловатым смехом.

– Такими никто не насытится.

– Это будут деликатесы, – сказала Лина.

Тони снял водолазные очки и посмотрел на Лину.

– Я тебя здесь никогда не видел, – задумчиво сказал он.

На помощь! Все пошло не так. Ей нельзя было появляться у стойки с бургерами. Ко всему прочему, теперь еще и тот тощий парень со своими спутниками подходили ближе.

– Если кто-то придет и захочет купить закусочную, не подписывайте. Ни в коем случае. Им нужны только рецепты, – выпалила она.

Возможно, это было неразумно, но разве Тони не заслуживал чего-то лучшего, чем быть вытесненным из собственного бизнеса?

– Ты кто? Экстрасенс? – спросил он.

– Что-то в этом роде, – сказала Лина. Она воздержалась от того, чтобы рассказать ему свою историю.

– Через пару лет здесь будет золотая жила, – объявила она.

– Так что там с великим секретным рецептом? – крикнул чей-то взволнованный голос. – Мы умираем от голода.

Лину едва не хватил удар. За закусочной у костра сидела Соня со своей лучшей подругой. Они уже встречали с шампанским Новый год и представляли, какие чудесные вещи готовит для них жизнь.

– Хьюго отличается от всех других мужчин, которых я встречала, – промолвила Соня. – Он успешный бизнесмен. Я стану его женой, перестану работать и буду заботиться только о детях.

Лина понимала, что лучше сразу исчезнуть, но любопытство победило страх. Заинтригованная, она прислушивалась к разговору.

– Какие дети? – хихикнула подруга.

– Я хочу двух маленьких девочек, – сказала Соня. – И я уже знаю, как их назвать: Шарлотта и Фиона.

Лина едва узнала Соню. Ее тетя была так весела, так молода, так влюблена, так мечтала о перспективной счастливой жизни. В ближайшие двадцать четыре часа она потеряет сводного брата и невестку, заберет маленькую девочку-сироту и скажет «да» не тому человеку. Лина сомневалась: не была ли она вынуждена сообщить тете, что на самом деле Хьюго разорен, живет в караване и рыщет по брачному рынку в поисках женщины с приданым? Робко она подошла к Соне. Та ее проигнорировала. Она не замечала девушку, которая смущенно топталась у закусочной. Лина решила отложить разговор на потом. Возможность осмотреться в доме тети по тому адресу оказалась слишком благоприятной.

Повезло. Запасной ключ тети Сони был спрятан в обычном месте рядом с входной дверью. С любопытством Лина вошла в дом. Кухонные стулья, растения, расстановка полок – все выглядело как всегда. В ящике в прихожей она нашла старый винно-красный блокнот, в котором Соня записывала адреса и дни рождения. Сведения о *Томасе и Р.*, как Соня перефразировала имя ее матери, заполнили целую страницу. За последние несколько лет ее родители проживали по восьми разным адресам и двенадцать раз меняли номер телефона. Торопливо написала она на руке последний адрес. Она уже почти собиралась выйти из дома, когда кое-что пришло ей в голову. Какая-то магическая сила потянула ее на верхний этаж. Соня всегда подчеркивала, что мансарда Лины раньше служила комнатой для хобби. Осторожно открыв дверь в свою комнату, она очутилась в темной кладовке. Совершенно очевидно, тетя считала стирку и глажку своим досугом. Услышав снаружи голос, она украдкой посмотрела в окно. На месте парковки «Сити-бокса» возвышалось полуразрушенное здание завода. Перед глухой кирпичной стеной на лестнице развернулся громко поющий мужчина. Лина вздрогнула, узнав отца Фионы и Шарлотты. Впервые она поняла, почему раньше его называли красавцем Хьюго. Даже занимаясь рукоделием, он не отказался от своего темно-синего блестящего костюма в полоску с широкими лацканами, шелкового галстука и безупречно-белой рубашки. Черные волосы он аккуратно зачесал назад. В руке вертел ведро с розовой краской, которая выглядела так, словно осталась после покраски закусочной Тони. «*Расклеивание афиш запрещено*», – было написано на вывеске. Красавец Хьюго не мог пройти мимо предупреждающего знака, не выполнив в точности то, что ему было запрещено.

«*Дорогая Соня, ты выйдешь за меня замуж?*» Он преданно прильнул к облупившейся кирпичной стене. Под розовыми рассеивающимися буквами он нарисовал три квадрата с возможными ответами.

- Дааааа!*
- Немедленно!*
- Конечно!!!*

Хьюго был наделен огромной уверенностью в себе и безграничным оптимизмом. Лину раздражало, что он всегда вел себя так, словно солнце каждый день вставало только для него. Он был убежден, что в принципе мог и знал все лучше всех, за исключением тех случаев, когда доказывалось обратное. Тогда он перекладывал вину на других. Из

бесконечных рассказов Хьюго о том, с какой гениальностью он добился от Сони согласия, Лина могла пересказать остальную часть истории. В полночь он вырвет Соню с их семейного торжества и увезет в порт. В свете фейерверка он опустится на колени. Все, что Соня должна будет сделать, так это дотянуться до кисти и поставить крестик на нужном месте. И посмотреть в камеру журналиста, которого он заказал. Эта история будет отлично продаваться, думал он. Лина посмотрела на часы на здании порта. Было 16.00. До аварии осталось два с половиной часа. Она ни на шаг не приблизилась к своей истинной цели.

Лина поспешила на улицу и едва не столкнулась с Хьюго, который искал тайник для ведра с краской. Он одарил ее раздраженным взглядом. Вопрос о том, что она делала в доме Сони, его больше не занимал. У Хьюго было достаточно дел, чтобы занять себя. Линой он никогда особенно не интересовался.

Лина увидела проблеск уникальной возможности предотвратить несчастный брак Сони до того, как его заключат. Снова и снова один и тот же вопрос: можно ли вмешиваться? Нужно ли вмешиваться? Она страстно желала, чтобы Данте оказался рядом с ней в качестве советчика. Знание о том, что этот брак никого не осчастливит, лежал на ее душе как тяжелый груз. Впервые она поняла, почему путешественники во времени должны были оставаться в одном месте и в одно время максимально короткие сроки. Чем больше узнаешь о пострадавших людях, тем сложнее становятся решения.

На мгновение она приложила палец к хронометру. Она знала номер Данте. Мог ли он ей помочь? Сделал бы он это? У нее в памяти остался последний взгляд его разноцветных глаз. Медленно она снова опустила руку.

Родной дом

«*Партманнвег, 7*», – было написано на ее руке синей шариковой ручкой. Адрес ей ни о чем не говорил. В киоске она стащила карту города, так как от телефона в этом отношении тоже помощи не было. Или пока не было. На первом же развороте карты она нашла все городские кварталы. Прежде чем она успела расстелить как надо карту, ветер, погода позаботились о непрактичной помощи. Резкий снегопад намочил бумагу в ее руках. Стихии сговорились против нее.

– Это ты, Данте? – крикнула она ветру, словно жители Невидимого города управляли не только временем, но и погодой. Она подозревала, что глаза путешественников во времени всюду следовали за ней.

Партманнвег, как она выяснила, располагался на окраине района, который назывался просто Садовым поселком. Совсем недалеко от дома Бобби. Этой дорогой они проходили вместе тысячу раз. Из порта Лина села на городской автобус с номером 30, связывавший сонные жилые поселки с центром. Измученная, мокрая и промерзшая насквозь, она опустилась на место в третьем ряду. Туда, где под сиденьем грохотал обогреватель. Скучные поездки на автобусе предоставляли идеальную возможность заглянуть во влог Хлои, ответить на сообщения и опубликовать фотографию в Instagram. Инстинктивно Лина потянулась к телефону и лишь потом поняла, что ошиблась. Это был еще 2006 год: телекоммуникационный каменный век. Присмотревшись, она заметила, что дюжина любопытных глаз следит за каждым ее движением. Было ли в ней что-то странное? Это из-за неподходящей одежды? Или просто они смотрели по сторонам, потому что не отвлекались на смартфоны? На одной из остановок Лина вышла из автобуса. На мгновение ей показалось, что она узнала Коко на одном из задних рядов сидений, но автобус уже уехал.

В сумеречном свете наступающего вечера она раскрыла карту. Складка была как раз в том месте, куда она направлялась. На последних метрах ей приходилось искать дорогу самостоятельно. Это было странно. Когда она оказалась в Садовом поселке, ее ноги словно сами нашли дорогу. Несознательно, но твердым шагом передвигалась Лина по безлюдному кварталу пригорода, в котором соседи соревновались в рождественских

украшениях. Световые гирлянды обвивались вокруг заборов, стволов деревьев, фронтонов и балконных решеток. Толстые белые Санта-Клаусы и веселые олени резвились на снегу. За оконными фасадами сияли украшенные елки. Она узнала маленькую стену, за которую держалась в детстве, запах маленькой пекарни, из которой она по утрам приносила с матерью булочки, красную мигающую вывеску на садовой ограде: «ОСТОРОЖНО. БЕШЕНАЯ СОБАКА. ВХОДИТЕ НА СВОЙ СТРАХ И РИСК». Неужели она вдруг вспомнила подробности самого раннего детства? Было ли это необычное восприятие связано с тем, что ее дух тоже путешествовал через десятилетия? Сосуществование различных времен сбивало ее с толку. В ее новой реальности одновременно существовало несколько Лин. Одна была из настоящего, одна жила в прошлом, а другая – в мечтательном будущем.

Она была не единственной, кто был озадачен. За оградой сада по снегу свирепо бродила опасная на вид овчарка. Пес раздраженно остановился. Он с удивлением уставился на Лину, словно не знал точно, радоваться ему или сердиться.

– Бруно, – инстинктивно воскликнула Лина, не зная, из каких глубин ее памяти всплыло это имя.

Скептически покосившись в сторону садовой ограды, пес с сомнением принялся. После того как он все обнюхал, то едва не завертелся от радости. Бруно не волновало, что Лина за ночь превратилась в подростка. Его обоняние говорило ему, что он очень хочет, чтобы она перелезла через забор.

Хозяин, вооружившись лопатой для снега, недоуменно почесал затылок.

– Так он обычно приветствует только соседскую девочку, – сказал он. – Он терпеть не может чужаков.

Лина не стала его просвещать. От садовой ограды оставалось всего несколько метров. Ноги несли ее по дорожке целую вечность. Не раздумывая, она остановилась перед вросшими ржавыми железными воротами. Ни номер дома, ни имя, ни почтовый ящик не выдавали жильцов. Электронный замок защищал высокие садовые ворота. Кто бы ни жил здесь, они не хотели ни видеть никого, ни быть увиденными.

Каждый шаг будил ошеломляющие воспоминания: пальцы Лины плясали по клавишам, как по волшебству. Верхняя слева, средняя, нижняя слева, нижняя слева, средняя. 15775. Железные ворота загудели. Лина ни секунды не сомневалась, что обветшалый грязно-белый коттедж, спрятавшийся за густой изгородью из плюща, был домом ее семьи. С

волнением вошла она в собственное прошлое.

Тайный сад

Кривобокий снеговик, одетый в детские резиновые сапоги и футболку ее гандбольного клуба, приветствовал Лину дьявольской усмешкой.

– Здравствуйте, – нерешительно выкрикнула Лина, входя в сад. А потом чуть громче: – Здравствуйте? Есть кто-нибудь?

Ржавые детские качели дрожали на каркасе, на девственно-белом снегу между лужайкой и столиком террасы тут и там были отпечатки свежих следов крошечных туфель, в которых замерзала в виде десятка пакетиков с молоком вода. Чуть дальше полукруглые ряды разноцветных самодельных ледяных кирпичей отмечали планировку иглу. На недостроенной стене лежали крошечные розовые перчатки и надкусанное яблоко с отпечатком детского укуса. Фрукт казался сочным и свежим, словно кто-то бросил его минуту назад. Где обитатели домика?

Громкий треск с испугом вырвал Лину из мыслей. Над ней под тяжестью снега обломилась ветка. Белое облако окутало ее и затуманило обзор. Стряхнув снег с лица, воротника и одежды, она заметила, что яблоко исчезло. Лина резко развернулась вокруг собственной оси. Стояла тишина.

Осторожно поднявшись по двум обледенелым ступеням, она направилась к входу. Ее пальцы узнали выпуклость на перилах. Еще одно внезапное озарение из туманного мира между прошлым и настоящим. Когда она потянулась за ручкой, дверь со скрипом отворилась. Лина испуганно оглянулась. Что, если Данте был прав? Насколько опасно лезть в собственное прошлое? Что, если она столкнется с самой собой? Возможно, она тут же растворится в воздухе.

В прихожей две пары кроссовок стояли по сторонам от крошечной пары зимних сапог. В этом доме было по три экземпляра всех вещей: три куртки, три шарфа, три пары тапочек. Она глубоко уткнулась лицом в толстую мужскую парку и уловила знакомый запах одеколона. Через открытую дверь ванной она заметила красную бутылочку. Она все верно помнила. На цыпочках она исследовала музей собственной истории. Обстановка выглядела беспорядочной, скудной, легкой, но уютной. Квартира походила на защитный кокон. В большой столовой – самодельная мебель, развернутая газета, с любовью ухоженные растения в

горшках, начатый вязаный халат и разбросанные игрушки рассказывали о повседневной жизни семьи. На школьной доске рядом со списком покупок красовалось ядовито-зеленое выдуманное животное с длинными ушами, шипами и семнадцатью ногами. В холодильнике она нашла свой любимый йогурт (малиново-вишневый), открытую бутылку вина (безымянного и дешевого) и яблочный сок (органический и дорогой). Лишь подготовленный багаж в прихожей указывал на то, что семья Фридрих готовилась к отъезду. Лина встревоженно разглядывала те же чемоданы, что и на фотографиях с аварии. Тем более срочной становилась ее миссия. Время 16.30. Родители могут вернуться в любой момент. Еще оставалось время остановить неизбежное.

Внезапно она услышала веселый детский голос.

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Кто не спрятался, я не виновата.

Лина распахнула дверь в детскую и поняла, что считалочка всплыла из глубин памяти. Комната была такой же пустой и заброшенной, как и остальная квартира. В изнеможении Лина опустилась на свою старую детскую кровать, устланную одеялами и игрушками. Над ней висела плюшевая сова. Она завела музыкальную игрушку, подтянула руками колени к туловищу и прижалась к подушкам. Нежная мелодия превратила ее в ту маленькую девочку, которой она когда-то была. Она закрыла глаза.

Исправительная колония

Это и есть его новое место работы? Данте с сомнением огляделся. Без хронометра он был отстранен от путешествий и доступа к Куполу. Новый кабинет располагался в восьмиугольнике, окружавшем центр управления. Вместо того чтобы, как все в магазине часов, повернуть налево, в библиотеку, или пойти прямо к Куполу, он каждое утро открывал правую дверь. Отсюда дальше было некуда идти. Отдел ревизии был одновременно тупиком и конечной остановкой. Тому, кто попал сюда, уже не на что было надеяться. В этой исправительной колонии рассматривали жалобы.

Повсюду валялись стеклянные книги с нераскрытыми делами. Пока первые собирали пыль и паутину, конвейер обеспечивал непрерывный поток все новых и новых биографий-голограмм. Каждый шаг действительно представлял собой ходьбу по канату. Данте осторожно обошел стопки, чтобы представиться коллеге, который управлял отделом целую вечность.

– Данте, – представился он и протянул руку.

– Ага, – буркнул Ксавьер. Хорошо, что Данте уже знал его имя. Все знали имя Ксавьера, даже если видели его немногие.

Вместо того чтобы представиться, он с раздражением посмотрел на новоприбывшего. Ксавьер носил никелевые очки оранжевого цвета, бесконечно длинную бороду и столь же длинный тонкий конский хвост. Его живот выпирал поверх расстегнутых красных джинсов, ткань которых была настолько тонкой, что просвечивались грубые клетчатые трусы и носки с Микки Маусом. Ярко-синие подтяжки удерживали провисающие брюки на месте. К одежде Ксавьера нужно было привыкнуть, его кожа была пепельной, а настроение – ниже плинтуса. Мужчина казался слишком большим карликом, злыднем. Каждая клеточка его тела выражала враждебность.

– Не принимай это на свой счет, – проворчал он, прежде чем Данте успел заговорить. – У меня плохое настроение с 1884 года.

Ксавьер протиснулся мимо него и исчез между стеклянными книгами. Было нетрудно понять, где он находится. Сердитого сотрудника отдела жалоб окружал постоянный звон стекла. Он не пытался осторожно

обращаться с книгами.

– А что ты натворил? – крикнул Данте, входя в комнату.

– Я думал, что умнее всех, – ответил Ксавьер, обойдя угол полки.

– Что в этом плохого? – спросил Данте.

– Я все еще верю в это.

Данте с изумлением отметил, что Ксавьер носил работающий хронометр.

– Меня оправдывают в течение десятилетий, – заявил он. – Нужно только дождаться замены. Еще никто не был так умен, чтобы связываться с Хранительницей времени.

– Глуп, ты имеешь в виду, – поправил Данте.

Ксавьер с жалостью посмотрел на него.

– Говорят, работа здесь – наказание, а на самом деле отдел жалоб – лучшее место в Невидимом городе, – заговорщически прошептал он Данте. – Совершенно избыточный отдел. Здесь ты с легкостью получаешь четырнадцать часов сна в день. Красота.

Данте бродил по хаосу книг, валяющихся вокруг для повторной проверки. В исправительную колонию попадали все дела, в которых вмешательство путешественников во времени не приводило к желаемому результату.

– Рай я представлял себе по-другому, – признался он.

Данте взял книгу. Еще до того, как он успел ее захлопнуть, Ксавьер иронично произнес:

– Молодой семьянин, выиграл в лотерею. Его лучший друг обманул его ради наживы. От досады он бросился в реку. Путешественники во времени спасли его и отобрали деньги у его друга. И что он делает? Спускает все деньги и в пьяном виде въезжает в своем новом «Порше» в реку. Теперь мы снова вернулись к его делу. Его родственники жалуются на судьбу, что он вообще выиграл в лотерею.

Ксавьер намеренно наткнулся на Данте. Книга выскользнула у него из рук и разлетелась на тысячу частей.

– Готово, – сказал он.

Данте с ужасом посмотрел на него.

– Чья жизнь всегда была осколком, – пояснил злыдень. – Чума, голод, болезни, самые страшные муки: в Средние века народ принимал свою судьбу. Сегодня все недовольны. Даже если мы им помогли. Здесь нет никого, кто заслуживает другой участи. Здесь ты найдешь только недовольных, неблагодарных и ненасытных.

В доказательство он протянул Данте голограммную книгу. Голубоватая

голограмма молодой полноватой девушки в белой блузке, черной юбке до щиколоток и темных чулках парила в воздухе.

– Мейбл Фишер, восемнадцать лет, – буркнул он, – работала в телефонной компании. Умерла в 1920 году из-за необнаруженного туберкулеза. Ее жених застрелился. Мы помогли и подсунили ее доктору лекарство из двадцатого века.

– Почему это дело пересматривается?

– Она влюбилась в доктора, ее жених застрелился.

– А потом?

Ксавьера раздражало ненасытное любопытство его молодого коллеги.

– Мы сменили врача. И что произошло? Мейбл оставила своего жениха, чтобы в качестве медсестры помогать другим.

– Он застрелился, – догадался Данте.

– Мы пробовали шесть раз, – сообщил Ксавьер. – Ни в одной жизни молодая женщина не хотела возвращаться к своему жениху после болезни. Он истратил шесть жизней и до сих пор не понимает, что она не та.

Он разбил и эту стеклянную книгу об пол. Данте ужаснулся бессердечию, с которым Ксавьер решал вверенные ему судьбы.

– Что нам с ним делать? – кратко сказал Ксавьер. – Ведь это была ее книга. И ей, видимо, стало лучше без него.

Данте ползал по полу, подбирая обрывки чужой жизни. Ксавьер рассмеялся.

– Все люди гонятся за счастьем, однако несчастны по-разному. Их надежды следуют за ними повсюду, как тени, – начал он свою речь. – С людьми все равно что с начос и банкой томатного соуса, – продолжал он. – Вначале всегда заканчиваются чипсы. А если ты откроешь новую пачку, у тебя будет слишком мало соуса. В обыденном порядке вещей ничего хорошего не бывает.

– Тогда радуйся, что тебя сменят, – сказал Данте. Он был твердо намерен найти лучшие решения для безнадежных. – Как только ты покажешь мне, как все работает, то сможешь уйти, – пообещал он.

– Никогда, – рявкнул Ксавьер, болезненно сморщив лицо. – Только через мой труп. Если я выберусь отсюда, мне придется вернуться в отдел внешней разведки и напрямую возиться с этими неудачниками.

Ксавьер забился в темный угол. Данте понял, что не пошевелит и пальцем, чтобы принять участие в его переводе в оперативное дело.

– Веселой работы, – крикнул Ксавьер, опускаясь в свое кресло с подголовником.

ОХОТНИК И ДОБЫЧА

Когда Лина проснулась, то на какое-то мгновение не поняла, где находится. Она растерянно оглядела темную комнату, прежде чем из незнакомых теней проступили контуры ее старой детской комнаты. Она, должно быть, задремала от усталости. Снаружи царила глубокая темнота. Сколько времени прошло? Пару часов? Один день? Покачиваясь, она побрела по коридору. Чемоданы исчезли. Часы на кухне показывали 19.45. Она упустила свой шанс.

Дрожащими пальцами она отрегулировала свой хронометр во второй раз. Возможно ли с ее опытом путешествовать с места? Лина отказалась объезжать горку и порт. Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточить свои силы и мысли на детской комнате. Она чувствовала, как проседает земля, расплываются краски и контуры, как она погружается в тоннель образов и воспоминаний. Только не приземляйся в саду, ворвалась мысль ей в голову. Но было слишком поздно. Пришла в себя она посреди колючего кустарника. Скворечник ударил ее по голове. Зерна посыпались за воротник. Веселый девичий смех послышался в воздухе. Или ей это только показалось? Как и голос Сони, звучавший сквозь время: «Я тебе неоднократно говорила. Ты должна научиться лучше концентрироваться».

Лина разделяла ее точку зрения. Ей повезло, что она думала только о саде, а не о более опасных вещах. Концентрация оставалась ее слабым местом.

Путешествие во времени оказалось сложнее, чем она себе представляла. Одна неверная мысль, одно неверное действие – и вот уже сила воображения несет тебя через неуправляемую вселенную.

Тот же день. То же самое место. Другая тактика. Что бы она ни попробовала, ей просто не удавалось оставаться бодрой до возвращения родителей. Путешествие во времени отняло ее силы. Возможно, мышцы, которые необходимы при таком задании, были недостаточно натренированы. Стыдливо сравнивала она свои неуклюжие попытки с уверенной работой своей матери около спортивного зала. Как она это сделала? Рея плыла сквозь время так изящно и легко, чудом спасая Томаса от смертельного падения, словно это было самое легкое упражнение.

Каждый раз Лина плюхалась в новое время, словно мешок с картошкой. Лина решила попросить у матери советов, как только они встретятся. Но именно здесь начались трудности. После еще трех тщетных попыток Лина сразу же побежала в детскую, вырвала страницу из раскраски и потянулась к лежащему рядом карандашу. *Дорогие мама и папа...*

Незнакомое обращение заставило ее остановиться. Но что еще она должна была написать? *Дорогие мама и папа, это Лина. Вам нельзя ни в коем случае...* Грифель сломался, настолько сильно она сжимала карандаш. Лина начала искать другой пишущий предмет, когда до нее донесся странный гул. Как только она шевелилась, шум начинался, останавливалась – затихал.

Привычным взглядом Лина осмотрела окружение в поисках предательских точек света. Хорошо скрытый между кольцами занавеса, угрожающе поблескивал черный глаз камеры. Ей не послышалось: точно так же звучали датчики движения, контролирующие широко разветвленный коридор «Сити-бокса». Лина подхватила свой детский телефон и метким броском швырнула его в сторону стены. Камера грохнулась на пол и с грохотом потянула за собой искусно спрятанный за занавеской кабель. Шнур побежал вдоль оконной рамы на улицу. Лина выбежала наружу в сад и проследовала по шнуру вдоль стенки, украшенной розами и покрытой снегом клумбы в сторону соседнего участка.

С любопытством Лина перелезла через низкий деревянный забор. На заброшенном клочке бурой земли, которую не было видно с дороги сквозь густые кусты, припарковался пустой фургон с прицепом. И тут кабель кончился. Осторожно приблизилась Лина к перевозному жилищу. Колеса лежали плашмя, штукатурка осыпалась с фасада, на темных оконных стеклах образовался иней. Перед трейлером лежали наготове дрова и топор, свежие стружки и щепки выдавали постоянного посетителя – или даже жильца? Одинокий след в безупречно белом снежном покрове вел от фургона. Лина осторожно ступала по старым следам. На цыпочках она поднялась по обледенелым металлическим ступеням. Возможность была благоприятной, удача – на ее стороне. Дверь была не заперта.

Свет от бесчисленных мониторов залил комнату рассеянным синим светом. Гул, гудение и жужжание раздавались в воздухе, порожденные вентиляторами старых компьютеров и звоном дребезжащих стекол, дрожащих от сырости и холода. На экранах мерцали картинки из заброшенной квартиры Реи и Томаса. Отсюда контролировался каждый уголок квартиры.

Пахло несвежим воздухом, потом и холодным кофе. Все в этом секретном командном центре напоминало будку сторожа «Сити-бокса»: энергетические напитки Battery, эргономичный офисный стул, большая упаковка мятных конфет, дозатор с антибактериальным кремом для рук – даже терпкий запах, висевший в воздухе. Над рабочим столом висела знакомая фотография Гарри Кинга и Томаса. Именная гандбольная футболка, висевшая над стулом, развеяла последние сомнения. Лина попала в логово льва: здесь обитал Гарри Кинг. Стены раскрыли ужасающую степень его одержимости. Рядом с рукописными заметками, распечатками исторических документов и газетными статьями висели десятки фотографий Реи. Особенно увеличенные, изображающие ее запястье и хронометр. Рядом с ними были прикреплены чертежи устройства, испещренные множеством вопросительных знаков. Кинг прилагал огромные усилия, чтобы разгадать тайну путешественников во времени. Повсюду тикали часы: дорожные будильники, настольные часы, стоящие экземпляры, а также несметное количество карманных и наручных часов. Справа от фургона прислонился кривобокий стол, который, наверное, когда-то принадлежал часовщику. Хаос из инструментов, незаконченных хронометров, резьбы, винтов, шестеренок, пружин (некоторые детали настолько крошечные, что их приходилось использовать с помощью лупы) свидетельствовал о бесчисленных неудачных попытках и неумном честолюбии. Наброски основывались на фотографиях Реи и древнем коричневом блокноте. На картонной крышке был выбит логотип: стилизованная сова, глаза и тело которой состояли из шестеренок. Указателем служил клюв. Эти глаза она видела раньше, незадолго до того, как в первый раз ворвалась в Невидимый город. Под рисунком стояло написанное от руки старинным почерком имя владельца. Лина подумала, что в беспокойных строчках, ползущих то вверх, то вниз, можно расшифровать имя Кинга. Антикварная тетрадь пахла порошком от моли и пылью. Помимо эскизов часов и резьбы, в нем содержались сведения о продукции часового завода «Клок», снабженные датами. Данные показывали, что тетради было более ста лет. Некоторые страницы были так изрезаны и порваны, что рассыпались под пальцами. Какое отношение имели предки Гарри Кинга к часовому заводу? Известен ли тогда был ему термин «Совиная нора»? В семье госпожи Айзерманн все чаще появлялись большие носы, энергичный подбородок и выющиеся волосы, в роду Лины – икота, а семья Кинг, видимо, унаследовала одержимость временем и путешествиями во времени.

Страшное подозрение закралось в душу Лины. Неужели Гарри Кинг из

своего стеклянного ящика следил не за коридорами и парковкой «Сити-бокса», а за Линой? Работа охранника обеспечивала идеальную маскировку, чтобы приглядывать за девушкой. Невольно ей пришло в голову, как Гарри Кинг смотрел на нее из своего ящика в два часа ночи. Почему он никогда не рассказывал Соне о ее тайных прогулках по коридорам склада? Возможно, он был не против, что она мелькает перед его камерами в «Сити-боксе?» Она содрогнулась при мысли о том, что Гарри наблюдал за ней и подслушивал ее долгие годы.

Голоса зашумели в голове, впервые за несколько дней. «Ты должна убраться отсюда, – пронзительно закричали они. – Убирайся, пока он не вернулся! Оставь это другим».

Лина не слушала никого из них. Скорбь по отсутствующим воспоминаниям о родителях сопровождала ее столько, сколько она себя помнит. Заманчивая перспектива заполнить пустоту в сердце образами победила любой страх.

Лина заняла место на вращающемся стуле перед пультом наблюдения. Семь устройств записывали события в доме Фридрихов целую вечность. Какое устройство принадлежало какой камере? Какая из клавиш выполняла какую функцию? Без разбора она нажимала на кнопки разных устройств, пока внезапно не случилось кое-что. Первые кадры показали пустую и заброшенную кухню. Сколько времени ей оставалось на перемотку и ожидание? Чтобы сэкономить драгоценные минуты, она запустила все имеющиеся записи. Со всех сторон на нее обрушивались изображения семейной жизни, которую она помнила лишь обрывочно. Раздался гул голосов. Лина вздрогнула. Гарри Кинг не пожалел ни затрат, ни усилий на прослушку квартиры семьи Фридрих, так что звук тоже был записан. На одном мониторе готовил Томас, на другом Рея с маленькой Линой баловались в гостиной, на третьем был изображен общий завтрак в постели. Они одновременно смеялись, плакали, играли, а иногда и ругались. Потому что Лина своими новыми детскими ножницами срезала листья у всех растений в горшках или в сотый раз пробежала по кухне в грязных резиновых сапогах. И все это одновременно. Обычная семья, если бы не озабоченные лица родителей, которые по ночам строили какие-то планы.

С помощью нескольких простых шагов Лине удалось снизить звук на остальных проигрывателях. Диалог оставался неслышным. Почему они шептались? В собственных четырех стенах? Подозревали ли они, что за ними наблюдают? Лина почувствовала их страх. Она всегда представляла себе свою родную семью в ярких глянцевых картинках, немного похожих

на те, что в пестрой рекламе солнцезащитного крема с завода Веннингера. С каждой картинкой, с каждой сценой родители все больше приобретали очертания, жизнь и реальность. Волна грусти охватила Лину. Больше всего ей хотелось бы залезть в записи.

– Раз, два, три, четыре пять, я иду искать! – прокричал Томас на новой записи, когда Лина снова прибавила громкость.

Маленькая Лина побежала на кухню. Из гостиной доносился голос отца:

– ...Кто не спрятался, я не виноват.

Из-под раковины раздался громкий ик. Томас вошел в кухню и сделал вид, что не видит и не слышит маленькую девочку.

– Ик, – повторилось вновь. Лина выползла из своего укрытия. – Так нечестно, – возмущенно сказала она.

Томас усадил страдающую от икоты девочку на буфет, достал из шкафа бутылку уксуса и наполнил доньшко чашки острой жидкостью. Щедро приправил медом и чили. Лина осторожно понюхала и в ужасе отпрянула назад.

– Это колдовское зелье, – объяснил Томас, потягивая самодельное лекарство. Его рот скривился. С отвращением он сделал большой глоток. Секунду спустя он начал корчиться, словно страдал от острых симптомов отравления. У Лины расширились глаза. Она была так поражена его дикими подергиваниями и перекошенными гримасами, что забыла об икоте. Через силу Томас влил в себя остаток эссенции.

– Видишь, – сказал он, сияя довольством перед своей маленькой дочуркой. – Это помогает.

Лина расстроилась, когда они оба исчезли с экрана. Куда они делись? Она все еще не хотела прощаться. Проматывая вперед-назад, она снова нажала на кнопку Play и посмотрела прямо в пронзительные голубые глаза Кинга. Изображение шокировало ее. Торопливо Кинг отрегулировал камеру так, что теперь она показывала всю кухню. На заднем плане открылась входная дверь. Гарри Кинг вскочил со стула как раз вовремя, прежде чем Рея вышла из гостиной с вазой. Она взяла у Кинга букет цветов.

– У меня день рождения только через месяц, – раздраженно сказала она.

– Тогда, должно быть, я ошибся, – удивился Кинг.

Рея смущенно переминалась с ноги на ногу. Присутствие Кинга было ей явно неприятно. Она съежилась под его пронизывающим взглядом.

– Томас должен вернуться в любую минуту, – сказала она, возможно, чтобы он не навоображал себе невесту что.

– Странно, – сказал Кинг. – У меня постоянно такое чувство, что мы уже встречались раньше. В другом месте, в другое время.

Лина почувствовала, как у Реи напряглись мышцы.

– У меня еще много дел, – сказала она.

Гарри Кинг пропустил ее тихий протест мимо ушей.

– Гамбург! – выкрикнул он. – Должно быть, это было в Гамбурге.

Рея покачала головой. Ее взгляд с надеждой метнулся к входной двери.

Там не было никакого движения.

Кинг не сдавался:

– Мюнхен? Дюссельдорф?

– Мне действительно нужно сейчас... – начала она.

Кинг прервал ее на полуслове.

– Четыре года назад? Где ты там жила? – спросил он. – До того, как появилась здесь?

Он загонял ее все дальше и дальше. Она отступила на шаг и привалилась спиной к кухонному шкафу. Несколько чашек выпали из открытой двери и грохнулись на пол. Рея окаменела. Почему она просто не исчезла? Так же, как Лина исчезла с Данте? Кинг медленно подкрался ближе. Он был выше и сильнее ее матери. Рея, казалось, не знала, как избежать кучи вопросов и его угрожающего присутствия.

– Я много путешествовала, – отмахнулась она. – Я была то тут, то там.

Она попыталась уйти, когда Кинг вдруг вытянул руку и притянул ее за предплечье к себе. Немного приподнял рукав свитера. На ее запястье блеснул хронометр. Лина сразу поняла, что на часах не горят никакие световые сигналы. Словно они погасли, не функционируют, сломаны. Поэтому Рея оставалась на месте? Была ли она беспомощна перед Кингом, потому что больше не могла путешествовать во времени?

– Красивая штука, – сказал он. – Семейная ценность?

– Дешевая бижутерия, – сказала Рея. – Совершенно бесполезная.

– А где такую достать? – спросил он. – Я ищу подарок для Лилиан. Моей подруги. Она устроилась в детский сад. Хочу поздравить ее чем-то особенным.

В этот момент входная дверь распахнулась. В дверях стоял Томас, на руках он держал маленькую Лину. Кинг испуганно отпрянул. Рея с видимым облегчением увидела этих двоих.

– Почему бы тебе не заглянуть на выходных? – сказала она Кингу. – Томас что-нибудь приготовит, и мы поужинаем вместе, а потом обязательно выясним, где мы виделись раньше.

Кинг криво усмехнулся и вышел из квартиры. Дверь защелкнули на

замок. Томас вопросительно посмотрел на Рею.

– Надо отвести Лину в безопасное место, – сказала она, собирая осколки. – Он что-то подозревает.

На другом мониторе вместе с детскими фотографиями Рея спрятала пакет с хронометром в плюшевую сову, которую аккуратно разрезала маленькими ножницами, а потом снова зашила мелкими стежками. В другом кадре Томас суетливо и в панике запихивал домашние вещи в коробку для переезда. Лина узнала коробку, которая появится в «Сити-боксе» много лет спустя.

Лина была так ошеломлена потоком изображений, что слишком поздно заметила, как снаружи приближается шум мотора. Хлопнула дверца машины, по снегу хрустнули шаги. Дверь открылась. Лина оказалась в ловушке.

Все потеряно

Холодный порыв ветра свистнул сквозь открытую дверь, сметая со стола бумаги Кинга. Лина едва осмеливалась дышать. Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать... Зажавшись между принтером и корпусом компьютера, она спряталась в темном углу под рабочим столом. Ее правая рука обхватила отвертку, которую она в последний момент схватила со стола в качестве оружия.

Заснеженные кроссовки с оранжевым пламенем прошли по фургону. Мокрые ботинки оставляли на полу гадкие лужицы. Кинг бросил сумки с покупками, напугав ее. Через секунду перед ее лицом появилась здоровенная мужская рука, достающая заметки. Длинные черные волосы росли на его пальцах. В ужасе Лина прикусила нижнюю губу: только бы не икнуть. Пожалуйста. Не сейчас.

Гарри Кинг занял место на вращающемся стуле. Его одежда источала запах мокрой собаки. По характерному щелчку кнопок и жужжанию аппаратов она поняла, что Кинг просматривает записи. Было нетрудно догадаться, что рано или поздно он наткнется на записи, показывающие, как взрослая Лина осматривает дом своих родителей.

Стук ее сердца отдавался в горле. Колено Кинга подергивалось вверх-вниз на расстоянии пятнадцати сантиметров от нее. Она жевала свою футболку, чтобы не закричать. Кинг включил компьютер. Вентилятор справа от нее подскочил, обдувая ей лицо струйкой горячего воздуха. Лина перевела дыхание. Как долго она это выдержит? Лина молилась небесам, пока ее пальцы нащупывали кнопки хронометра. Страх не позволял ей ясно мыслить. Так она отсюда никогда не выберется. Она могла бы дать себе оплеуху. На мгновение она забыла, в чем, собственно, заключалась ее миссия: ей нужно было предупредить родителей.

Лина вздрогнула, когда принтер слева от нее внезапно выплюнул лист. Построчно вырисовывалась фотография. На ней была Лина во время осмотра квартиры. Через несколько секунд из щели выкатилась вторая бумажка, изображавшая маленькую Лину. Его рука почти коснулась ее колена, когда он схватил распечатки. Гарри Кинг встал и взял лупу с рабочего стола напротив. Она слышала его дыхание, чувствовала его

напряжение. Она представила себе, как он дотошно сравнивает с увеличительным стеклом два снимка. Изучал ли он форму глаз, изгиб бровей, линию роста волос? Заметил ли он уже ту крошечную родинку на ухе, которая была видна только тогда, когда Лина убирала волосы в хвост? Кинг уже шел по следу путешественников во времени. Если он ее узнает, в его руки попадет еще один кусочек головоломки. Что тогда?

Лина отчаянно и беззвучно втянула воздух. Голова ее раскалывалась, пот стекал по спине. Она изо всех сил пыталась сохранять спокойствие. Что ей остается делать? Как ей вообще отсюда выбраться? У нее не было выбора. Если она не хочет задохнуться, то ей придется столкнуться с Кингом.

Лина скользнула еще немного назад, чтобы освободить место. Подтянув правую ногу, она пнула ею изо всех сил. Мощным ударом ноги она сбросила компьютер с вентилятором к голени Кинга. Монитор и клавиатура упали со стола. Ее преследователь издал пронзительный крик боли. Лина воспользовалась моментом полного замешательства, чтобы выскочить из-под стола, броситься к двери и с размаху выскочить с лестницы на улицу. Выпрыгнув на снег, она поскользнулась. Кинг появился в дверях. Он держался за колено. Лина выпрямилась и побежала в сторону коттеджа.

– Лина! – взревел он в сумерках. – Останься. Мне нужно поговорить с тобой.

Кинг с трудом поспевал за Линой. Она знала, что свежие следы на снегу выдают ее. С каждым шагом он становился ближе. Его голова уже показывалась на границе участка. Его глаза метались по саду. Лина нырнула за стену из ледяных кирпичей.

– Мы договоримся, Лина, – услышала она его крик. – Тебе не стоит волноваться. Я на твоей стороне. Лина? Лина!

Его голос затих. Что произошло? Напряженно прислушиваясь, Лина вышла в сад. Подошел ли он ближе? Слышала ли она шаги? Почему она ничего не слышала? Где он? В этот момент его искаженное яростью лицо появилось из-за недостроенной стены. Лина швырнула ему в лицо горсть снега и побежала дальше.

Кинг уже собирался идти следом, когда какое-то движение у входной двери сбilo его с толку. Рея выбежала из квартиры, бросив свой багаж в багажник машины, которую Лина узнала из газетной статьи. Томас завел мотор. Молодая семья убегала. Все произошло в один миг. На мгновение Кинг казался озадаченным, затем перемахнул через забор и прыгнул в свою машину. Машина затряслась. В правой передней шине застряла

большая отвертка. С визгом шин Томас вырулил со стоянки.

Радость Лины по поводу удачного переворота длилась недолго. Из своего укрытия она беспомощно наблюдала, как Кинг приподнял брезент. Под ним стоял серебристый двухместный «Мерседес». Он тут же завел мотор. Впервые у нее появилось четкое доказательство того, кто сидел в машине преследователей в тот роковой новогодний вечер. 31.12.2006 года закончится, не приблизив ее ни на шаг к своей цели.

Лина была подавленной и отчаявшейся. Она ничего не добилась. Ее пальцы автоматически коснулись хронометра. Мысли разбегались во все стороны. Лина поняла, как рискованно было вставать на пути Кинга. Должен быть другой способ предотвратить аварию.

Ты должен мне помочь

– Так, кто тут у нас? – произнес Ксавьер. – Лина Фридрих, – торжествуя, злыдень поднял голограмму. – Маленькая девочка теряет родителей. Как трогательно.

– Ты пересматриваешь дело Лины? – спросил Данте. Толстый слой пыли покрывал его одежду и волосы. На его пальто висела паутина. Данте работал в исправительной колонии, чтобы защитить как можно больше дел от злобы и мрачного мировоззрения Ксавьера.

– У нее был шанс спасти родителей. И что она сделала? Все испортила.

Данте подобрал книгу. Ксавьер выхватил ее из его рук.

– Разве не помнишь: здесь рай. Ты можешь сидеть сложа руки и спокойно наблюдать, как люди превращают свою жизнь в кучку навоза. В исправительной колонии тебе даже вмешиваться не приходится: красота.

Он беспомощно смотрел, как Ксавьер оставляет книгу в специально охраняемом шкафчике. Данте застыл, поняв, что там также спрятаны книги Томаса и Реи. И всех, кто перешел на другую сторону. Ксавьер захлопнул дверцу сейфа перед его носом.

– Забудь о ней. Люди не стоят того, чтобы о них беспокоиться. А отступники – тем более.

Данте резко втянул воздух. Он всегда считал, что должен быть материал об исчезнувших сотрудниках Невидимого города. Ведь Ксавьер не уничтожил книгу Лины. Ксавьер точно знал, что она не просто какая-то девчонка.

– Лина ни в чем не виновата, – сказал Данте. – Это все моя вина. Я привез ее в Невидимый город, не позаботившись о тщательной подготовке.

– Она вся в мать, – сказал Ксавьер. – Та тоже считала, что покорит мир в одиночку. Это то, что называют высокомерием.

Он отвернулся, давая Данте понять, что разговор окончен. Данте не сдавался.

– Одолжи мне свой хронометр, – предложил он.

Ксавьер рассмеялся.

– Всего на пару часов, – умолял Данте.

– Это государственная измена, – сказал Ксавьер. – Просто наслаждайся

тем, что можешь быть зрителем в исправительной колонии.

– Измена – это здорово, – рассуждал Данте. – Если нас поймают, тебе больше не придется покидать отдел ревизии.

Впервые с тех пор, как Данте приступил к своему наказанию, он заставил Ксавьера улыбнуться. Мысль была заманчивой, его ответ был ясен.

– Глупости я не одобряю, – сказал он, морщась в своем кресле с подголовником.

Но Ксавьер не принял в расчет упрямство Данте. Данте обладал бесконечной энергией и желанием одолеть своего противника. Словно зверь в клетке, метался он часами напролет туда-сюда. Его взгляд всегда был пристально устремлен на Ксавьера. Его сварливый коллега был единственным, кто мог ему помочь.

– Ты величайший изверг из всех, что когда-либо попадались в исправительной колонии, – пожаловался Ксавьер. – Хуже чумы, холеры и потопы, вместе взятых.

С каждым шагом Данте сыпал на него новыми аргументами:

– Что ты теряешь? Это беспроегрышная ситуация. Некоторые люди заслужили второй, третий, пятый шанс.

Ксавьер заткнул уши. Словесный непрерывный поток стоил ему последнего нерва.

– Из-за тебя я пропускаю свой утренний дрем, полуденный сон, послеобеденный перерыв, а теперь еще и вечерний отдых, – пожаловался он.

Ковер перед его креслом уже показывал отчетливый след ходьбы, так часто шагал по нему Данте. Через двадцать часов сопротивление Ксавьера было сломлено. Раздраженно сорвал он хронометр со своего запястья.

– У тебя пятнадцать минут, – сказал Ксавьер. – Этого должно хватить, чтобы сделать из тебя полного идиота. Пятнадцать минут. Ни секунды больше.

Данте бросился к мужчине на шею и поцеловал его в щетинистую щеку.

– Тебе не нужно меня благодарить, – сказал Ксавьер, хватаясь за спасительную дозу дезинфицирующего средства. – Все идет наперекосяк. У людей всегда все идет наперекосяк.

В ожидании знака

Что теперь? С жалким видом сидела Лина на скамье высоко на вершине Айхберга. В призрачно-черной ночи ярко освещенная гора вырисовывалась из темноты, словно припудренная белым кротовина. Со стоянки спортзала раздавался веселый смех. В группах люди устраивали катание на санках на холме, который, помимо места для зимних удовольствий, служил площадкой, с которой открывался романтический вид на весь город. Вдали шумело движение, красно-белые линии пересекали горизонт на неровные поля. На заводах Веннингера у реки первые петарды взлетели в ночное небо. Город был в новогодней лихорадке. Лина чувствовала себя одинокой и покинутой. Через несколько часов в очередной раз наступит 2007 год. Новый день, Новый год, старая жизнь без родителей. Несмотря на все усилия, ей до сих пор не удалось предупредить Рею и Томаса. Лина надеялась на подсказку, на какой-нибудь знак.

Вокруг нее бушевали веселые вечеринки. Группы сверстников в бледном голубоватом свете прожектора мчались на автомобильных шинах и полиэтиленовых пакетах вниз по склону. Одна парочка обжималась в снегу. Мысли Лины зацепились за таможенный мост. Перед ее внутренним взором в бесконечной петле проносились образы спасения пострадавшего автомобиля. Как и предсказывала Соня, жестокие сцены стояли перед ее глазами. Каждая неудачная попытка уберечь родителей от той участи продолжала беречь рану. Возможно, это было связано с тем, что она еще как следует не освоила игру со временем. Или какая-то высшая сила препятствовала прямому контакту с родителями? Дыши глубоко. Продолжай дышать. Просто дыши. С помощью нескольких простых расслабляющих упражнений, которые она выучила на гандболе, она попыталась успокоить свои трепещущие нервы. Она была слишком взволнована, чтобы попытаться снова. Одна-единственная ложная мысль превращала каждый прыжок сквозь время в опасный для жизни адский полет. Стоит один раз подумать о льве, и окажешься в цирке. По ту сторону решетки. Были ли путешественники во времени бессмертны?

– Ну? У тебя уже есть планы на Новый год? – спросил голос рядом с ней.

Возможно ли это? Неужели это он? Здесь? На горке? Сердце Лины на радостях совершило кульбит, когда она узнала Данте.

– Ничего конкретного, – честно призналась она. – Я еще не закончила свой список 2006 года. Этот год будет преследовать меня целую вечность.

Данте занял место рядом с ней на скамейке. На его руке светился хронометр. Тот, кто так ловко маневрировал по карьерной лестнице, как Данте, наверняка знал, каким искусным приемом можно предотвратить автокатастрофу.

Взгляд Данте был полон беспокойства. Наверное, ее старания были налицо. Она была грязной, потной и довольно несчастной.

– Что я делаю не так? – спросила она.

– Ты не можешь спасти своих родителей, – тихо сказал Данте. – Не таким образом.

– Кто это сказал? Хранительница времени? – отмахнулась Лина. – Которая в любом случае имеет зуб на мою мать.

Если Данте пришел, чтобы заставить ее вернуться назад, он может тут же исчезнуть. Ее воля к воплощению смелого плана в жизнь была несокрушима.

– Я так близко, – сказала Лина, изображая крошечное расстояние большим и указательным пальцами. – Я не сдамся.

– Путешествия во времени не для того, чтобы совершенствовать собственную жизнь, – предупредил Данте.

Его поучительный тон раздражал ее.

– Речь идет не обо мне. Речь идет о моих родителях, – сердито сказала Лина.

– Ты мне нравишься, Лина, – сказал Данте. – Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

– А что может случиться? – сказала Лина. – Как путешественник во времени, я могу совершить тысячи ошибок. Я просто буду стараться до тех пор, пока это не сработает. Ведь нет ничего окончательного!

– Все не так просто, Лина.

– Я думала, ты хочешь мне помочь, – разочарованно сказала Лина.

– Я помогаю тебе. Больше, чем ты, вероятно, думаешь.

– Тогда помоги мне предотвратить аварию.

– Это не так просто, – повторил Данте.

– Может, просто еще никто не пробовал, – вызывающе сказала Лина. – В Средние века так же никто не считал возможным, чтобы люди летали на Марс и общались с помощью небольших устройств. А что такое автокатастрофа? Одной секунды достаточно, чтобы остановить ее.

Вместо ответа Данте снова посмотрел на свой хронометр.

– У меня нет времени на долгие объяснения, – сказал он. – Ты должна мне довериться. Возвращайся. Я научу тебя всему, что тебе нужно знать.

– Сделай это сейчас, – сказала Лина.

– Я не могу.

Снова ждать? Снова сидеть? Снова жить среди всех этих враждебных людей? Лина энергично покачала головой. Исходя из этого, она не была готова уступить.

– Ты не понимаешь, каково расти без родителей, – сказала она. – Это все равно что родиться с дырой в сердце.

– Я понимаю это гораздо лучше, чем ты думаешь, – очень тихо сказал Данте.

Лина удивленно посмотрела на него. Что, собственно, произошло с родителями Данте? И с родителями других путешественников во времени – Коко, например? Еще до того как она смогла озвучить эту мысль, ветер швырнул ей в лицо клочок бумаги. Гнев разрастался в ней, пока она не осознала, что это последний выпуск «Утра», который она пропустила. Вот оно! Это знак, которого она ждала. Почему она не подумала об этом раньше? Ей нужно научиться думать.

Последнее, в чем она сейчас нуждалась, так это чтобы кто-то объяснял ей, что она на неправильном пути. Когда дело касалось ее родителей, Данте был ничуть не лучше Сони, которая всегда представляла все в худшем свете и тем самым лишь навлекала беду. Для этой миссии ей нужно было избавиться от него. И она уже знала как.

Пятнадцать минут

Что она задумала? От Данте не ускользнула перемена настроения Лины.

Панически посмотрел он на хронометр. Прошло уже шесть минут. Ксавьер недвусмысленно дал ему понять, что если он не вернется вовремя, он сообщит, что хронометр украден.

– Я тебя прикрою, – объявил он. – Пятнадцать минут. Ни секунды больше.

Время ускользало от него.

– Лина! Ты знаешь далеко не все, – настаивал он.

Лина вскочила и принялась рыться в мусорном ведре.

– «Лидл» или «Альди»?^[24] – спросила Лина. Она держала в руках два полиэтиленовых пакета, которые кто-то оставил на саночной горке. – Ты выбираешь первым.

– Что, прости? – сказал Данте. Резкая смена темы озадачила его. На его лице был нарисован один большой вопросительный знак.

– Значит, «Альди», – сказала Лина без лишних слов и вручила озадаченному Данте потертый полиэтиленовый пакет.

– Ты прав. К черту прошлое. Давай просто повеселимся.

Данте наклонил голову. Что-то не так. Лина не выглядела особо веселой. Скорее сердитой.

– Ты когда-нибудь спускался с холма на животе? – спросила она, размахивая полиэтиленовым пакетом.

Данте рассмеялся.

– Возьмем этот крутой склон, – решила Лина. – Скольжение – это как путешествие во времени. С разбега получается лучше всего.

Данте колебался. За кого она его принимала? Никогда в жизни он не скатится с холма на полиэтиленовом пакете. Взгляд на хронометр поверг его в панику. Драгоценное время, которое он отвоевал у Ксавьера, рассыпалось в его руках. Осталось восемь минут.

– Путешествие во времени имеет серьезные побочные эффекты, – начал свою лекцию Данте.

Лина прервала его:

– Ты судишь о чужих жизнях. При этом ты ничего не знаешь о людях. И о том, что делает их счастливыми. Катание на санках, к примеру.

Семь минут. У него просто не было времени спорить с Линой. Данте подсчитал, сколько времени продлится такой спуск.

– Наперегонки, – предложила Лина.

– Ты выслушаешь меня внизу? – спросил он. – Не перебивая?

Лина кивнула.

– Честно?

– Обещаю.

Данте сделал шаг вперед. Что ему терять? Хранительница времени давно отстранила его от путешествий. Теперь он мог предаваться нелепым людским удовольствиям. Цель оправдывала и такие средства.

Лина и Данте заняли стартовые позиции. Полиэтиленовые пакеты они держали перед животом.

– Даешь слово? – спросил Данте.

Вместо ответа Лина начала отсчет:

– Пять, четыре, три, два...

Данте, движимый честолюбием и смелостью отчаявшегося человека, сделал фальстарт. Он едва не поскользнулся на ледяном покрытии, прежде чем достиг склона. Резко набрав скорость, он неуклюже плюхнулся животом на полиэтиленовый пакет и головой вперед помчался вниз по крутому склону. Он представил себе суматоху в центре управления, если кто-то наблюдал за его действиями. Он мог только надеяться, что на радаре он катался с хронометром Ксавьера.

Снег и лед брызнули вверх, лишив его обзора. Глаза слезились, руки болтались, а выпуклость холма врезалась в живот, словно кулак. Среди огромного снежного облака он слепо летел вниз. Управлять было невозможно, притормозить – тоже.

Беспомощно метался он из стороны в сторону, прежде чем местность, наконец, стала более плоской. Его тело оставило на снегу мокрый след, прежде чем он остановился. Данте ощущал каждую косточку в теле, когда поднимался. Лины нигде не было видно.

– Выиграл, – закричал он.

Воздев кулак к небу, он услышал под собой предательский треск. Это была уже не горка. Это даже не была твердая почва. Он оказался посреди утинога пруда. Вода просачивалась сквозь тонкий ледяной покров, обволакивала его подошвы, ботинки и лодыжки. Его левая нога провалилась сквозь лед. Последнее, что он заметил, прежде чем его тело

погрузилось в воду, была Лина, все еще стоявшая на вершине холма. Она выбросила свой полиэтиленовый пакет в мусорное ведро и исчезла в темноте.

Промокший до нитки, замерзший и злящийся на собственную глупость, Данте появился в исправительной колонии. Свитер и брюки затвердели на его теле, как камень. С прической, покрытой толстым слоем льда, он был похож на снежного ежа. Ксавьер все так же сидел в кресле с подголовником в той же позе. Молча взял он свой хронометр. Без всяких вопросов.

Между пятью и семью часами

Новый прыжок в вечно один и тот же нескончаемый предновогодний день. Главные часы пробили пять, когда Лина вошла в редакцию газеты. Полутора часов должно было хватить, чтобы добраться до старого таможенного моста. Она отодвинула грызущее ее чувство вины на задний план. Как только она выполнит свое задание, сразу извинится перед Данте.

С облегчением она отметила, что сотрудники «Утра» в канун Нового года были не сильно заняты. За немногочисленными письменными столами над текстами корпели в основном молодые люди. Это был не современный отдел новостей, который она видела вместе с Бобби, а старомодная канцелярская. Повсюду валялись бумаги и рукописные заметки. Учитывая предстоящий праздник, редакционная работа тянулась вяло.

Сотрудник указал ей дорогу. Карл Расмус как раз наливал себе двойной эспрессо у кофемашины, чтобы окончательно не заснуть. Он стоял к ней спиной. Все казалось правильным. Наконец Лина была на правильном пути. Почему она не додумалась до этого раньше? Все, что ей нужно было сделать, – это убедить молодого репортера отправиться на место происшествия раньше. Не лучше ли ей вмешаться на месте? Лина заглушила тихий внутренний голос, произнесший: «Помнишь: проводить как можно меньше времени в прошлом?»

Она не могла больше вернуться назад. Не теперь.

– У меня для вас новость, – начала Лина.

Лина вздрогнула, когда он обернулся. Бесконечно длинные ноги, долговязое тело, к тому же спутанные каштановые кудри и прическа, не заслуживающая названия, – непостижимое сходство между молодым Карлом Расмусом и его сыном Йонасом полностью выбило ее из колеи. Она икнула.

– Мы получили сообщение об аварии, – сказала она. – Пришло по телефону. Ик.

Карл Расмус уставился на заикающуюся девушку как на привидение.

– А ты кто? – спросил он.

– Я новый стажер, – запнулась Лина. – Я работаю в местной редакции во время рождественских каникул.

Хорошая мысль. Стажеров пропускали всегда и везде. Почему у «Утра» должно было быть иначе?

Все получилось. Через пять минут универсал «Вольво» Расмуса на высокой скорости покинул подземный гараж издательства. Расмус был так полон энтузиазма, что не стал возражать, когда Лина просто села рядом с ним.

– Нам нужно добраться до старого таможенного моста, – сказала она.

Беспокойно скользила она рядом с Карлом Расмусом на пассажирском сиденье. Журналист, казалось, не знал о тормозах и не нуждался в них. Санки, которые он возил на заднем сиденье, с каждым поворотом швыряло из стороны в сторону. Лина вцепилась в приборную панель. Голос, запах, манера проводить руками по дико оттопыренным волосам, подобная камикадзе манера передвигаться по городу – каждая деталь напоминала ей Йонаса. Украдкой взглянула она на водительское сиденье.

Карл вел машину по обледенелым улицам центра города. И еще в неправильном направлении. Лина заметила, что Расмус направляется в сторону порта.

– Куда вы собираетесь?

– На заправку, – сказал Расмус и постучал по указателю уровня топлива, который уже светился красным. – Это займет всего пять минут. Самое дешевое топливо находится в порту.

Пошел обратный отсчет, а Расмус тратил драгоценные минуты. Медленно вытащил он из крепления топливный шланг. Еще он решил поболтать с бомжом, который обсуждал с ним будущее портового района.

– Полный, – воскликнула Лина.

С трудом Расмус оторвался от разговора. Пока Карл отправился платить, пальцы Лины нетерпеливо стучали по приборной панели. Сколько времени прошло? Через восемь минут она безропотно последовала за шофером в торговый зал, где молодой журналист утешал расклеившегося арендатора.

– В третий раз, – всхлипнула она. – Меня ограбили уже три раза. За один месяц.

Расмус записал все подробности в старомодном блокноте.

– Как выглядел преступник? – спросил он.

– Высокий, вернее, такой, среднего роста, – произнесла владелица бензоколонки. – А может, и низкий. Я не знаю. Все произошло так быстро.

Она снова расплакалась.

Лина дернула водителя за рукав.

– Нам нужно ехать к месту аварии.

Расмус покачал головой. Всегда эти чрезмерно усердные стажеры, казалось, говорил его взгляд.

– Первый урок для молодого репортера, – прошептал он украдкой ей на ухо, – узнать детали истории при первой возможности. А это история.

Этот голос, эти карие глаза с золотистыми искорками, такие знакомые. Лина встряхнулась. Это был Карл Расмус, повторяла она про себя как мантру, а не Йонас.

– Авария важнее, – противилась Лина.

– Она никуда не убежит, – признал Расмус. – Восстановительные работы обычно занимают несколько часов.

Лина оказалась в затруднительном положении. Она не могла сообщить ему, что авария произойдет только через двадцать три минуты. Время убегало все дальше и дальше. Лина закрыла глаза. Перед ее внутренним взором машина родителей попала в аварию. Она услышала скрежет тормозов, визг металла. Ее кукла закружилась в воздухе. Чемодан лопнул на снегу.

Лина поняла, что здесь ей больше нечего делать. Она потянулась к хронометру. Новый старт. Другое расписание времени. Во второй раз она была лучше подготовлена. Несколько минут хватило, чтобы придать дню новый оборот и избавить арендатора от третьего травмирующего ограбления. Она почти жалела, что Данте не мог видеть, как изящно она переплетает все действия. Лина направила Расмуса так, что во второй раз он оказался на месте сразу же, как только вооруженный преступник вошел на заправку. Ударом в челюсть и бутылкой вина он сразил удивленного нападавшего. Карл Расмус едва мог поверить в свою репортерскую удачу. Никогда еще он не появлялся в нужное время в нужном месте.

– Ты приносишь мне удачу, – сказал он Лине.

– Ик, – ответила Лина. Его улыбка так сильно напоминала ей Йонаса, что у нее закружилась голова. Вчера и сегодня, Йонас и Карл Расмус – в ее голове перемешались время и люди.

К ужасу Лины, Расмус не упустил случая дожидаться приезда полиции и во всех подробностях изложил свои показания. Расмус был в восторге от того, что стал героем собственной истории. Лина не стала дожидаться окончания допроса. Она потянулась к хронометру.

В третий раз она позвонила в полицию еще до того, как обратилась к Расмусу в редакцию. Прибыв на заправку, они наткнулись на недовольных служащих, которые пили кофе у стойки и удивлялись фальшивому вызову арендатора заправки. Преступник, судя по всему, исчез ни с чем. История канула в небытие.

Лина ликовала внутри, когда они вовремя подъехали к таможенному мосту. Через минуту они попали в толпу, собравшуюся потому, что она ожидала прибытия инопланетян на перекрестке порта и кольцевой дороги. Увлеченность Карла своей профессией была безгранична.

– В качестве журналиста перед тобой стоит задача изобразить мир во всех красках. Даже если лично тебе они не нравятся, – сказал он.

Возможность взять интервью у эксцентричного лидера группы была слишком заманчивой. Якобу Йоханнсену было о чем рассказать. Ведь уже в возрасте четырех лет он впервые столкнулся с инопланетянами. Лина дала бы ему как минимум восемьдесят. Между прочим, как ей было известно, им было зафиксировано 786 наблюдений.

– Одно интереснее другого, – прозвучал голос Йоханнсена. – Я могу рассказать вам все подробности.

Четвертая попытка прошла не намного лучше. Правда, ей удалось после бензоколонки увести Расмуса от безумного Йоханнсена. Однако новый маршрут вел прямо мимо голой стены, на которой красавец Хьюго рисовал свое граффити. Романтическая женитьба была вполне Расмусу по вкусу.

– Такие истории – золото для новогоднего издания, – обрадовался он.

Лина вспомнила обо всех тех путешественниках во времени, которые тщательно готовились к своим операциям в Невидимом городе, прежде чем отправиться на фронт. Было ли это то, что Данте хотел сообщить ей на Айхберге?

Пока Хьюго позировал перед камерой Расмуса, Лина работала над планом следующей попытки. Время в пути между заправкой в порту и старым таможенным мостом при плохих погодных условиях составляло не менее двадцати минут. Все важные для новостей события были сосредоточены на двух часах между пятью и семью. Лина развернула листок, чтобы скоординировать свою операцию.

17.30–19.00 Встреча с инопланетянами

17.45 Преступник прибывает на заправку

17.52 Ограбление

17.55–18.14 Хьюго рисует граффити

18.29 Авария

После нескольких неудачных попыток Лина нашла идеальную временную дугу. Вместо редакции она начала новогодний вечер 2006 года в районе порта. Она прогулялась мимо Тони, попробовала жареный бургер

и оставила розовую краску, которую Хьюго потом прихватит у Тони, с полуоткрытой крышкой на улице. После этого она с помощью хронометра подготовила самую зрелищную в своей жизни встречу с пришельцами. Толпа не поверила своим глазам, когда она материализовалась перед ними. Впервые на обеих ногах. Она преобразила свой идеальный внешний вид, сказав пару слов лидеру.

– Я так много слышала о тебе от своих коллег, Якоб, – обратилась она к нему.

Йоханнсен упал в обморок, когда предполагаемая девушка-инопланетянка представила подробности из его жизни. Она все знала. От первой встречи в четыре года до других 786 наблюдений.

– Может, я все это не выдумал, – запнулся он.

До сих пор он, видимо, считал себя аферистом. Скандальное признание вызвало достаточный переполох у его сторонников, так что Лина могла спокойно двигаться дальше в сторону «Утра». Как раз вовремя, чтобы осведомить полицию. Когда Расмус вышел с бензоколонки с полным баком, где все те же полицейские пили кофе с арендатором, они проехали мимо ругающегося Хьюго. Замерзшая краска сорвала его романтический план. Лина вздохнула. Дело шло к таможенному мосту.

Авария

Резкий ветер сметал рыхлый снег на улицах, дворники работали на максимуме. Расмус прижался носом к лобовому стеклу, чтобы лучше сориентироваться. След шин, оставленный автомобилем на снегу, снова замело в течение нескольких секунд. На большой скорости приближались они к перекрестку, соединявшему Садовый поселок с магистральной дорогой. Здесь пересекутся пути Лины и ее родителей. Лина взволнованно жевала губу. Вдали показался темный «Гольф». Рея и Томас вели ожесточенный спор. Лина слышала их голоса, которые всплывали в ее памяти, как пузыри из какого-то потустороннего мира.

– Надо попытаться связаться с Хранительницей времени, – сказал Томас. – Она единственная, кто может остановить это безумие.

Рея энергично покачала головой.

– Ни за что. Тогда она сможет добраться до Лины. Я хочу избавить нашу дочь от выматывающих и одиноких скитаний по временам.

– Она не такая, как все.

– Об этом она никогда не должна узнать, – сказала Рея. – Мы должны найти для нее безопасное место. Пусть Лина живет нормальной жизнью, в которой будет смеяться, любить и делать свои собственные ошибки.

Автомобиль вырулил из Садового поселка перед «Вольво» журналиста на главную улицу. За ним на большой скорости следовал «Мерседес» Гарри Кинга. Свет фар ослепил его, и он начал сигналить, чтобы заставить Карла Расмуса затормозить. На того, в свою очередь, не произвело впечатления хамское поведение Гарри. Дорожное движение было для него всего лишь безобидным вариантом автомобильной гонки. Он вдавил педаль газа, подрезал Кинга и прижался позади к автомобилю родителей Лины. Время было идеальным.

На мгновение Лина поймала взгляд дико ругающегося Гарри Кинга. На радостях она показала ему средний палец. Кинг потерял контроль над управлением. Его «Мерседес» свернул на перекрестке, пару раз развернулся вокруг собственной оси, прежде чем врезаться в метровую елку, украшавшую островок безопасности. Искусственный снег и соломенные звезды тихо осыпались на него. Разъяренный Кинг ударил по

рулю. Открылся капот. Дерево склонилось в сторону в замедленном темпе, прежде чем погребло под собой машину.

Восемнадцать минут спустя Карл Расмус припарковал свой «Вольво» у старого таможенного моста. Его взгляд скользил по заснеженному пейзажу. Одиноким уличный фонарь придавал снегу таинственный блеск. Нигде ни следа разбитой машины.

– Ты уверена, что место правильное? – спросил Расмус.

Лина пожала плечами.

– Наверное, это была ложная информация. Возможно, от того же шутника, который сообщил об ограблении бензоколонки.

У нее получилось. Сработало, пела каждая клеточка ее тела. Ее родители будут жить. Путешествие во времени было просто великолепным.

– Лучше всего нам на сегодня закончить, – разочарованно сказал он. – В любом случае я хотел покататься на санках со своим маленьким сыном и его подружкой.

– Спасибо, – выпалила Лина. – Огромное спасибо.

Она не могла скрыть своей радости. Тысяча вопросов пронеслась у нее в голове одновременно. Каково будет больше не жить у тети? Что скажут Рея и Томас, если она вдруг предстанет перед ними? Странно ли будет иметь родителей? Ей было так много о чем рассказать. Мать Лины была из Невидимого города. Она поймет, почему их знакомство произошло с десятилетним опозданием. Она не могла дождаться, когда возьмет родителей за руки. Мама и папа.

– Я никогда не видел, чтобы кто-то так радовался неудачной операции, – удивился Расмус. – Может быть, тебе стоит еще раз подумать, действительно ли журналистика – это твое.

– Да, – сказала Лина, сияя, как медный грош.

Здесь и сейчас

Стук сердца Лины отдавался в самом горле. Настала пора вернуться в настоящее.

В качестве даты своего возвращения она выбрала четверг перед матчем. Вначале она провела день, изучая биологию. Поскольку она уже знала вопросы госпожи Айзерманн, у нее оставалось все время мира, чтобы нанести родителям первый визит. Она не могла дождаться, когда окунется в свою новую старую жизнь. Взволнованно настроила она восемь стрелок хронометра на нужную дату, закрыла глаза и всей силой мыслей сосредоточилась на площади Веннингера. В суматохе она меньше всего бросится в глаза, когда появится из ниоткуда. Она разбежалась и прыгнула.

Никогда еще путешествие во времени не ощущалось так хорошо. Слепой полет сквозь стиральную машину из ее воспоминаний стал почти обыденным. Данте гордился бы, если бы мог видеть, как профессионально она прыгает из одного времени в другое. Мысль о спутнике кольнула ее. Она все еще видела, как он мчится на полиэтиленовом пакете в темноту от нее. Она подвела его. Шаг за шагом, сказала она себе. Как только она посетит своих родителей и убедится, что ее жизнь действительно сделала поворот к позитиву, то сразу отправится к Данте. Он поймет. Он *должен* все понять.

Лина приземлилась на площади Веннингера. Она прыгала, скакала и бегала по городу. Starbucks, Apple Store, витрины с новейшей моделью iPhone – она снова была в своей реальности. Громкие предостерегающие голоса ошиблись. Все выглядело так же, как и всегда. У фонтана прохаживались студенты из гимназии, сотрудники окрестных контор постепенно покидали свои рабочие места, люди спешили к автобусу с набитыми пакетами, туристы фотографировали друг друга перед внушительной фигурой основателя фирмы. Запахи, люди, равнодушные – это был город, который она знала и любила. Никто не обращал на нее внимания. Все пялились в свои телефоны. Настоящее ощущалось просто великолепно.

Пока она не добралась до дома родителей на Партманнвег. Там, где, как она предполагала, стоит коттедж, ее поприветствовала огромная

строительная площадка. Пока она в недоумении смотрела на строение, устремляющееся ввысь, сосед протиснулся мимо нее с сенбернаром. Собака по кличке Альма злобно зарычала на Лину.

«Видишь, она неадекватная, как всегда, – заговорил один голос. Весь хор собрался в ее голове, чтобы бомбардировать ее комментариями. – Они были в бегах. Забыла? Кто знает, что еще ты упустила из вида. Ты задержалась слишком долго в прошлом, это не к добру».

Лина побежала. Как будто она могла убежать от назойливых голосов. Выйдя из Садового поселка, она пересекла островок на круговом перекрестке и свернула в сторону города. Ей пришлось отправиться в порт, к книге адресов Сони. Голоса так легко не сдавались и весело продолжали дальше травить душу. На полпути Лина пересекла улицу Бобби. Краем глаза она заметила, что что-то не так. Фасад дома, который обычно сиял белизной, сверкал поросычьим розовым светом. Куда, во имя всего, делся хороший вкус матери Бобби? Креативно заросший сад Генриетты Альберс уступил место старомодным цветникам, в которых тюльпаны стояли аккуратными рядами, как солдаты. Вместо овощных грядок по краям выстроились сформированные в шарики самшиты. Уютная лужайка, на которой она проводила столько летних дней с Бобби, выглядела так, словно ее подстригли маникюрными ножницами. Там, где еще цвели ромашки и одуванчики, стояла недружелюбная подсказка: этот частный участок – не собачий туалет. На входной двери отсутствовала красочная именная табличка, которую Бобби сделала из соленого теста. Лина не могла иначе. Она должна была знать, что здесь за спектакль. Ее палец нащупал звонок. По крайней мере, мелодия была та же, что и всегда. Дверь с размаху распахнулась. В проеме стояла Хлоя.

– Что ты здесь делаешь? – выпалила Лина.

– Живу, – холодно ответила Хлоя.

– С Бобби?

– Со своими родителями, – сказала Хлоя.

Это шутка? Неужели Бобби действительно подружилась с Хлоей за все это время?

Лина ничего не понимала.

– Здесь живет Бобби. Всегда жила.

– Кто такая Бобби? – недоуменно спросила Хлоя.

С Лины было достаточно этой дурацкой игры. Хлоя снова решила притворяться и важничать. Нетерпеливо отеснив товарища по команде в сторону, она вошла в прихожую и вздрогнула. Мебель в пудрово-пастельных тонах делала прихожую похожей на магазин сладостей. Стены

лестницы, обычно описывающие историю Бобби, сияли ярким золотом. Что это все значит?

– Когда-то здесь жила семья с ребенком, – вспомнила Хлоя. – Давно.

Куда делась Бобби? Где ее родители? Почему все по-другому?

«Ты знаешь почему, – донесся отвратительный маленький голос. – Ты все испортила. Но ты не хотела никого слушать».

– Переезд, – крикнула Лина. – Люди постоянно переезжают. Что в этом плохого?

«Ты же сама не веришь в это», – отозвался он.

– Заткнись, наконец, – закричала Лина.

– Как ты со мной разговариваешь? – возмущенно спросила Хлоя.

Но Лина уже снова выбежала на улицу.

Встревоженная, она побежала дальше в сторону портового района. В закускойной Тони обеспечивал стильных клиентов знаменитыми жареными мини-бургерами. Видимо, он воспринял ее предупреждения всерьез и сам возглавил лавку. Со своего места за грилем он внимательно следил за движениями Лины. «Мы знакомы?» – казалось, говорил его взгляд. Он озадаченно почесал затылок, словно разыскивая в глубинах своей памяти подсказку, где он уже видел эту девушку раньше.

На горизонте высветился желтый фасад «Сити-бокса». Издалека раздался сердитый голос Сони:

– Фиона, Шарлотта, быстро домой, – кричала она так же невозмутимо и раздраженно, как всегда.

Лина остановилась, когда мимо нее в знакомый дом ворвались две маленькие девочки. У них была такая же коричневая кожа, как у Тони, и его плетеные косички. Соня напряженно поспешила мимо Лины. Голоса пронзительно засмеялись. Голова Лины грозила лопнуть. Таинственное исчезновение Бобби, странно сдержанная реакция Тони, незнакомые дети с именами ее сестер, тетя, которая ее больше не узнавала? Что все это значит? Через полуоткрытое кухонное окно Лина уловила проблеск семейной жизни. Соня жаловалась на Тони, на развод, его ненадежность и отсутствие денег. Король бургеров растратил свои сбережения и задолжал за приобретение пивоварни. А теперь пришли расходы на школьную экскурсию.

– Я не могу, – сказала Соня. – Я не могу справиться со всем одна. Склад, чертов ремонт, счета, все время кому-то что-то от меня нужно, а теперь еще и это.

Младшие сестренки ложками поглощали кукурузные хлопья и делали вид, что на самом деле находятся на Марсе. Сколько раз Лина спрашивала

себя, до какой степени ее появление связано с несчастьем тети. Даже без автокатастрофы, подбросившей в ее жизнь маленькую девочку, Соня не проявляла ни малейшей склонности к тому, чтобы быть счастливой. Тетя встала и закрыла окно. Лина рисковала всем. Она схватила запасной ключ и опрометчиво прокралась к шкафу в прихожей. Винно-красная адресная книжка бесследно исчезла.

Ей нужно подумать. Спокойно. Прямо сейчас. Немедленно. С облегчением Лина обнаружила, что будку сторожа «Сити-бокса» занимал незнакомец. Рослый охранник выглядел вялым и скучающим. Проскользнуть мимо него было несложно. Лина сбегала к автомату и налила себе теплый шоколад. Она не поверила своим глазам, когда заметила в углу свой рюкзак. Как он сюда попал?

Дрожащими руками она осмотрела содержимое. Ключ от дома, который она носила с собой, был ей незнаком. Помимо школьных принадлежностей она обнаружила толстый конверт со старой газетой от 2 января 2007 года, в которой содержались события новогодней ночи. Лина лихорадочно пролистывала местные новости. Якоб Йоханнсен, известный исследователь НЛО, сообщил о волшебной встрече с девушкой-инопланетянкой, полиция в интервью посетовала на множество ложных вызовов в канун Нового года. Рядом описывались вооруженное ограбление киоска (фотография разыскиваемого напоминала преступника с автозаправочной станции) и авария на кольцевом перекрестке Садового поселка, которая сбила самую большую елку в городе. На фото был изображен разбитый «Мерседес». «Водитель разбитой машины был госпитализирован с травмами неопределенной степени тяжести», – сообщалось в статье. Там, где когда-то стояла фотография предложения руки и сердца Хьюго, теперь появился портрет слепого фотографа. Лина затаила дыхание. Последняя страница местных новостей была первоначально посвящена гибели ее родителей. Она перевернула страницу и застыла. «Трагедия в новогоднюю ночь», – гласил заголовок. У Лины подкосились ноги, когда она узнала фотографию Бобби, увеличенное изображение с фотографии со Дня святого Николая.

Полет бабочки

В отдел ревизии хлынул поток новых голограммных книг. Наряду с Линой теперь и у Бобби была книга. С серьезным видом Данте зафиксировал губительный результат вмешательства Лины. В книге были представлены кадры новогодней ночи 2006 года на Айхберге. Данте увидел голубую светящуюся голограмму в облике маленького рыцаря-джедая, бушующего на снегу.

– Смотри сюда, – крикнула маленькая Бобби.

Бродя вокруг, она обнаружила в кустах что-то интересное.

Она с энтузиазмом поманила к себе Йонаса. Это была ледянка огненно-красного цвета, как «Феррари». Местами пластик был треснутым.

– Может, испытаем ее? – спросила Бобби.

– Сначала спросим у папы, – ответил Йонас, с тревогой глядя на покореженную игрушку.

Карл Расмус раздраженно махнул рукой. У него не было времени на сына. Он разговаривал по телефону с редакцией.

– История о неправомерном использовании номера полиции и ложных вызовах – это не история? – возмущенно кричал он в телефон. – Почему же?

– Нам не хватает новостей, чтобы заполнить местный раздел газеты, – раздался голос из трубки. – Ты должен преподнести что-то новое. Что-нибудь чувственное.

– Что мне делать, если в городе ничего не происходит?

– Мы просто поедem, – решила Бобби, увлекая за собой сопротивляющегося Йонаса.

– Я могу выслать тебе свой портрет слепого фотографа. Он всегда популярен, – договаривался Расмус.

Бобби решила, что возможность благоприятна.

– Едем без твоего папы.

Йонас сдержанно кивнул. Особо убежденным он не выглядел. Пока Карл Расмус на заднем плане объяснял своему коллеге, какие фотографии лучше всего подходят для предварительной статьи, Йонас и Бобби заняли места на пластике. Оттолкнувшись обеими руками, они понеслись вниз по

склону. Пластик с хрустом летел вниз по обледеневшей дорожке. Спуск был крутой, гораздо круче, чем они думали. Бобби смеялась, Йонас кричал. Управлять ледянкой невозможно. Бобби энергично тормозила ногами. На высокой скорости ледянка направилась к кустарнику. Плащ Йонаса запутался в кусте и рывком сорвал его с опоры. Ледянка развернулась. Набирая скорость, она полетела задом по склону холма, прежде чем остановиться после долгого пути. Бобби вскочила.

– Еще раз, – крикнула она.

Она помахала Йонасу, который тщетно пытался освободить свой плащ. Он продолжал поскользываться на обледеневшем склоне. На вершине холма Расмус убрал телефон. Где дети? Он увидел своего сына, со слезами застрявшего в кустарнике, затем маленькую точку у подножия холма. Там, где горка переходила в утиный пруд. Бобби одиноко стояла на ледяном катке и восторженно махала им рукой. Карл Расмус побежал вниз. Скользя, падая, съезжая. Чистая паника отразилась на его лице, когда он достиг края пруда. Ярко-красная ледянка светилась на льду. Бобби бесследно исчезла.

Данте пораженно таращился на голограммную книгу. На протяжении нескольких минут, словно все еще надеясь на счастливый конец.

Ксавьер подытожил то, что Данте не хотел признавать:

– Твоя подружка здорово влипла.

Данте кивнул. Лина прошла нелегкий путь, усвоив главное правило путешествия во времени: даже полет бабочки может запустить цепную реакцию, которая в худшем случае приведет к торнадо.

– Она мне не подружка, – сердито сказал он.

Скрытые двери

Что теперь? Лина оказалась в тупике. Она наделала столько ошибок, сколько вообще можно было наделать, и не имела ни малейшего представления о том, как все исправить, не причинив еще больше вреда. Бобби была мертва, сестер заменили две незнакомые девочки, а Соня, несмотря на отсутствие Хьюго, была несчастна как никогда. Невольно она принесла несчастье самым близким людям. Даже Данте, который всегда желал ей только лучшего. Если цена жизни с родителями была такова, неужели она по-прежнему хотела такой жизни?

«Найди свою мать. Она все исправит, – кричали голоса. – Рея сможет помочь тебе. Она знает, как устроены путешествия во времени».

Лине стало плохо. Слезы навернулись на глаза. Ничего не вышло. Она хотела, чтобы ее мать могла гордиться ею, когда они впервые встретятся. Она не хотела быть дочерью, которая причиняет родителям горе и огорчает их так же, как она не раз огорчала Соню.

– Единственная, кто может остановить это безумие – это Хранительница времени, – сказал ее отец. Что, если он был прав? Осталось только одно решение: ей нужно вернуться в Невидимый город.

На этот раз путешествие подкидывало в основном совершенно черные картинки. Вместо красочных воспоминаний в тоннеле времени всплывали Генриетта Альберс, набросившаяся на Карла Расмуса, детский гроб, воздушные шары с именем Бобби, пустой крючок в садике, заброшенное место за столом с фотографией и несколькими цветами, кладбище с красным деревянным крестом. На нем детским почерком нацарапано имя Бобби. Под небольшой вертушкой, плавно крутящейся на ветру, стояла на страже любимая детская игрушка, похожая на лохматую дворняжку. Солнце сменилось дождем и снегом. Перед могилой стояла неподвижная Генриетта Альберс, позволяя снегу постепенно заметать себя. Никто не осмеливался заговорить с ней после трагедии.

Оказавшись в Невидимом городе, Лина почувствовала себя такой несчастной, как никогда в жизни. Смириться с отсутствием родителей всегда было больно, смириться со смертью Бобби, напротив, казалось ей

совершенно невозможным.

– Хранительница времени уже ждет тебя, – сказал язвительный голос.

Лина взглянула в холодные глаза Инес. Прием был ледяным. Инес бесцеремонно схватила Лину и впустила ее в магазин часов. По ее лицу Лина могла безошибочно прочесть, что правая рука Хранительницы времени обо всем знает.

– Это моя вина? – спросила Лина.

– Путешествия во времени – это ремесло, которому нужно научиться, – раздраженно пояснила Инес. – В противном случае запускаются неконтролируемые цепные реакции.

На глаза Лины навернулись слезы.

– Как я могу исправить то, что натворила? – спросила она.

Ее вопрос остался без ответа. Инес молча провела ее через систему безопасности у центрального входа в сердце Невидимого города. Сколько раз Лина стояла у окна своей комнаты в хостеле и гадала, какие тайны таит зловещий глаз. Теперь, столкнувшись с катастрофой, она едва осмеливалась оглянуться на огромное куполообразное сооружение. Тщетно искала она Данте за одним из письменных столов. Головы сотрудников, сидящих за контрольными пультами, смущенно опустили, никто не смел посмотреть ей в глаза. Только Коко бросила на нее рассерженный взгляд. Лина внутренне была с ней согласна. Она чувствовала себя преступницей на пути к эшафоту. Она стремилась к лучшему, а добилась худшего.

За центральным пультом скрывалась еще одна высокая дверь.

– Хранительница времени поручила мне привести сюда Лину, – сказала Инес, пытаясь протиснуться мимо охранников.

– Только девушка, – грозно произнес мужчина, встав на пути Инес.

– Ты знаешь, кто я, – сказала она.

– Ты знаешь, насколько мне плевать, – сказал охранник. – У меня есть приказ. Только девушка.

Лицо Инес выражало смесь изумления, гнева и разочарования. Лина поняла, что вход в коридоры в задней части Купола – это привилегия. Или высшая мера наказания.

Лина осторожно шагнула в полумрак. Дверь с тихим щелчком закрылась. Все звуки Купола стихли: приглушенные разговоры, сигналы тревоги, щелканье пальцев по виртуальным клавиатурам. Лина была на пути к Страшному суду. Пол изгибался перед ней странными неровностями. Осторожно сделав первый шаг, Лина обнаружила, что форма волны – это оптическая иллюзия. По стенам плавали черно-белые линии, внушающие мысль о кривизне там, где Лина только что нащупала

ровную поверхность. Зеркала подсказывали несуществующие возможности побега. В кабинете иллюзий все, казалось, было направлено на то, чтобы сбить с толку и смутить посетителей. Никто из тех, кто был допущен в этот коридор, не мог чувствовать себя в безопасности. Створчатая дверь была полуоткрыта, позволяя видеть холмистый пейзаж. Что тоже был просто оптический обман.

– Нам приходится отказываться от многого, но и на бумаге бывают приятные вещи, – услышала она голос.

Нерешительно Лина шагнула через дверь, которую только что считала нарисованной.

Бумс. Два шара с силой врезались друг в друга. В стерильно-белой гостиной за столь же ослепительно белым столом Хранительница времени играла в бильярд. Застекленная крыша открывала вид на залитое солнцем голубое небо. Даже окно было создано виртуально для имитации дневного света. Из-за искусственного света Хранительница времени казалась еще более прозрачной. Все в комнате светилось ярко, как снег, за исключением стены без окон, на которой были изображены крошечные совы. Хотя они и состояли из шестеренок, механические животные казались Лине такими живыми, словно в любую минуту могли оторваться от стены и вспорхнуть в воздух.

С непостижимой точностью Белая дама позволяла шарикам скользить по войлоку в лузы. Она не старалась скрыть свой гнев.

– Мне очень жаль, – нерешительно начала Лина.

Хранительница времени выжидающе подняла руку, веля ей замолчать.

– Я все знаю, – сказала она присущим ей суровым и глубоким голосом.

Она погрузилась в молчание. Слышались только удары шаров. Зачем Хранительница времени вызвала ее сюда, если не собиралась ни слушать, ни наказывать Лину?

– Я не хотела никому навредить, – не выдержав, наконец, сказала Лина. – По крайней мере, Бобби. Она этого не заслужила.

Вместо ответа Хранительница времени сунула ей в руку кий.

– Победи меня, – холодно сказала она.

Лина слабо запротестовала.

– Я гандболистка, я никогда не играла в бильярд.

Белая дама повернулась к ней спиной, словно уже потеряла интерес к Лине. Лина поняла: в Невидимом городе играют либо по правилам Хранительницы времени, либо не играют вообще. Компромисса не существовало.

– Пятерка в правом углу, – указала она Лине.

Сомневаясь, Лина решилась на неравный поединок. Пока Белая дама искусно отбивала шары друг от друга в потрясающих комбинациях, Лина попыталась сделать прямой удар. Шар, как пьяный, покатился по белому войлоку и остался лежать на полпути от бессмысленного удара. При следующих ударах ситуация не улучшилась. У Лины так сильно вспотели ладони, что кий вырвался из ее рук. Шар перебросился через край и ударился о белый мрамор, оказавшийся искусно расписанным деревянным полом. Третий попал не в ту лузу, четвертый приземлился черт знает где. Игра в бильярд получалась у нее ничуть не лучше, чем манипуляция временем. Хранительница времени посчитала жалкими ее неудачные попытки.

– Ни один шар не стоит сам по себе, – сказала она. – Так же, как и человек. Надо всегда учитывать окружающую среду.

Лина поняла, что это не просто бильярд. Хранительница времени лично преподала ей урок. Под шарами подразумевались клиенты, судьбе которых жители Невидимого города хотели дать положительный поворот. Лина попыталась напрямую вмешаться в тот новогодний вечер, вызвав тем самым лавину нежелательных побочных эффектов.

Хранительница времени подошла к столу и продемонстрировала свое мастерство. Одним ударом и потрясающей комбинацией она забросила все шары в заранее определенные лузы.

– Ты должна думать о связи, – пояснила она. – Первый шар служит для того, чтобы подтолкнуть второй, который забьет решающий третий. Только так у нас есть шанс остаться невидимыми.

Она поместила один черный и два белых шара по диагонали и потребовала, чтобы она отправила первый шар в центральную лузу справа.

– Покажи, на что способна.

Лина вспотела еще сильнее. Нужно мыслить нестандартно, сказала она себе. В голове услышала она голос подруги. Бобби была хороша в расчете кривых и разработке стратегий.

«Кто может указать пальцем на предмет, тот может и прицелиться», – всегда говорила она. Доказательство было простым: «Как научиться чему-то другому, не ошибаясь? Каждый может прицелиться».

То, что было правильно в гандболе, не могло быть совсем неправильным в бильярде.

Под пристальным взглядом Хранительницы времени Лина наклонилась над столом.

«Твои глаза должны быть расположены правильно относительно мишени, – услышала она в голове голос Бобби. – Угол падения равен углу

отражения, кий параллелен столу. Сначала образно нарисуй в голове дорожку, затем отправляй кий точно по линии».

В отличие от предыдущих раз, когда она дико размахивала рукой, на этот раз Лина осторожно и легко толкнула шар. С поразительной аккуратностью шар скользнул по войлоку, столкнулся со связкой – еще двумя шарами, – а затем, незадолго до того, как окончательно потерять ход, попал в среднюю лузу. Хранительница времени была явно впечатлена.

– Все-таки не совсем бездарная, – оценила она, отложив свой кий и направившись к выходу из комнаты.

Лина встала у нее на пути.

– А Бобби?

Белая дама окинула ее взглядом.

– Я узнаю упрямство твоей матери, – сказала она.

– Это уже хорошо, – сказала Лина.

– Нет, если упорно совершать ошибки. Я всегда давала Рее еще одну возможность исправиться. Моя дочь постоянно меня расстраивала. Как и ты.

Лину словно оглушили. Она едва заметила, как по жесту руки Хранительницы времени один из охранников подошел ближе, снял с ее запястья хронометр и передал его начальнице. Только краем сознания Лина заметила, как удаляется прочь Хранительница времени.

«Ты далеко не все знаешь», – не раз предупреждал ее Данте. Пол под ней задрожал. Никто до сих пор не осмеливался столкнуть ее с правдой. До сих пор.

– Мать Реи? Моя бабушка? – она оглянулась. Единственным, кто услышал вопрос, был охранник, который все еще стоял рядом с ней. Он отвернулся. Не осмелившись дать ответ, он взял ее вместо этого за руку и повел к выходу. Она не сопротивлялась.

Инес ждала ее у входа.

– Это правда? Рея была дочерью Хранительницы времени? Почему она ее так ненавидит? – бросилась ей навстречу Лина.

Инес холодно взглянула на нее.

– Хранительница времени так и не простила свою дочь за то, что та не взяла на себя роль ее наследницы. Она выбрала жизнь среди людей и – что еще хуже – ради ребенка.

– И что в этом такого плохого? – осторожно спросила Лина.

– Рея родила тебя от смертного, – ответила Инес. – Ты виновата в том, что Рея больше не захотела возвращаться в Невидимый город. Ты превратила дочь нашей Хранительницы времени в отступницу.

Лина высвободилась и побежала обратно в Купол. Хранительница времени как раз наклонилась, чтобы занять место у центрального пульта, когда Лина догнала ее. Любопытные взгляды отовсюду следили за противостоянием. Женщина, которая, судя по всему, была ее родственницей, смерила ее уничижительным взглядом, словно имела дело с надоедливym насекомым.

– Не воображай, что я чувствую родственную связь. Ты – дело. Дело, как и все остальные.

Лина тщетно пыталась представить себе эту женщину с семьей и ребенком.

– Вы допустили, чтобы Данте притащил меня сюда, – сказала Лина.

– Маленький промах, – возразила Хранительница времени на нахальство Лины. – Ничего личного, – легкий трепет ее век противоречил ее словам.

– Я знаю, каково это – скучать по кому-то, – осторожно сказала Лина.

– Это можно пережить, – прервала ее Хранительница времени, прежде чем смогла проявить хоть какие-то эмоции. – Нужно знать свое место и выполнять свои обязанности.

Лина родилась между двумя мирами. И теперь она не принадлежала ни к одному. Ни к путешественникам во времени, ни к людям, с которыми когда-то была знакома.

– Я знаю, в чем заключается мое задание, – сказала Лина. – Я хочу исправить то, что натворила.

Хранительница времени никак не отреагировала на просьбу Лины. Этого было недостаточно. Ничего не было достаточно. Лина предложила окончательное решение.

– Мне просто нужен шанс исправить свои промахи. А потом я исчезну отсюда навсегда. Даю слово.

– Почему я должна верить тебе? – спросила Хранительница времени.

– Бобби – хорошая девочка, – тихо сказала Лина. – Она заслуживает лучшей подруги.

Повисла долгая пауза, прежде чем Хранительница времени еле кивнула.

– Докажи, что я могу тебе доверять.

Она ушла, больше не обернувшись к Лине.

Второй шанс

– Еще один неудачник, – простонал Ксавьер.

Лина понуро прошла к своему новому рабочему месту в исправительной колонии – к единственному месту, где путешественники во времени без хронометра могли оказаться полезными в Невидимом городе. Ее сердце заколотилось, когда она узнала Данте среди горы голограммных книг. Ее дорогого, безумного, надежного спутника. Спутника, который теперь снова рядом с ней. Виновато приблизилась она к нему. Его разноцветные глаза казались мрачными и неприступными.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Но я... я... я не...

– Ага, – ответил Данте.

Он даже не стал дожидаться, что она скажет в свою защиту. Данте вернулся к своей работе, больше не обращая на нее внимания. Лина нахмурилась. Со времени ее постыдной выходки на снежной горке они не виделись и не разговаривали. То, что она его обманула, было еще одним пунктом в списке ее проступков. Она пускала на ветер все его советы. И заслужила наказание в исправительной колонии. И его гнев. Между тем Лина понимала, что он разрушил свою карьеру путешественника во времени только для того, чтобы помочь ей.

Ксавьер относился к ней не дружелюбнее.

– Здесь находятся жалобы, – скучающе объяснил он. – Мы выбираем дела, которые будут представлены на собрании для пересмотра. Остальное выяснится само по себе.

– Мы не можем ничего решать? – заинтересованно спросила Лина.

Ксавьер повернулся к Данте, как будто Лины и не было вовсе.

– Спасибо, добрый друг, – сказал он Данте. – Еще одна беда на мою голову. У тебя там есть еще друзья?

Данте пробормотал что-то невнятное.

Ксавьер развернулся и бросил взгляд на Лину.

– А ты как думаешь? Что можешь дальше копать в жизни других людей?

Лина пораженно опустила голову. Мысль о том, что она, возможно, никогда больше не увидит Бобби, тяжелым грузом лежала на ее душе. Она

могла помочь своей подруге только в том случае, если убедит Хранительницу времени, что может быть хорошей сотрудницей. А это означало, что потребуется начать с самых низов. С Ксавьера. Она была уверена, что Хранительница времени наблюдает за ее успехами издалека. Она ни в коем случае не хотела предавать оказанное ей доверие. Как она предала Данте. Тот избегал любых взглядов. Было больно. Каждая частичка в ней болела.

Лина встряхнулась. В чем заключается ее задача? Куда бы она ни смотрела, везде стояли стопки голограммных книг. Все эти люди, с которыми судьба обошлась скверно, говорили с ней. Она слышала крики, плач, сердитые голоса, причитания. Голова ее грозила лопнуть, несчастье валилось на нее со всех сторон. словно телевизор одновременно показывал все каналы.

– К этому привыкаешь, – сказал Ксавьер. – Через пару недель они заткнутся.

– С чего начать? – беспомощно спросила она.

– Тебе решать, – коротко сказал он.

Данте демонстративно посмотрел в другую сторону. Лина не могла винить его в том, что он не хотел поддерживать ее. Она одна виновата в том, что они оба оказались в этом затруднительном положении.

Инстинктивно она схватила книгу, из которой тихо звучала фортепианная музыка. Две тощие балерины со славными пучками, в пачках и с победоносными улыбками выступили ей навстречу голубоватыми мерцающими голограммами. Катерина и Анна. Лучшие подруги, как она и Бобби.

– Дело 1997 года, – удивилась она.

– А что делать? Мы безнадежно перегружены, – произнес Ксавьер, устраиваясь поудобнее в своем кресле с подголовником. Данте уравнивал внушительную стопку голограммных книг на своем рабочем месте. Никто из них, казалось, больше не обращал на нее внимания.

Лина углубилась в свое дело. Путешественники во времени спасли Катерину от смертельной болезни. Через месяц во время езды на велосипеде ей в рот залетела пчела. Она потеряла контроль над управлением, врезалась в подругу, которая ехала рядом с ней. Анна упала. Ее голова ударилась о бордюр. Больше она не двигалась.

Лина не могла изменить свою судьбу, но могла заступиться за друзей и семью двух девушек. Данте не отрывал взгляда от своей работы, когда Лина прошла мимо него, чтобы положить книгу Анны на ленту, которая

вела в зал собраний. Хранительница времени решил дать девушкам второй шанс.

После пятнадцати часов работы она нашла пять подходящих для пересмотра дел, на которые Ксавьер и Данте не обратили внимания. Если она продолжит работать в таком темпе, ей потребуется около 26000 часов, чтобы навести хоть какой-то порядок. И поток новых книг не прекращался.

Болел каждый мускул в ее теле, когда она вечером тащилась к себе в hostel. Добравшись туда, Лина не смогла уснуть. Персонализированные газетные страницы, украшавшие стены, настойчиво напоминали ей о том, какую груду осколков она оставила позади. Статьи изменились. Она читала о трауре в группе детского сада, о суде над Карлом Расмусом, о Генриетте Альберс, которая после смерти дочери и развода основала Траурный клуб, и о бродяге, который не пришел в себя после удара судьбы. Это был Карл Расмус. Лина надеялась остановить зловещую цепную реакцию своим бегством в Невидимый город. Один взгляд на ее фотографии на телефоне показал, что это напрасная надежда. Когда она открывала изображения, они казались испорченными, нечеткими. Даже Йонас, казалось, медленно растворяется в тысячу пикселей. Ей нужно работать быстрее.

Сдаваться Лина не собиралась. На мгновение она закрыла глаза. Как бы поступила Бобби?

Порядок – основа всей жизни

– Осторожно! Трудолюбивый ботаник, – прошептал Ксавьер Данте.

Солнце взошло над Невидимым городом, когда Данте прибыл на место работы. С тех пор как Лина вернулась, его работа в отделе ревизии уже не казалась ему такой ужасной. Сегодня он специально пришел пораньше.

Открыв дверь, он едва не столкнулся с Линой, и на мгновение их плечи соприкоснулись. Инстинктивно они оба отпрянули назад. Пока Ксавьер после проявленных усилий встать и попить кофе положил ноги на стол, Лина возилась вокруг заваленного архива.

Данте осторожно выглянул из-за стопки своих книг. Что она задумала? Лина расчищала своего рода коридор. Таким образом, она могла передвигаться по комнате, не рискуя обрушить одну из стеклянных книжных башен. Внезапно она украдкой повернулась к нему. Электрический разряд пронзил тело Данте, когда их взгляды встретились. Испуганно они оба отвернулись назад.

– Скорейшего выздоровления, – прошептал Ксавьер. Диагноз был для него ясен. – Вы оба заразились эмоциональным вирусом, который затуманивает мышление. Я молюсь за ваше скорейшее выздоровление, прежде чем вы окончательно превратите мою жизнь в ад этими гормональными колебаниями.

Данте ахнул. Что навоображал себе Ксавьер? Эмоциональный вирус? Полная чушь. Какое ему дело до Лины? Его не волновало, что она собиралась делать со своей жизнью. Или с архивом. Ему было все равно. На двадцать секунд. После этого он больше не мог сопротивляться желанию взглянуть на нее. А как же тот переполох, который устроила девушка? Украдкой он наблюдал, как Лина переносит горы голограммных книг слева направо и справа налево, расставляя все новые и новые стопки. С каждым переходом на нее все больше оседало пыли и паутины, волосы ее растрепались. Из-под укрытия, которым служила полка, он с удивлением наблюдал, как она потела, охала, стонала, бегала, но продолжала. Внезапно она вытащила книгу, которая была прямо у него под носом, и посмотрела Данте прямо в глаза.

– Что ты там делаешь? – спросил он.

Любопытство пересилило злость.

– Сортирую, – сказала Лина.

Она вытерла лоб локтем, оставляя на нем темный след.

– Все упорядочено по эпохам, – пояснила она.

Данте шагнул ближе. Стопка Античности и Средневековья была относительно небольшой. Чем ближе становилось настоящее, тем меньше людей было готово смириться с собственной судьбой, – с оценкой современности Ксавьер не ошибся. XXI век произвел настоящую гору необработанных дел.

– Чем лучше людям, тем больше жалоб поступает, – сказала Лина. – И это даже при удачном вмешательстве.

Но и для этого она уже нашла решение.

– Я сортировала книги, – объяснила она. – По возрасту пострадавших, полу, причине смерти и году.

Она указала на шесть разрозненных стопок:

– Несчастные случаи, убийства, пропажи, смерть от болезни, стихийные бедствия, самоубийства.

– Лучше разделить их по возрастным группам, – предложил Данте. – Когда кто-то попадает в аварию в девяносто четыре, это имеет совершенно другие последствия, чем в четыре.

Лина кивнула. Оба интуитивно схватились за одну и ту же книгу. Кончики их пальцев соприкоснулись. Испуганно они отдернули руки назад.

– Мне правда жаль, – нарушила возникшую тишину Лина. – Я не хотела причинять тебе боль.

– Ага, – улыбнувшись, повторил Данте. На этот раз он имел в виду то, что сказал. Ее поступок импонировал ему. Столько людей, чьи дела во второй раз попадали в «Агентство ударов судьбы», непрерывно жаловались. Лина взялась за дело.

– Возрастная группа обозначает срочность, – крикнула Лина с одной стороны комнаты.

Данте был впечатлен, увидев, как она мчится по комнате, словно выполняя работу своей мечты.

– Дети автоматически отправляются на ревизию, – прозвучало с другой стороны.

– Ни один ребенок не заслуживает преждевременной смерти, – кивнул Данте, забирая у нее стопку книг.

За столом они начали перебирать дела. Плечом к плечу. Их локти и кончики волос соприкоснулись, когда они вместе склонились над книгой.

– Мы сопоставим данные с каналами социальных сетей, чтобы заранее проверить, какие жалобы были решены, – предложила Лина.

Отбор показал, что на протяжении многих лет некоторые удары судьбы приводят к положительным эффектам. Данте кивнул. Никогда еще никто не предлагал использовать новые средства массовой информации для оптимизации работы. Что-то кардинально изменилось. Лина больше не думала о личном счастье. Лина искренне хотела научиться помогать другим людям.

– Если вы будете продолжать в таком же духе, я вернусь на оперативную службу, – буркнул Ксавьер, сворачивая из бумаги импровизированные беруши, которыми он заткнул себе уши.

Данте и Лина не позволяли себе отвлекаться. На конвейере, ведущем в зал собраний, уже была пробка.

Должно ли это продолжаться?

– Мы получаем слишком много дел из отдела ревизии, – пожаловалась Инес.

Коко вытянула шею вперед. Инес, которая обычно вела себя хладнокровно и спокойно, взволнованно смотрела на Хранительницу времени. Свежий воздух, пронесшийся вместе с Линой в «Агентство ударов судьбы», не ускользнул в Куполе ни от кого. Коко не могла избавиться от мысли, что Хранительница времени восприняла с благосклонностью то, что стопки голограммных книг прибыли из отдела ревизии.

Коко попробовала разглядеть две точки на своем мониторе, которые почти всегда находились рядом. Номера сотрудников 6454 и 4477 двигались двумя параллельными линиями. Нервно Коко наклонилась ближе и ошеломленно заметила, как ее некогда лучший друг затевает бурный спор с новенькой. Особенно несчастным он при этом, как ни странно, не выглядел. Видимо, ему нравилось вербально соперничать с Линой. Еще более тревожными были своеобразно длинные гляделки между Данте и Линой.

Целыми днями Коко изучала у экрана любопытные закономерности. Она отметила, что зрительный контакт ни при каких обстоятельствах не продолжался дольше 3,2 секунды. После этого магического предела обе ее цели расходились по своим делам, как будто ничего не произошло. Коко уже давно задавалась вопросом, какая тайная сила кроется во взглядах. Одно из ее первых дел привело ее в Средневековье, где молодая женщина пыталась привлечь внимание неверного мужа, капая себе в глаза сок белладонны. Травница продала ей сок, увеличивающий зрачки, по непомерной цене.

– Сияющие глаза приворожат любого изменника, – пообещала женщина.

К сожалению, она забыла упомянуть, что капли, которые она советовала капать в глаза, были смертельными. Отсутствие гигиены сделало все остальное. Этими же пальцами женщина готовила еду до тех пор, пока оба супруга не умерли от отравления.

Во взглядах существовала какая-то магия, недоступная взору обычной путешественницы во времени вроде Коко.

Инес подошла к ней.

– Есть что-нибудь новенькое? – спросила она.

Подобно Коко, Инес наблюдала за новенькой с крайним недоверием. Их обеих охватил страх, что Лина лишит их полномочий. Вместе они уставились на монитор.

– Не понимаю, чем она заслужила особое отношение, – с горечью сказала Инес.

Коко недоуменно пожала плечами. Она понятия не имела. Она знала только, что ей больше всего хотелось бы оказаться на месте Лины. С тех пор как девушка начала жить в Невидимом городе, у нее пропал аппетит. Больше ничто не казалось вкусным, даже любимая еда в столовой. Инес не откажется от своего места без боя. Коко набралась смелости. На обратном пути от Купола она подошла к Данте.

– Я должна тебя кое о чем спросить, – сказала она, встав перед Данте с широко расставленными ногами. Она не сдвинулась с места. Не произнесла ни слова. И пронзительно уставилась на него.

– Что ты делаешь? – растерянно спросил Данте.

– Я смотрю тебе в глаза, – честно сказала Коко.

Она гладела и пялилась, но ничто не шевельнулось. Ни в ней, ни в Данте.

– Сосредоточься, – потребовала она.

– Я? – весело приподнял уголок рта Данте.

– Тебе нужно продержаться подольше, – потребовала она у него.

Коко внимательно изучала поведение Лины. Как она склонила голову набок, немного подняла взгляд и смущенно улыбнулась. Она подражала Лине до мелочей, но не добилась никакого эффекта. Через двенадцать секунд она сдалась. Как и в зеркале, в разноцветных глазах Данте она воспринимала только свое собственное «я».

– Ты делаешь что-то не так, – сказала она.

Может быть, не хватало какого-нибудь ингредиента? Что-то вроде сока белладонны. Или нескольких капель человеческой крови, щепотки опасности. Коко никогда не поймет людей. Она понимала только, что ее лучший друг Данте все больше отдаляется от нее.

Жилье для новичков

Лина не продвинулась ни на шаг. Каждый вечер она отправляла дело Бобби на собрание для пересмотра и каждое утро находила необработанную голограммную книгу на конвейере.

– Сколько это еще продлится? – спросила она.

Данте пожал плечами.

– В конце концов она уступит. Ее молчание – хороший знак.

Лина не сдавалась. «Срочно», – написала она на книге Бобби перед тем, как они покинули исправительную колонию.

Бок о бок они пробежали часть пути домой вместе. К эксцентричным фигурам, встречавшимся ей повсюду, Лина привыкла. Но не к таким экстремальным погодным колебаниям. После внезапного наступления зимы Невидимый город боролся с волной жары. Пока Лина ныла, находясь под солнцем, остальных путешественников во времени это, казалось, совершенно не беспокоило. Ее человеческая часть вспотела, замерзла и утомилась. Данте никогда не проявлял признаков усталости. При всем очаровании юноша оставался для нее загадкой. Куда он ходил каждый вечер? Что он делал, когда не работал рядом с ней?

– Где ты, собственно, живешь? – спросила она, когда их пути разошлись у солнечных часов.

Данте рассмеялся.

– Мы не живем, как вы, – сказал он. – Мы путешествуем. Мы всегда в пути.

Обычно они прощались здесь. Но на этот раз Лине не хотелось довольствоваться этим.

Она настойчиво произнесла:

– Где-то тебе же надо спать.

– Время от времени, – загадочно сказал Данте.

– Можно посмотреть твою комнату? – дерзко спросила Лина.

На мгновение Данте ошеломленно замер.

– Зачем?

– Ты обо мне все знаешь, а я о тебе ничего, – пожаловалась Лина.

– Моя комната тебе не поможет.

– Можно я сама решу?

– Нет.

Аргументы летали туда-сюда в быстром темпе, словно теннисные мячики.

– Что ты скрываешь?

– В том-то и дело, что ничего.

– Я тебе не верю.

Как обычно, он быстро побежал вперед.

– Это несправедливо, – крикнула ему вслед Лина. – Ты приводишь меня сюда...

– Ты сама вызвалась, я просто отреагировал на твой сигнал.

– Ты приводишь меня сюда, поскольку знаешь обо мне больше, чем я сама. Ты постоянно вмешиваешься в жизнь других людей, – настаивала Лина, – но если тебе приходится самому отвечать на вопрос, то ты ведешь себя ужасно.

– Люди странные, – признал Данте.

– И что? – спросила Лина.

– При одном условии, – согласился он. – Не жалуйся потом.

Лина кивнула.

Данте взял ее за руку, резко сменил направление и потянул за собой. Она не знала, в какой раз уже обходит внешний восьмиугольник. В то время как хостел Лины находился в северной части города, Данте направился к южной части.

– Сюда, – сказал он, указывая на непримечательный жилой дом, украшенный неоновым знаком «Гостиница «Солнечная».

– У тебя нет собственного жилища? – растерянно спросила она.

– Мы все живем в отелях, – объяснил Данте. – Мы просто гости в Невидимом городе.

Отель ничем не отличался от всех остальных. Вестибюль, как обычно, заполняли многочисленные путешественники, готовившиеся к своим заданиям. Десятки пар глаз следили за ними, когда они, хихикая, втискивались в одноместный лифт. Дверь закрылась. Лазерный сканер неистово пробежал по ее телу. Видимо, система не была рассчитана на то, чтобы путешественники во времени принимали гостей в своих апартаментах.

– Ручное управление, – прогремел голос. – Пожалуйста, укажите номер своей комнаты.

– Это голосовой компьютер, – пояснил Данте. – Если система зависает, ты связываешься с сотрудником.

Он набрал номер. 6–4–5–4.

Лифт дернулся так резко, что Лину бросило на Данте. Сканер обезумел: вокруг них замигали красные и зеленые цвета.

– Это похоже на дискотеку для двоих, – засмеялась Лина. Она вскинула руки вверх и сделала несколько танцевальных па.

Данте стоял неподвижно.

– Ты никогда не танцевал? – спросила она.

– Не было необходимости, – сказал Данте.

– Все очень просто, – объяснила Лина. – Тебе просто нужно слушать музыку, а тело само подскажет, как двигаться.

Она начала напевать какую-то мелодию. Осторожно положив руки на плечо и талию Лины, он притянул ее к себе. Он был на голову выше ее, и даже в конце долгого дня от него пахло свежо, как после душа, отчасти сосновыми иголками. Она чувствовала его сердцебиение и нервозность.

– Обычно путешественники во времени никогда долго не задерживаются на одном месте, – сказал он. – Но мне нравится быть в одном месте. Особенно когда оно такое маленькое.

Его руки тепло скользнули по ее спине. Лина посмотрела прямо в его необыкновенные глаза. Их лица приблизились друг к другу.

Бам. Резким рывком лифт остановился, и двери распахнулись. Незапланированное двойное пребывание внутри, видимо, испортило всю систему. В ужасе Лина и Данте отпрыгнули друг от друга. Интимный момент растворился так же быстро, как и наступил. На пороге стоял рослый римлянин в пластинчатых доспехах, со снаряжением и в сандалиях. Его руки и ноги были такими же голыми, как и тренированными. Он явно смутился, увидев, что лифт занят. Причем вдвойне. За неимением лучших идей воин протиснулся между Линой и Данте. От него пахло так, словно он последние четырнадцать дней дрался со львами в Колизее. В этот лифт больше не поместился бы даже лист бумаги. Лина была рада, что на шестом этаже наконец-то покинула движущуюся банку с сардинами. Римлянин вышел в коридор и недоверчиво наблюдал за парочкой, пока она не исчезла в темноте. Он потянулся к своему хронометру и набрал номер.

– Привет, Инес, есть кое-что, о чем ты должна сообщить Хранительнице времени, – сказал он. Его голос эхом разнесся по коридорам. Видимо, он хотел, чтобы Лина и Данте услышали его.

Данте восторженно помахал римлянину и втолкнул Лину в комнату под номером 6454.

Лина остановилась как вкопанная.

– Так это здесь? – растерянно спросила она. – Здесь ты живешь?

– Я тебя предупреждал, – небрежно сказал Данте.

В комнате была обычная минимальная обстановка: кровать, стул, письменный стол и санузел. Видимо, она была спроектирована авиастроителем, который хотел разместить гостей как можно более компактно, стараясь угодить самым разным вкусам: маленькая, но обставленная с умом и функциональностью, без всякого намека на индивидуальность. Мебель и стены были нейтральных тонов.

– Где ты хранишь свою одежду? – спросила она.

– Мы получаем свое снаряжение в магазине, – сказал Данте. – Для каждого задания нам нужно что-то новое.

– А твой черный плащ?

– Вообще-то запрещен, – немного смущенно объяснил Данте. – Но я был самым классным на курсе по становлению невидимкой. Никто не осмелился что-либо сказать.

– А другие твои вещи?

Данте, казалось, не понимал, о чем она говорит.

– Книжки, фотографии, спортивные кубки, настольные игры, старые школьные тетради, воспоминания? – добавила Лина.

– Если бы мне пришлось все вспоминать, моя голова бы лопнула, – сказал Данте. – Но кому нужны воспоминания? Я ведь могу вернуться во времени.

Лине все еще трудно было понять, что было на уме у путешественников во времени.

– Чем ты занимаешься в свободное время? – спросила она. – У тебя нет увлечений?

– Сон, – признался Данте. – Жизнь напряженная: жестокие утренние смены, бесконечные ночные дежурства, постоянная смена часовых поясов в долгих перелетах, уровень радиации, недостаток времени.

Лина недоверчиво покачала головой. Она никогда не замечала признаков физической слабости у Данте. Он всегда работал в полную силу. Как говорила ее мать в машине: «Я хочу избавить нашу дочь от выматывающих и одиноких скитаний по временам».

– Что бы ты делала дома? – осторожно спросил Данте. – В такой день, как сегодня?

Лина улыбнулась.

– Пойдем. Я тебе покажу.

Спаси меня!

– Плавать? – в ужасе спросил Данте.

Лина кивнула.

– Почему бы и нет?

Через восточные ворота они покинули Невидимый город и последовали за течением реки, пока не достигли изгиба, почти уже напоминавшего озеро. Данте с сомнением огляделся вокруг. Река сверкала темно-зеленым цветом и была кристально чистой. Ветер ласкал водную гладь, достаточно, чтобы создать небольшие волны.

Лина окунула палец ноги в воду. Она была на удивление прохладной. Избавившись от своей одежды, оставшись в футболке и трусах, она бросилась в воду и немного проплыла. Прохладная вода смыла с нее груз минувших дней. Грязь, пот, слезы и отчаяние на мгновение покинули ее.

Данте бурчал на берегу:

– Не то чтобы я имел что-то против воды. Дождь, снег, лед... Вода – мой друг. Но это не значит, что мне хочется почувствовать себя рыбой.

Лине пришлось рассмеяться. Данте выглядел здесь так же неуместно, как пингвин в пустыне.

– И куда поплывем? – воскликнул он с берега.

– Никуда, – сказала Лина.

– Плана нет? – удивленно спросил Данте.

Он по-прежнему не делал никаких попыток зайти в воду.

– Для чего нужна цель? – сказала Лина. – Иногда вполне достаточно просто иметь время.

Она задорно плеснула в его сторону водой.

– Ты вообще умеешь плавать? – крикнула она ему.

– Я бы сказал, что танцевать умею лучше, чем плавать, – ответил он.

Одним рывком он сбросил с себя пальто и вместе с туфлями во всей остальной одежде с разбегу прыгнул в реку. Вода брызнула внушительным фонтаном, водоворот поглотил Данте. Он беззвучно ушел под воду. Как камень. Пузыри всплыли вверх: сначала много, потом еще несколько, наконец, совсем не осталось. Стало тихо. Очень тихо. Слишком тихо. Лина нетерпеливо ждала, когда он выплывет. Ничего не произошло. Секунда,

две, три, пять, пятнадцать. Поверхность воды разгладилась.

– Данте? Данте!

Лена начала грести к тому месту, где исчез Данте, когда он резко появился из воды. Он прыснул со смеху, увидев панику на лице Лины. Лина возмущенно набросилась на него. Он поймал ее руки и удержал.

– Мы всегда рядом, чтобы помочь другим, – с застенчивой улыбкой сказал Данте. – Я всегда задавался вопросом, кто спасет меня, когда я попаду в беду.

– Из меня жалкий спаситель, – честно призналась Лина. Невольно она подумала о Бобби.

– Это еще не доказано, – сказал Данте.

Ей так хотелось верить Данте. До тех пор пока дело Бобби не было окончательно отвергнуто, она не смела терять надежду. Должно быть решение.

– Плавание не к добру, – сказал Данте, чувствуя ее дрожь.

– Давай выходить, – сказала она.

Оказавшись на берегу, Данте накинул свой плащ Лине на плечи. На какой-то миг она надеялась, что он обнимет ее. Напрасно. Данте сел на траву в нескольких метрах от Лины. Как будто он сознательно держал какую-то безопасную дистанцию. Собственную одежду он оставил сушиться на теле.

– Ты никогда не мерзнешь? – спросила она.

Данте покачал головой.

– Я всегда ухожу до того, как мне становится холодно. Но у меня бывает странное покалывание в желудке. Непохожее на голод.

Лина рассмеялась.

– Ты странный, – сказала она. – В хорошем смысле.

Воздух заискрился, молчание растянулось до бесконечности. Он посмотрел на нее. Внезапно то ощущение из лифта вернулось, но лишь на крохотное мгновение. Потом он резко отвернулся.

– У меня как-то был рыбац, поймавший европейскую солею, – нервно пролепетал Данте. – Он был так счастлив своему улову, что ему захотелось поцеловать рыбу. Когда он открыл рот, рыба прыгнула к нему вовнутрь. Без нас человек бы задохнулся.

– Ты никогда не целовал девушку, – откровенно сказала ему Лина.

– Напротив, очень многих, – сказал он. – Во время заданий. Иногда. Очень редко. Я никогда не понимал, почему они придают этому такое большое значение.

– Ты должен поцеловать ту самую, – сказала Лина.

Что она несет? Она не может поцеловать Данте. Кто знает, как долго ей еще разрешат оставаться в Невидимом городе?

– А как я узнаю, кто – та самая? – спросил Данте.

– Ты поймешь это сам, – сказала Лина, чей разум, казалось, отключился. Разговор пошел не в ту сторону. Как резкий спуск по льдистому снегу. Когда уже нельзя нажать на тормоз.

– Можешь показать? – спросил Данте. – Как правильно целоваться?

Снова этот момент. Кто сказал, что время бежит вперед? Оно замерло. На мгновение.

– Ты этого хочешь? – спросила она.

– Мне нужно знать, чего я хочу, – сказал Данте.

– Мы сыграем в почти-поцелуй, – сказала Лина. – Губы сближаются совсем близко. Как можно ближе, но они не должны касаться друг друга.

Данте наклонился вперед так, словно выполнял упражнение по йоге.

Лина осторожно постучала по земле рядом с собой. Он скользнул поближе к ней. А потом еще. Его тело излучало холод воды. Тонкие светлые волосы покрывали его руки.

– В учебниках всегда говорится, что контакт с людьми разрушает душевный покой путешественников во времени. Ты не говорила, что это разрушение такое приятное.

– Сосредоточься на себе, забудь обо всем вокруг, – сказала Лина.

Их глаза встретились.

– У меня покалывает пальцы ног. Это нормально? – спросил Данте.

Лина приложила указательный палец к его губам. Их носы двигались навстречу друг другу. Их губы разделяло лишь дыхание.

– Пока что мне это нравится, – тихо сказал Данте.

Она чувствовала его дыхание на своей щеке. Лина закрыла глаза. Их губы встретились. Почти. С каждым мгновением это должно было случиться. Она думала. Ждала. Нервное ожидание превратилось в удивление. Лина приоткрыла левый глаз. Этого хватило, чтобы понять, что она вконец опозорилась.

Данте бесследно исчез. Вместо этого Коко стояла перед ней и рассматривала ее взглядом, который она видела только у Бобби. Так выглядела ее подруга, когда изучала под микроскопом ножки насекомых.

– Что ты делаешь? – спросила Коко.

– Мне тоже интересно, – призналась Лина.

Задание

Лина вернулась в свою комнату в хостеле со странным чувством. Все выглядело по-другому. Все газетные вырезки исчезли. Стена светилась девственно-белым светом, словно все, что происходило в прошлом, было разом стерто.

– Начнем все сначала, – сказал глубокий голос.

Лина вздрогнула, узнав у окна Хранительницу времени. С серьезным видом она рассматривала фотографии аварии, которые Лина привезла с собой в Невидимый город. Не моргнув и глазом. Она молчала очень долго. Ее молчание тревожило Лину, которая ожидала худшего: предостережений, враждебности, новых наказаний.

– Речь идет о прощении по делу Бобби? – спросила она.

Хранительница времени пренебрежительно посмотрела на нее.

– Это дело еще далеко не на повестке дня, – сказала она.

– Но ей нужна помощь, – возразила Лина. – Потому что я все испортила.

Никакой реакции. Лишь упорное молчание.

– Я бы сделала все, чтобы вернуть свою прежнюю жизнь, – настойчиво сказала Лина.

– Мои сотрудники утверждают, что я слишком снисходительно к тебе отношусь, – заметила Хранительница времени. – Они правы.

Лина не посмела возразить. От этого голоса по спине пробежала дрожь. Неужели из-за аварии она стала такой суровой? Вину ли она Лину в том, что потеряла дочь? Лина тщетно пыталась представить Рею и Хранительницу времени вместе. Как мать и дочь.

– Мне было любопытно, сможешь ли ты вписаться. Теперь я знаю ответ. – Она казалась холодной и раздраженной. – Пора прекращать этот цирк.

Лина опустила глаза. Голос внутри сказал ей, что она никогда не будет соответствовать ожиданиям Хранительницы времени.

– Твое прощение отклонено, – сказала она. – Я никого не отправлю помочь твоей маленькой подружке.

Лина закрыла глаза. Она все перепробовала – и все потеряла.

– Я никого не отправлю, – повторила Хранительница времени. – Тебе придется сделать это самой.

Она протянула ей хронометр.

– У тебя один-единственный шанс, – сказала она. – После этого я больше не хочу видеть тебя в Невидимом городе.

Сердцеед

Кипя от ярости, Коко бежала по среднему восьмиугольнику рядом с Данте.

– Ты путешественник во времени, – ругалась она. – А не пловец.

– Путешественник – может быть. Но времени у меня никогда не было. Ни на что.

Коко не узнавала своего старого друга.

– У тебя никогда не было необходимости остановить время? – спросил Данте.

– Для чего? – спросила Коко. Она энергично покачала головой. – Мы заботимся о других, – с благоговением произнесла она основной постулат своей работы, – а не о себе. Это возвышает нас над людьми.

Данте покачал головой.

– Она одна из нас. Я помогаю ей.

– Она больше человек, чем путешественница во времени. Я прекрасно понимаю: она пристаёт к тебе со своими человеческими чувствами. Ты же знаешь, как это опасно.

Данте отмахнулся, но из Коко это все только выплескивалось дальше.

– Загляни в наш архив. Там все написано. Тысячекратно. Миллионы раз. Люди влюбляются и на следующий день расстаются. В итоге разбитое сердце и драмы ревности. А мы за ними прибираем.

– Почему нельзя быть больше, чем путешественником во времени? – спросил Данте. – Другом и путешественником во времени.

– Потому что слово состоит из двух составляющих, – взволнованно сказала Коко. – Время и путешествие. Мы всегда в пути. Ты не имеешь права связывать себя ни с кем.

– Пойдем, я тебе кое-что покажу, – сказал Данте.

Он схватил старомодный мужской велосипед, который коллега припарковал перед магазином. Коко запрыгнула на багажник. Вместе они проехали полгорода. Перед столовой он остановился.

– Это приглашение поесть? – радуясь, спросила Коко.

Вместо ответа Данте толкнул ее через скудную столовую в сторону кухни и холодильной камеры.

– Что мы здесь делаем? – с любопытством спросила она.

– Замерзаем, – сказал Данте, захлопывая за собой двери огромного продовольственного склада.

– Что в этом хорошего? – спросила Коко.

Она не понимала, к чему клонит Данте. Гораздо интереснее были манящие деликатесы, ожидавшие благодарных покупателей в отделе «*Мороженое и сладости*»: торт, замороженные красные фрукты, шоколадные конфеты, мороженое всех размеров, цветов и сортов.

– Это лучше любого Шлараффенланда, – пробормотала Коко.

– Разве ты не понимаешь? – продолжал Данте. – Наша жизнь теплая. Мы должны чувствовать гораздо больше: жар, холод, любовь, ненависть.

Коко сунула себе в рот замерзшую конфетку. Ее аппетит, казалось, вернулся. Шоколад треснул, когда тонкий слой треснул под ее зубами. Внутри скрывалась приторно-сладкая липкая красная масса, соблазнительно таявшая во рту.

– Ты действительно хотел ее поцеловать? – спросила она.

Данте не ответил.

– Поцелуй – это десять процентов любви, двадцать процентов страсти, двадцать процентов влечения и много слюны, – пробормотала Коко с набитым ртом. – Этого достаточно, чтобы погубить человеческие жизни.

Зачем ей было разбираться с необъяснимым внутренним миром землян, если она могла перепробовать все в кладовой путешественников во времени?

Данте внимательно наблюдал за ней.

– Ну как? Ты уже замерзла? – поинтересовался он.

– Изнутри, – взволнованно сказала Коко. – Мой желудок дрожит от волнения.

Данте разочарованно отвернулся.

– Не понимаю, почему ты так стремишься понять людей, – проворчала Коко из глубин морозильника.

Может быть, под тортами скрывалось какое-то неведомое лакомство?

– Этот вид несовершенен, – пояснила она, перебирая припасы. – Возьми, например, колено. Его строение – сплошной кошмар. Или аппендикс. Эти вечные операции. Но это же абсурд! Люди умирают, потому что воспаляется орган, совершенно не нужный для выживания.

Она показала Данте замороженный торт в форме пингвина.

– Даже животные умнее. Среди них мало кто умирает от рака. Вдобавок, они не заболевают малярией или болезнью Альцгеймера. Зачем нам заниматься человеческой ерундой? Достаточно того, что они сами

делают друг друга несчастными.

Кусочек голубого пингвина застрял у нее в горле. В дверном проеме, окруженная холодным туманом, стояла Хранительница времени. Как долго она слушала? Она подошла ближе. Ее каблуки цокали о кафельный пол. Коко попыталась заставить свою добычу исчезнуть, пока не заметила, что взгляд Хранительницы времени устремлен исключительно на Данте. Словно она невидимка. Может быть, она все-таки не была такой безалаберной, как утверждали все. Коко медленно пробиралась к выходу, не забыв в последний момент прихватить еще одну записку для возвращения домой. В дверях она снова обернулась.

Хранительница времени вручила Данте его хронометр.

– Ты будешь сопровождать Лину в ее миссии, – приказала она. – На этот раз все должно пройти гладко. Я хочу, чтобы у Лины не было повода возвращаться в Невидимый город.

У меня плохо получается прощаться

Лина вздрогнула. Затхлый влажный запах прошлых столетий ударил ей в лицо. Прямо у главного входа в секонд-хенд висело большое количество мехов. Помимо персидских, норковых и кроличьих меховых курток здесь можно было найти такие аксессуары, как горностаевые шапки, енотовые палантины и даже лисий воротник с головой. Шкуры источали неприятный запах нафталина и мертвого животного. Лина с отвращением скривила лицо.

– Важно, чтобы от тебя пахло так же, как от времени, в которое ты отправляешься, – объяснил Данте. – Для Средневековья достаточно отказаться от душа, мытья волос и свежего белья, в другие времена требуется больше усилий.

Лина усвоила урок. Успешное выполнение задания требовало хорошей подготовки и точного плана. Прямое вмешательство на снежной горке таило в себе слишком много риска. Как и в бильярде, ей приходилось мыслить нестандартно, в поворотах и комбинациях. Впервые Лина ничем не отличалась от остальных путешественников во времени. Она тщательно подготовилась к путешествию в прошлое. Вместе с Данте Лина рылась в одном из многочисленных магазинов одежды в среднем восьмиугольнике в поисках подходящего для задания костюма. Длинный красный плащ с внушительной меховой отделкой нашелся быстро, теперь не хватало митры, бороды и посоха, золотой книги, зимних сапог, перчаток и очков. План был четко проработан. Замаскировавшись под Санта-Николауса и его слугу Рупрехта^[25], они предоставят подходящий подарок, чтобы Бобби не пришлось спускаться по Айхбергу.

При всей радости от того, что она заслужила еще один шанс, на сердце у Лины было тяжело. Покинуть Невидимый город будет значить навсегда попрощаться со своим чудесным безумным спутником. Она заставила себя отогнать мрачные мысли в сторону. Раз в жизни ей действительно нужно сосредоточиться на сто процентов. На этот раз все пройдет как надо.

Они выбрали праздник святого Николая в детском саду, чтобы претворить в жизнь свой тщательно продуманный план по спасению

Бобби. Данте обнаружил в киоске соответствующий выпуск «Утра». Несколько дней Лина изучала газетную фотографию из детского сада, заучивая имена наизусть и запоминая лица. Вместе с Данте она продумала и сто раз прокрутила в голове все детали операции. Выбор костюма был последним шагом на пути к исправлению нанесенного когда-то вреда.

Позади нее прозвенел колокольчик. Лина обернулась, вглядываясь в лицо бурого мехового монстра со страшной рогатой маской и острыми зубами, который больше походил на черта, чем на подходящего для Санта-Николауса спутника. Она энергично покачала головой.

Данте снял маску. Она посмотрела ему прямо в глаза. Зрачки, такие разные, казались темными от печали.

– Отложим путешествие, – сказал он. – На неделю, день, хотя бы час.

Они оба знали, что это путешествие – их прощальное представление. В тот момент, когда они завершат «Операцию «Бобби», время Лины в Невидимом городе подойдет к концу.

– Я виновата перед Бобби, – сказала Лина. – Я дала слово Хранительнице времени.

Слезы затуманили ее глаза, из-за чего лицо Данте показалось расплывчатым. Данте нежно погладил ее по щеке.

– Я буду скучать по тебе, – тихо сказала она. – Ты первый, рядом с кем икота не дает о себе знать.

Его рот приблизился к ее. В последний момент Данте отпрянул.

– Я не хочу прощаться. У меня плохо получаются подобные вещи, – сказал он. – Кроме того, у нас есть все время мира.

Они оба знали, что это ложь.

Мрачный спутник

– Можно начинать, – сказал Данте.

Было 6 декабря 2006 года. Они стояли в коридоре детского сада Бобби. Данте поправил митру Лины с вышитым золотым крестом на голове, дернул в последний раз за белую растрепанную бороду и подвинул подушку, которая должна была придать ей больше веса, на нужное место. Рядом с Данте голоса молчали. При этом она и без шепота знала, что ей нельзя влюбляться. Не в Данте. Не в путешественника во времени. Она обещала Белой даме никогда больше не возвращаться. Ее ноги стали ватными. Может быть, для того, чтобы не влюбляться, уже слишком поздно.

– Я поговорю с Хранительницей времени, как только задание будет выполнено, – сказал он. – Она должна передумать.

Данте притянул Лину к себе. Пока не понял, что они не одни. В проходе стояла маленькая девочка с пышной стрижкой боб и в клетчатой юбке, наблюдавшая за ними с открытым ртом. Маленькая Бобби неподвижно уставилась в их сторону. Лине стало не по себе за своей белой бородой. Она посильнее натянула на лицо головной убор. Бобби всегда была убеждена, что история Санта-Николауса – одна большая ложь. Маленький промах разоблачил их до того, как началась миссия.

«Как можно быстрее», звучал руководящий принцип путешественников во времени. При длительном пребывании всегда рискуешь столкнуться с любопытными созданиями вроде Бобби. Или враждебными особами, как Гарри Кинг.

Данте рыкнул. Испугавшись, Бобби в своих тапочках в виде божьих коровок развернулась и бросилась прочь.

– Она мне поверила, – пробормотал Данте под своей маской.

Едва все не испортили. Теперь это было важно. В их распоряжении было минут двадцать, прежде чем появится собственно настоящий дуэт Санта-Николауса. Чтобы не создавать беспорядков, они отказались отменить приглашенную команду. Дети не сочли бы ужасным праздновать дважды. Что еще может пойти не так?

Лина приоткрыла дверь и украдкой заглянула внутрь. Данте был не менее взволнован, чем дети, возившиеся на своих сиденьях в кружке стульев. Комната была торжественно украшена в честь их визита. На стенах висели Санта-Николаусы из туалетных рулонов, глиняной бумаги и ватных шариков рядом со сверкающими звездами из соленого теста, а в разноцветных баночках из-под варенья горели чайные свечи. Подчеркнуто бодрая няня Лилиан раздавала пунш родителям и теплый апельсиновый чай детям.

– Скоро наступит вечер Санта-Николауса, – радостно пропела она, сделав несколько смелых веселых танцевальных шажков. Генриетта Альберс раздавала кексы, на которых громоздились перевернутые конусы мороженого, окруженные взбитыми сливками. Лина легко могла представить, как мать Бобби часами раскрашивала конусы в красные и зеленые цвета. Вероятно, задача Бобби при подготовке заключалась в том, чтобы положить маршмеллоу на верхушки, не съев половину из них.

Дети расселись по кругу на своих маленьких стульчиках. Йонас, как всегда, был одет и тяжело вооружен, рядом с ним на стульчике покачивалась Бобби. Волнение было написано на лице малышей. В углу Карл Расмус поставил свою камеру, чтобы запечатлеть большой момент.

– Когда же, наконец, начнется? – спросил рыцарь-джедай Йонас.

Лина и Данте переглянулись и разом глубоко вздохнули. Благоговейным неторопливым шагом Николаус-Лина вошел в комнату. Вспышка из камеры Карла Расмуса ослепила ее. Все разговоры затихли.

– Николаус – девушка, – среди благоговейной тишины сказала Бобби. – Это не тот, кто должен быть.

Из рядов родителей последовали громкие возражения и успокоения. Лилиан поспешно схватила гитару. Хор детей начал петь.

– Давайте будем веселы и бодры, – звучали по игровой комнате дрожащие певучие голоса. Лина прекрасно знала, как это все происходит. За несколько недель объявлялось появление особого гостя и шла подготовка с прочтением книг с картинками, подготовкой поделок и заучиванием песен. Пока Лина попыталась изображать из себя благостно кивающего Санта-Николауса, Данте перестарался со своим образом мрачного спутника. Он наслаждался своей ролью пугала. Родителям он нравился все меньше и меньше. Йонас храбро взмахнул мечом, но, похоже, по-настоящему ни один из детей не обрадовался его появлению. К строчке «Весело, весело, тралалала» большинство детей замолчало от страха. Второй куплет Генриетта Альберс исполняла одна. Но и это не было услышано, потому что половина детей разразилась истерическим ревом.

При этом Данте издал лишь один короткий рык.

Лина, имеющая опыт общения с двумя младшими сестрами, призывала к спокойствию и порядку. Лилиан позвала батрака Рупрехта на мини-кухню. Ногой она захлопнула за собой дверь.

– Что ты всегда так преувеличиваешь, – сказала Лилиан. – Я же говорила тебе действовать осторожно.

Данте почувствовал раздраженный толчок в плечо.

– Мы знакомы? – прорычал он под костюмом.

Воспитательница кокетливо рассмеялась. Путешествия во времени на практике оказывались, как правило, сложнее, чем предполагалось. Возможно, помимо всех других исследований, которыми они занимались, он должен был узнать, кого детский сад обычно нанимал на его роль. Видимо, Лилиан и слуга Рупрехт были не просто мимолетными знакомыми. Под костюмом Данте прошиб холодный пот. Выглянув в окно, он заметил машину, свернувшую на стоянку. Это была уже настоящая команда Николая? Прежде чем он понял, что происходит, Лилиан обвила его руками. Данте вздрогнул, как от удара молнии. Все пошло не по плану. Ни за что на свете их маскарад не должен был раскрыться до того, как Николай вручит подарок, который спасет жизнь Бобби в самый ответственный момент.

– Ты выглядишь таким дерзким, – прошептала воспитательница, придвигаясь ближе к Данте. – Мне нравятся дерзкие мужчины.

– Жажда, – прохрипел Данте. – Жажда просто ужасная.

Лилиан отпустила его и подала чашку домашнего пунша.

Он сделал большой глоток. Пунш не только пах большим количеством рома, но и на вкус был таким же. Данте молился, чтобы Лина поскорее это сделала. Он не знал, как долго продержится на кухне.

Давайте будем веселы и бодры

Лина подавила нарастающую панику. Взгляды двадцати ожидающих детей приклеились к ней. Неловко устроилась она на одном из этих крохотных стульчиков. Спину она держала прямо. Родители сгрудились на подоконниках позади, с умилением наблюдая за происходящим. Снова и снова щелкал фотоаппарат Расмуса. Фотография мероприятия появится завтра в газете.

Лина прочистила горло, придав своему голосу грубость. Бобби с безжалостным осуждением смотрела на нее. Она больше не могла позволить себе ошибиться.

– Так, а вы все вели себя хорошо? – раньше всегда спрашивал Николай. Как будто хорошее поведение может помочь детям в дальнейшем.

– Ну? – спросила она у группы. – Чему новому вы научились за последний год?

Дети кричали все наперебой. Ездить на велосипеде без поддержки, завязывать шнурки, заплетать браслеты, умножать и писать. Последний комментарий был от Бобби. Лину нисколько не удивило, что ее подруга уже в детском саду опередила всех. Без грозного Данте все складывалось отлично. Дети так увлеклись тем, что хвастались перед Николаем, что у Лины не осталось времени. Вскоре она отказалась от подготовленных текстов и поспешно перешла к раздаче подарков.

Чтобы не привлекать внимания, она сунула в руки еще нескольким детям подарки, прежде чем выудить из огромного полотняного мешка огненно-красные новые санки для Йонаса. Они уже были распакованы, чтобы смогли поместиться в мешке.

– Самое главное – тормоза, – объяснила Лина наигранным мужским голосом. – Они должны работать всегда и везде. Иначе ты когда-нибудь окажешься в озере.

Йонас выглядел так, словно хотел расплакаться. Бобби проскользнула к своему другу и обвила его рукой:

– Мы поедем вместе, да?

Лина удовлетворенно кивнула. Человеческая игра в бильярд сработала лучше, чем ожидалось.

Родители склонили головы. Где же слова, которыми они хотели предостеречь детей? Где подарки, которые они передавали детям?

– Кто-то не придержался согласованного лимита в пятьдесят евро, – пожаловалась Генриетта Альберс. Она не была склонна к такой несправедливости.

Расмус пожал плечами.

– Возможно, пожертвование местного магазина игрушек, – предположил он.

Лина вскочила.

– К сожалению, другие дети ждут, – извинилась она. – Может быть, вы сможете взять на себя остальное?

Она вручила опешившему Расмусу мешок с подарками. Воспользовавшись моментом замешательства, она засунула конверт в его пиджак. Для честолюбивого журналиста Лина придумала кое-что особенное. Миссия выполнена. Путешествие во времени прошло с такой легкостью.

В мини-кухне настроение Лилиан достигало все новых и новых высот. Она считала своего личного батрака Рупрехта особенно привлекательным.

– Ты сегодня совсем другой, – вздохнула она.

Чистая паника охватила Данте. Она флиртовала с ним? Он был ошеломлен, заинтригован и напуган одновременно. Впервые в жизни кто-то принял его за человека. И это в той ситуации, когда он был замаскирован под монстра. Пунш объяснил ему, что это прекрасная возможность начать свою серию тестов «человеческое поведение». Ром изменил его приоритеты. Какое ему дело до правил? Логика и разум, по-видимому, растворились в алкоголе.

– Иди сюда, могучий зверь, – выкрикнула Лилиан, притягивая его ближе и целуя в губы. На вкус она напоминала пунш, николаевские кексы и зубную пасту. Данте ничего не почувствовал.

Лина бегала туда-сюда по коридору. Где же Данте? Черт. Им нужно уходить. До этого момента все шло прекрасно. Каждое мгновение, проведенное за пределами их миссии в прошлом, ставило под угрозу успех их операции. Вдалеке она увидела слугу Рупрехта, входящего через входную дверь. Что он там искал? На парковке?

– Вот ты где, – воскликнула она.

Лина уже хотела броситься к нему, когда позади него появился Николай. Третий человек тащил мешок подарков через дверь. Лина застыла. Настоящая команда Санта-Николауса появилась слишком рано! Батрак Рупрехт, видимо, претерпевал человеческие нужды, он сразу

бросился в мужской туалет.

Боже мой. Что теперь? Лина спряталась в углу и суетливо избавлялась от своей маскировки. Она сбросила пальто, бороду – все, что делало ее похожей на Николая.

Куда, черт возьми, подевался Данте? Ни за что на свете Лина не могла покинуть детский сад без своего друга. Осторожно прищурилась она из своего укрытия.

– А золотая книга? – спросил женский голос.

Растрогавшись до слез, Лина узнала ее манеру двигаться, то, как женщина гладила себя по волосам, красное платье, выглядывавшее из-под зимней куртки.

– Я думал, ты взяла ее из машины, – сказал Николай.

Эти голоса навсегда запечатлелись в ее памяти. Сомнений быть не могло: это ее родители.

Лина отступила назад в угол. Дрожащими руками она переключила хронометр. На этот раз она поступит правильно, доказав, что оставила свой эгоизм позади.

Лишь еще один взгляд.

Николай исчез. Рея прогуливалась по коридору, с любопытством рассматривая витрины. Поступай правильно, исчезни, не вмешивайся. Добрые намерения Лины таяли, как снег на солнце. Ее отец, наверное, вернулся к машине, потому что мать сейчас была одна. Она была всего в нескольких метрах от нее. На самом деле, она была еще красивее, чем в голограммных книгах и фильмах, которые она видела. Предупреждения Данте всплыли в ее голове. «Ты не можешь спасти своих родителей, никогда не вмешивайся напрямую, вспомни об игре в бильярд».

Потребность поговорить с матерью переполняла ее. Словно ею управляли на расстоянии, она вышла из своего укрытия в коридор. Она протянула руку, чтобы коснуться плеча Реи, когда внезапно другая рука легла на ее талию. С решительностью слуга Рупрехт вытащил Лину из опасной зоны.

Один-единственный раз

– Только лишь пару минут, – попросила Лина. Батрак Рупрехт толкнул ее в упаковочную. Из-под маски на нее уставились темные глаза. Лина слишком хорошо понимала, почему Данте сердится на нее.

– Я знаю, что это неправильно, – сказала Лина.

Данте попытался любой ценой остановить ее, заблокировав своим телом дверь. Что это? Данте внезапно стал шире? Она могла понять детей: он выглядел мрачнее, чем она помнила. Инстинктивно Лина отпрянула. Что-то не так.

– Я бы так хотела поговорить с мамой, – запнувшись, пробормотала она. – Всего один раз.

Как в замедленной съемке, слуга Рупрехт снял маску. Лина взглянула в лицо Гарри Кинга.

– Кто у нас тут? – спросил он.

В коридоре царил безмятежная неразбериха. Николай встретился взглядом с растрепанным, выпившим слишком много пунша и еще больше убаженным Лириан Данте. Его парик сполз на бок, пальто было неправильно застегнуто. На нем был только один ботинок.

– Лина, – позвал он. – Теперь я все знаю. По-моему, это правда. Быть человеком заразно.

Он опустил руки на плечи предполагаемой Лины. Со слезами на глазах он смотрел на Николая.

– Ты выросла, – удивленно сказал он.

Женщина в красном платье обернулась. Николай и батрак Рупрехт пытались понять, что происходит. Руки Данте растерянно ощупывали контуры тела под костюмом.

– Дети ждут нас, – сказал Санта-Николаус, отталкивая от себя Данте. – У тебя есть мешок с подарками?

– Ты хочешь забрать их обратно? – пролепетал Данте. – Я думал, что план состоял в том, чтобы мы раздавали подарки.

– Какого черта, Гарри? – нетерпеливо сказал Николай.

Он повернулся к Рее.

– Ты была права. Я не должен был браться за эту работу.

– Рея? – спросил Данте.

Он не верил своим глазам. Не говоря больше ни слова, Рея бросилась на шею растрепанному слуге Рупрехту.

– Данте. Мой старый, безумный, дорогой друг Данте, – сказала она.

Потрясенные, они обнимали друг друга. Пока не поняли, что что-то не так.

– Что ты здесь делаешь? – встревоженно спросила она.

Дело в бессмертии

Лина застыла, когда Кинг приблизился к ней. Резко повернув ее голову набок, он обнаружил предательскую родинку.

– Ты Лина, – недоверчиво сказал он.

Лина едва слышала его, все голоса в ее голове кричали наперебой: «Ад крошечный! В этом виновата только ты сама. Видишь, ты просто не способна на это».

– Ты из будущего, – сказал Кинг.

Ошеломленно покачал он головой. Он просто не мог в это поверить.

– Ты не знаешь, каково это, – сказал он. – Полжизни я принес в жертву науке, поссорившись со всеми. Со своей семьей, с друзьями, даже Лилиан не хочет об этом слышать.

У него на глазах выступили слезы. Лина не посмела ничего возразить. Голоса гулко возвещали ее конец: «Хранительница времени тебя не спасет. Никто из путешественников во времени тебя не спасет. Можешь уже прощаться с миром».

Грубо схватив ее за руку, Кинг посмотрел на хронометр.

– Я не верил своим предкам, что есть такая вещь, как путешествия во времени. Мой прадед, мой дед, мой отец – все они были убеждены в этом. На протяжении многих поколений мы, Кинги, пытаемся разгадать эту загадку. Но я не был уверен, что из этого вообще правда, – сказал он. – Пока не познакомился с Реей. Тогда я понял, что это правда. С того момента, как Томас упал с крыши, я не могу думать ни о чем другом.

Он схватился за канцелярский нож, валявшийся в упаковочной комнате. Лина повторила в голове то, что Гарри Кинг однажды рассказал ей о своем обучении. «Первое, чему тебя обучают в качестве охранника: клиент с пистолетом в руке всегда прав».

– Никто мне не поверил. Никто. Но теперь у меня есть доказательство.

Он прижал кончик канцелярского ножа к ее шее, и пока Лина не смела сделать даже самого крошечного движения, он, не глядя, грубо сорвал хронометр с ее запястья. Браслет царапнул ее кожу. Капля крови упала на пол. Лина в ужасе отпрянула назад и прижалась спиной к полке. На нее обрушился водопад поделок. Банки с краской с грохотом упали на пол.

Кинга не волновала рана Лины. Его интересовало только одно.

– В чем, собственно, заключается ваше бессмертие? – спросил он, размахивая ножом перед ее лицом. – Неужели вы не можете умереть?

Он поднял пистолет, чтобы выстрелить, когда кто-то сзади ударил его по голове бутылкой, вероятно, оставшейся от пунша. Красный напиток стекал по его лицу, словно кровь. С озадаченным видом Кинг свалился на пол. Нож скользнул по полу. Позади Кинга стояла Рея.

Тысячи раз Лина рисовала в голове этот момент, тысячи раз обдумывала, что она скажет. Теперь ей ничего не приходило в голову. Молча Рея достала из детской аптечки кусок бинта и перевязала рану Лины на запястье. Осторожно касалась она волос дочери, ее лица, щек. Лина почувствовала, как ее по лицу бегут слезы. Грусть, накопившаяся за все эти годы, с силой вырвалась из нее. Ее голова опустилась на грудь Реи. Она неудержимо рыдала, пока мать обнимала ее.

– Именно от этого я и хотела тебя защитить, – сказала Рея.

– От Кинга?

– От путешественников во времени, – сказала она. – Я хотела подарить тебе нормальную жизнь. Ничего не получилось.

– Со мной все хорошо, мам, – сказала Лина.

Слово так легко и сладостно слетело с ее губ.

– Мама, – снова сказала она. Ей так много хотелось сказать, предупредить мать об аварии, рассказать, спросить. Она не произнесла ни слова. Близость Реи захлестнула ее. Все голоса и желания в ней молчали, и ей хотелось навсегда утонуть в этом объятии. Гравитация уже не могла повлиять на нее. Она парила. Это был момент совершенного счастья. Почему он не может быть вечным?

– Какая польза от путешествия во времени, если его невозможно остановить? – грустно сказала Лина.

– Когда все остается прежним, жизнь умирает. Представь, что мы обе до конца жизни будем стоять в этой шумной комнате. Это был бы ад.

– Почему ты подвергла себя опасности жить за пределами Невидимого города? – спросила Лина.

– Ты приснилась мне задолго до того, как оказалась у меня в животе. На следующий день я велела сделать для тебя часы. И когда я встретила Томаса, я узнала в нем твои черты. Я сразу поняла, что он станет отцом моего ребенка. К сожалению, он не был одним из нас.

Кинг застонал. Его веки задрожали. Их обеих настолько переполняли чувства, что никто не замечал, как он медленно приходит в себя.

– Почему Томас не пошел с тобой? – спросила Лина.

– В Невидимом городе жить нельзя. Хранительница времени считает, что это высшая цель – ничего не чувствовать.

– Она скучает по тебе, – сказала Лина.

Рея покачала головой.

– Она пытается всеми управлять и все контролировать.

Кинг потянулся за ножом. Миллиметр за миллиметром он приближался к оружию. Его пальцы уже почти добрались до рукоятки, когда Рея метким ударом отшвырнула нож. Он скользнул по полу, прежде чем оказаться под полкой. Она наклонилась и вытащила хронометр из его пальцев.

– Ты должна вернуться к своей семье и стать взрослой, – сказала Рея. – Забудь обо всем, что связано с путешествиями во времени. И спрячь хронометр. Где-то, где его никто не сможет найти.

– Почему? – спросила она.

У Реи не было времени на долгие объяснения.

– Ты должна жить в реальном мире, Лина, – сказала она. – Тебе нельзя доверять Хранительнице времени. Ты должна немедленно вернуться.

– Не могу, – сказала Лина. – Я должна попрощаться с Данте.

– Он уже ушел.

Лина с ужасом посмотрела на мать.

– Важно, чтобы каждый оставался в своем мире. Это слишком опасно. Ты не должна связываться с путешественником во времени.

Она вышла из упаковочной комнаты. В коридоре их ждал Томас. Он заговорщически подмигнул Лине.

– Не уходи, – закричала Лина и побежала за Реей. Она цеплялась за мать. Ей хотелось удержать ее и никогда больше не отпускать.

– Я не могу здесь оставаться, – сказала Рея. – И ты тоже.

– Еще несколько минут. Еще немножко. До рассвета.

Рея боролась с собой.

– Мне всегда будет грустно от мысли, что я не смогу быть рядом, когда ты вернешься домой с пятеркой по биологии, что не смогу ухаживать за тобой, когда ты заболеешь. Мне так хотелось бы познакомиться с твоими подругами и с твоим первым парнем, утешать твое разбитое сердце. Но я не могу остаться. – Слезы побежали по ее лицу. – Я ухожу. Но я не брошу тебя. Я всегда с тобой, даже если ты меня не видишь. Когда ты шепчешь мое имя, я слышу его.

– Авария...

Рея приложила палец к ее рту. Она не хотела слышать, что скажет Лина.

– Все будет хорошо, – сказала она.

И затем она обернулась. Рука об руку с Томасом она ушла из жизни Лины. Они пересекли улицу, чтобы сесть в припаркованную машину.

Кинг из последних сил выбежал на улицу, чтобы остановить их. Как раз в тот момент, когда автобус ехал в противоположном направлении. Лина закрыла глаза. Она ожидала грохота, удара, визга тормозов. Когда она снова открыла глаза, автобус был уже чуть дальше. Кинг бесследно исчез. Машина ее родителей покинула стоянку.

Две стороны медали

– Тебе снова разрешили путешествовать, – взволнованно сказала Коко. Она взволнованно подпрыгивала рядом с Данте. Вдохнула его запах. Он странно пах, ее друг. И выглядел не особо счастливым.

Он целую вечность ждал Лину в детском саду. Он просто не мог поверить, что она вернулась в свое время, не сообщив ему об этом.

– Тебя реабилитировали, – обрадовалась Коко. – Хранительница времени снова позволила нам быть в команде. Разве это не здорово?

– Супер, – не очень уверенно сказал Данте. Он вернулся в Невидимый город, но все еще не мог поверить, что Лина ушла, не попрощавшись.

– Все будет так же, как и раньше, – сказала Коко.

Данте всегда задавался вопросом, как люди умудряются ставить себя в безвыходные ситуации. С чувствами дело обстоит не иначе, чем со многими другими вещами. Всегда есть обратная сторона: день и ночь, верх и низ, мертвые и живые, свет и тьма, сегодня и вчера, привет и прощай.

Его конечности отяжелели от усталости, когда он вернулся в свою комнату. В голове стучало и пульсировало, при каждом шаге его мозг болезненно громыхал в черепной коробке. Пунш был восхитительным, побочные эффекты – жестокими. Все в Невидимом городе напоминало ему о Лине и о времени, которое они провели вместе.

Он открыл дверь в свою комнату. Во всей этой белизне он различил странное коричневое пятно. На его кровати сидела самая уродливая мягкая игрушка, которую он когда-либо видел в своей жизни: тощая собака со спутанной шерстью, разными глазами и висячими ушами. Игрушка была похожа на бродячего пса, которого трижды сбивал автобус. Перед ним лежала записка, написанная от руки:

«Его зовут Отто. Позаботься о нем».

Коко ошибалась. Ничто уже не будет так, как раньше.

Еще разок с самого начала

Солнечные лучи щекотали Лине нос. Ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что она лежит в своей постели. Взгляд на дисплей мобильного телефона показал, что сегодня суббота. День финала по гандболу.

Все лежало на своем месте. Даже толстый конверт с фотографиями аварии и старой газетой. Лина поспешно пролиставала события в канун Нового года. Помимо ночного катания на санках на Айхберге, «Утро» сообщало о насильственном рейде на заправочную станцию, рассказывало о группе сумасшедших, которые напрасно ждали прибытия инопланетян. Там, где Лина опасалась увидеть несчастный случай с санками, стояла прежняя статья «Смерть на старом таможенном мосту», изменилась лишь одна маленькая деталь: извлечение обломков автомобиля вместе с пострадавшими еще не было завершено на момент выхода газеты в печать. На фотографии была изображена разбитая машина в заснеженной канаве. Крохотное смещение времени оставалось единственным признаком того, что кто-то посягнул на прошлое.

Задумчиво Лина рассматривала свое запястье. Хронометр не подавал никаких сигналов. Лина отказалась проверять, работает ли он.

Семейный портрет с родителями висел на своем привычном месте. И все же что-то изменилось. Лица ее родителей были ясно и отчетливо различимы, словно это был другой экземпляр из той же серии. Соня была права: фотографии аварии запечатлелись в ее памяти. Но это было не все. Ее голова разрывалась от приятных воспоминаний. Там, где раньше она ощущала темную черную дыру в своем сердце, светились разноцветные картинки. Она помнила голос матери, то, как она заправляла ей волосы за уши, ее уверенную походку, безумные идеи отца.

Лина пошла к гардеробу, чтобы найти свои вещи для гандбола. Обернувшись, она заметила, что глаза ее родителей непрерывно устремлены на нее. Взгляды следовали за ней, с какого бы угла она ни рассматривала фотографию. Она знала это явление из посещений художественного музея. Она всегда находила его зловещим, но сейчас в нем было что-то успокаивающее.

Она распахнула дверь и побежала в ванную прежде, чем ее младшие сестры успели ее опередить.

Получилось! Она закрыла за собой дверь и заперла ее. И внезапно она рассмеялась, потому что знала, что произойдет. И действительно...

– Мне нужно в туалет, – громко закричала Шарлотта, барабаня в дверь. Лина открыла дверь и впустила ее внутрь. Шарлотта, снова похожая на прежнюю Шарлотту, была настолько ошарашена, что ей больше не нужно кричать, и вместо этого просто стояла и смотрела на Лину. Поспешным жестом Лина отодвинула занавеску душа в сторону. Фиона опустила камеру.

– Как ты узнала, что я здесь? – пожаловалась она.

Лина поцеловала ее в щеку. Она была вне себя от радости, что ее сестра вернулась. Даже если она будет пытаться каждый день тайно ее снимать.

Шарлотта вытащила Фиону за дверь.

– Она не в своем уме, – сказала она.

С любопытством Лина рассматривала себя в зеркале. На ее лице была широкая улыбка. Это была улыбка ее матери. Она подняла руку, чтобы смахнуть волосы с лица. На ее запястье красовался небольшой шрам, там, где хронометр царапнул ее, когда Кинг сорвал с нее часы.

– Ты здесь? – спросила она, входя в комнату.

С громким грохотом распахнулось окно ванной комнаты. Свежий порыв ветра пронесся по комнате, и солнце просияло Лине в лицо. И Лина вместе с ним.

Когда она спустилась вниз, ее тетя стояла в гостиной и гладила, а на заднем плане работал телевизор.

– К сожалению, я не смогу прийти на игру, – сказала Соня. – Придет специалист по кондиционированию воздуха, с которым мне нужно все обсудить. В следующий раз я буду там, – пообещала она.

Лина снова засомневалась, настал ли подходящий момент, чтобы признаться в том, как обстояли дела с биологией. Но передумала. Она все еще была трусихой. И очень хотела поехать в гандбольный лагерь.

– Все в порядке, – сказала Лина. – Теперь я уже могу рассказать тебе, как все будет. Мы победим. 36:29.

Соня удивленно посмотрела на нее.

– У тебя просто слишком богатое воображение, – сказала она.

Потом повернулась к телевизору и сделала звук ток-шоу погромче.

– Каким образом вы находите свои истории? – как раз спросил ведущий своего гостя. – Как вам удастся всегда появляться в нужном месте?

Гостем был не кто иной, как Карл Расмус. На нем был костюм, галстук,

он носил аккуратную стрижку. Главный редактор «Утра» был награжден журналистской премией.

– Санта-Николаус принес мне конверт с указаниями того, что ждет человечество в ближайшие десять лет, – сказал он. – И с этим списком я работаю.

Все засмеялись, как будто он хорошо пошутил.

– Я все равно ничего не могу предотвратить, – продолжал Карл. – Никто не поверил мне, когда я предсказал кредитный кризис, первого черного президента, выход Англии из ЕС, Трампа. Возможно, нельзя остановить события мировой истории, но всегда можно попытаться спасти ближнего.

Лина не могла не улыбнуться. Карл Расмус и не подозревал, насколько он прав. Можно исправить отдельные судьбы, но изменить великий ход мировой истории – уже другое дело.

Йонас следил за выступлением отца в спортивной столовой, пока заполнял лоток. В зале тем временем собирались игроки. Войдя внутрь, Лина в поисках побежала через толпу. Где Бобби? Неистово она бегала по спортивному залу, пока не столкнулась с арбитром. Этот мужчина был лысым и тощим – одна кожа да кости.

– Разве Гарри Кинг не выступает сегодня в роли арбитра? – недоверчиво спросила она.

Молодой человек удивленно посмотрел на нее.

– Гарри Кинг. Из команды 2000 года?

Лина взволнованно кивнула.

– Откуда ты его знаешь? – озадаченно спросил он.

– Он играл с моим отцом, – сказала Лина, радуясь, что нашла быстрый ответ.

Судья почесал затылок.

– Он бесследно исчез много лет назад. В праздник святого Николая, об этом говорил весь город. Он играл слугу Рупрехта в детском саду и после этого пропал. Никогда не слышала об этом? С чего ты решила, что он сегодня будет арбитром?

– Мне сегодня ночью приснилось, что он вернулся, – буркнула она. – Просто сон.

Прежде чем он успел задать дальнейшие вопросы, она бросилась в раздевалку. Хлоя, Элиф, Софи... все были там. Никаких следов Бобби. Но это невозможно, она действительно должна... она не решалась додумать эту мысль до конца. Нервничая, она переделалась. До игры осталось пять минут. Бобби не было. Совсем. Набравшись смелости, она покинула

раздевалку и рысью направилась в сторону зала. Со стороны входа раздавался возбужденный гул голосов. Куча детей толпилась у прилавка. Лина подалась вперед. У стойки сидела Бобби в своей гандбольной форме и продавала свой первый роман. *«Девушка, появившаяся из ниоткуда»*, – гласила надпись. Триллер.

– История основана на реальных событиях, – с гордостью сказала она. – Я лично все пережила. Еще с детского сада знаю, что есть явления, которые не поддаются логическому объяснению.

Лина протиснулась вперед, обежала вокруг стола и бросилась подруге на шею.

– Я так рада, что с тобой все в порядке, – сказала она, и слезы побежали у нее по щекам.

Бобби даже не удивилась странной вспышке чувств подруги.

– Что бы ни случилось, расскажешь мне как-нибудь? – спросила она.

Лина кивнула.

Вместо того чтобы продолжить разговор, Бобби громко икнула. Как раз в тот момент, когда Йонас протиснулся мимо них. Что это было? У Бобби началась икота, а в ней ничего не шевельнулось?

– Со мной тоже было такое, – сказала Лина. – Я про икоту. Всякий раз, когда мне нравился мальчик.

– Я думала, тебе нравится Йонас, – сказала Бобби.

Лина пожала плечами.

– Да. Нет. Возможно.

Столько всего произошло.

Бобби снова икнула.

– Это не имеет никакого отношения к Йонасу. Чистая случайность, – сказала она. – Мы знакомы с песочницы. Нельзя влюбиться в кого-то подобного. – Она остановилась. – Можно ли вспомнить что-то, что произойдет только в будущем? – раздраженно спросила она.

– Можно, – сказала Лина. – Это называется желанием.

– Как будто я хочу бродить по лесу ночью рука об руку с Йонасом. Ерунда, – возмущенно сказала Бобби. – Я вообще не романтичная натура. – Румянец, покрывавший ее щеки, доказывал обратное.

– Если бы ты была помидором, то была бы очень красивым помидором, – сказала Лина.

– Ты мне тоже нравишься, – ответила Бобби и снова икнула. – Знаешь, я работаю над средством. Против икоты.

– Тебе стоит попробовать уксус. С чили и сахаром, – сказала Лина. – Это всегда помогает.

– Где вас носит? – взревела Хлоя. – Пора на площадку.

Лина и Бобби вбежали в зал. В зале бушевала публика. В отличие от обычных дней соревнований сейчас трибуна была почти полностью заполнена. На скамейках сидели папы, мамы, дедушки, бабушки, друзья, братья и сестры, плотно прижавшись друг к другу, чтобы подбодрить свою команду на выход в финал.

Игра началась. Лина сделала движение вправо и в неожиданном маневре перебросила мяч в левую руку. Со своей позиции в тыловой зоне она умело прокатилась через центр поля, проталкиваясь с мячом мимо Хлои, которая снова мешала ей, потому что была слишком занята своей внешностью. Три противника блокировали доступ к семиметровой зоне. Лина уклонилась и резко подпрыгнула. Правым локтем она отбилась от защитницы, левым отмахнулась от нее, развернулась корпусом в воздухе и ударила по воротам. Она закончила свое феноменальное выступление ударом под невозможным углом.

Бобби вскочила со скамьи, публика бушевала, Йонас свистел с помощью пальцев. Он улыбнулся ей, и его глаза блеснули. Генриетта Альберс размахивала в ее сторону смущающим плакатом: «*Вперед, Роберта, вперед*». Некоторые вещи никогда не менялись.

Взгляд Лины упал на места, отведенные для ее семьи, и она замерла. В центре сидел юноша со светлыми, платиновыми волосами и разноцветными глазами. Он был одет в длинный черный плащ и подбадривал ее. Мяч полетел к Лине, но она была словно парализована. Со всей силы метательный снаряд ударил ей в лицо. Как срубленное дерево, упала она на землю и сильно ударилась головой. Какое-то мгновение она лежала неподвижно. Мир исчез. Затем, как в замедленной съемке, ее зрение снова прояснилось. Тренер склонился над ней. С трудом она поднялась на ноги.

– Все в порядке, – сказала она.

– Иди, присядь на скамейку, – потребовал тренер. Он подождал, пока Элиф и Софи крепко обхватят Лину и проводят с поля к скамейке запасных. Затем он вызвал Бобби на замену, которая побледнела, выбежав на поле. Впервые.

Лина сидела на скамейке совершенно неподвижно, все еще чувствуя головокружение. Внезапно она почувствовала, как кто-то сел рядом с ней.

– Что ты здесь делаешь? – сказала Лина, не поворачивая головы.

– Пришел повидаться, – сказал Данте.

Взгляд Лины упал на большие створчатые двери, где стояла Коко и панически жестикулировала. Она вспомнила о матери, об условиях

Хранительницы времени.

– Нам нельзя больше встречаться, – сказала она. – Я пообещала всем.

– Я здесь по личным причинам, – сказал Данте.

– Личных причин не бывает, – сказала она. – Не у путешественников во времени. Тебе нельзя здесь находиться. Ты подвергаешь себя опасности.

Повернув голову, она посмотрела прямо в глаза Данте, один зеленый, другой голубой. Он не отвел взгляда. Медленно он наклонился к ней, пока его лицо не оказалось совсем близко от ее, и все время не сводил с нее взгляда. И тут Лина почувствовала его нежные, как крылья бабочки, губы на своих. На какое-то чудесное, бесконечное мгновение время остановилось.

Никто этого не заметил, потому что в этот момент Бобби забросила свой самый первый гол. Лина не слышала ничего: ни аплодисментов, ни ревуших криков – ей казалось, что в большом зале они с Данте совсем одни.

Когда он отстранился от нее, она посмотрела на него, запыхавшаяся и счастливая.

– И что нам теперь делать? – спросила она.

1

Гандбол – командная игра, целью которой является забросить как можно больше мячей в ворота соперника. В отличие от футбола, мяч бросают руками.

2

В Германии, если школьник очень плохо учится или прогуливает уроки, родителям отправляют так называемое голубое письмо.

3

Пятидесятница в Германии – День Святой Троицы, или Пятидесятницы. Название в немецком трансформировалось от греческого «pentecoste» – пятьдесят. Праздник приходится на пятидесятый день после Пасхи.

4

«Миссия невыполнима» – серия из шести фильмов-боевиков, выпущенных с 1996 по 2018 год. В центре сюжета история агента Итана Ханта, вовлеченного в шпионский мир опасностей, предательства и интриг.

5

Кофе-драйв (или рекламный драйв) – здесь имеется в виду организованное дневное путешествие на туристическом автобусе или судне с торговым мероприятием в программе.

6

6 декабря в Германии отмечают день Николая Чудотворца. Накануне праздника принято вешать носки на камин или ставить на подоконник начищенную обувь, чтобы Санта-Николаус положил туда сладости и игрушки.

7

Айхберг – возвышенность в одном из районов Баварии, Германия.

8

Лагерь пятидесятников – это трехдневный палаточный лагерь во время Пятидесятницы или Дня святой Троицы в Германии.

9

ДБ (Deutsche-Bahn) – немецкая компания, основной железнодорожный оператор.

10

Имеется в виду детская песенка Еmpotrie, во время исполнения которой выполняются различные игровые движения руками, как в усложненных «ладушках».

11

Рольмопс – маринованная сельдь, скрученная в рулетики. Рулоны скрепляются деревянными палочками. Внутрь добавляют корнишон или

лук. Блюдо традиционно распространено в Германии, Латвии и в других европейских кухнях.

12

Коста-Брава – самый северный участок испанского средиземноморского побережья, популярный регион пляжного, спортивного и экскурсионного туризма.

13

Адвент-календарь (нем. Adventskalender) – традиционный в Европе календарь для отслеживания времени до прихода Рождества.

14

Трейлраннинг – спортивная дисциплина, подразумевающая бег по природному рельефу в свободном темпе или в рамках соревнования.

15

Atemlos – песня в исполнении Хелены Фишер.

16

Стереограмма, или магический глаз, – один из видов искусства, использующий новейшие разработки в области компьютерной графики и технологий, создающий иллюзию объема на основе двухмерного рисунка.

17

Эркер – полукруглый или многогранный выступ с окнами в стене здания.

18

Пикельхельм – остроконечный кожаный шлем, носившийся в XIX и XX веках военнослужащими русских, германских и английских вооруженных сил, пожарными и полицейскими.

19

Дирндль – женский национальный костюм немецкоговорящих альпийских регионов.

20

Веспа (Vespa) – культовый итальянский мотороллер.

21

Шларaffenланд – вымышленная земля в немецких сказках, где живут лентяи. Описывается как страна, где всего в избытке: земля с молочными реками и кисельными берегами, в которой звери бегают и летают жареными, дома сделаны из пряников, вместо камней повсюду лежит сыр. Наслаждения являются добродетелью обитателей страны, а упорная работа и прилежание – грехом.

22

Шпицрутен – длинный гибкий прут или палка, которыми били наказываемых, главным образом, солдат, прогоняя их сквозь строй.

23

«Летняя сказка» (Ein Sommermärchen) – документальный фильм 2006 года, снятый кинорежиссером и в прошлом футболистом-профессионалом Зёнке Вортманом. Фильм рассказывает о национальной футбольной сборной Германии, их матчах, а также о том, что происходит до них и после них.

24

Lidl и Aldi – сети торговых точек низких цен в Германии.

25

В Германии главным персонажем новогодних детских фантазий стал Санта-Николаус (или святой Николай), который неразлучен со своим слугой Рупрехтом. Этот дуэт по традиции приносит подарки для хороших детей и розги для провинившихся не под Рождество, а 6 декабря, в День святого Николая. Эта странная компания обязана своим происхождением средневековым традициям. В средневековых католических школах Германии к детям с подарками приходил священник. Но в деревнях средневековой Германии простой люд предпочитал, чтобы подарки детям приносил легендарный батрак Рупрехт, внешне очень сильно смахивающий на российского Деда Мороза. Так батрак Рупрехт и священник Санта-Николаус стали навещать детей вместе. Поэтому костюм Санта-Николауса представляет собой чаще всего сутану и шапку священнослужителя, традиционная белая борода также присутствовала.